

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOI TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

859

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПРЕСТУПНОСТИ

Социальные и правовые аспекты насилия

ТРУДЫ ПО КРИМИНОЛОГИИ

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIINIK 859 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПРЕСТУПНОСТИ

Социальные и правовые аспекты насилия

ТРУДЫ ПО КРИМИНОЛОГИИ

ТАРТУ 1989

Утверждено к изданию решением совета Отдела социологии
Тартуского государственного университета.

Ответственный редактор Э.Раска

Общая тематика предлагаемой читателю сборника непосредственно связывается с осуществляемой в нашей стране политической перестройкой и гласностью. Решительный поворот общества к восстановлению гуманизма в человеческих отношениях предполагает теоретическое и практическое преодоление насилия как инструмента управления социальными процессами и как элемента образа жизни, быта людей. Это, в свою очередь, требует глубокого изучения феномена насилия, раскрытия его истоков и природы.

Скромной попыткой развертывания соответствующих исследований является и данный сборник. Так как насилие обладает множеством проявлений, каждое из которых требует специфического подхода и осмысления, то при составлении сборника мы намеренно пошли на объединение различных точек зрения и подходов к проблеме. Хочется думать, что сборник послужит толчком для пробуждения интереса и дальнейшего, более глубокого и содержательного изучения насилия в нашем обществе.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ НАСИЛИЯ

Э. Раска

Определить точно и однозначно, что такое насилие, почти невозможно. Первой реакцией на этот вопрос в нашем воображении, как правило, появляется образ циничного хама или убийцы, который своими агрессивными действиями угрожает окружающим и терроризирует их. Но насилие — это не только угроза нашей физической неприкосновенности. Наряду с физическим насилием существует и так называемое духовное насилие. Более того, оказывается, что насилие может проявляться в поведении не только отдельной личности, но и в деятельности целых социальных систем. Так например, субъектами насилия экономического, политического, национально-культурного и т.д. порядка являются различного рода социальные системы начиная с неформальных общностей людей и кончая государственными институтами.

То обстоятельство, что насилие потенциально присутствует практически во всех областях социальной деятельности человека, наводит на мысль, что насилие, как таковое, отражает не столько какие-то особые "насильственные" свойства человека, сколько сигнализирует о специфике социальных условий, способствующих его появлению и существованию.

Преступность, в частности насильственная преступность, как известно, в нашей стране значительно варьируется по регионам. Как это объяснить? Причиной выявленных вариаций вряд ли являются только личностные или физиологические особенности населения сравниваемых регионов. Скорее всего причина заключается в различных социальных условиях жизнедеятельности людей по регионам. Конкретные исследования показывают также, что люди, которые в привычных для них условиях жизни не проявляют заметную склонность к насильственным действиям, могут стать весьма агрессивными в непривычной для них социальной среде. Так, различные формы агрессивного поведения среди мигрантов распространены больше, чем среди коренного населения. В этой связи небезинтересно отметить, что в непривычной среде обитания агрессивными становятся и те группы мигрантов, которые в родных условиях отличаются особо низкими показателями агрессивности. Это прежде всего женщины и люди преклонного возраста.

Существенные различия в показателях распространения

насильственного поведения обнаруживаются и при сравнении различных общественно-политических систем. Несмотря на определенные трудности, связанные с такого рода сравнением, оно по некоторым показателям все же возможно. Если, например, сравнить уровень убийств или других тяжких преступлений против жизни, здоровья человека в Эстонской ССР и в буржуазной Эстонии, то оказывается, что в условиях социалистического развития республики рассматриваемые преступления имеют тенденцию к росту, в то время как в буржуазный период их уровень из года в год понижался. По этой же группе преступлений ситуация в Эстонской ССР выглядит значительно хуже, нежели, например, в странах Скандинавии.

Можно, разумеется, привести еще множество примеров, так или иначе свидетельствующих о том, что истоки насилия лежат не в специфических свойствах индивидуума, а в тех условиях, в которых человек живет и действует. Качество социальных условий жизнедеятельности, определенной общественной системы в целом, не может не отражаться на качестве поведения людей. Поэтому для понимания природы насилия, его истоки нужно искать не в абстрактно обособленном человеке. Путь к познанию насилия идет от общества. Необходимо раскрыть те особенности общественных отношений, ту механику организации и функционирования общественного организма, которая непосредственно воспринимается людьми через условия жизнедеятельности и отражается в их социальном поведении.

Несомненно, проблема насилия имеет особую актуальность именно сегодня, когда в нашем обществе закладываются основы для гуманного, демократического развития социалистической государственности. Нам долгие годы внушали мысль, что в нашем обществе нет места насилию, что насилие в социалистическом обществе - явление исключительное и поэтому не заслуживает внимания. Только в последнее время, когда все больше и откровеннее говорится о сталинских временах, мы стали по-другому, более реалистично смотреть и на современное положение дел. Мы начинаем осознавать действительные масштабы насилия в нашей стране. Чтобы раз и навсегда покончить со старым кошмаром и построить общество, в котором насилие действительно было бы лишь исключением, необходимо окончательно раскрыть корни насилия в нашей жизни.

В короткой статье, разумеется, невозможно сколь-нибудь основательно проанализировать сложную и многогранную проблематику насилия. Мы попытаемся лишь схематически изло-

жить свою точку зрения по некоторым, на наш взгляд существенным моментам рассматриваемой проблемы, причем основное внимание, как уже было сказано, сосредоточиваем на возможных связях насилия с особенностями построения и функционирования общества.

Общество, несомненно, есть больше, чем просто механическое скопление массы людей. Так, зачатки общественной организации явно обнаруживаются в семье численностью в два-три человека и поэтому можно рассматривать семью в качестве первичной клеточки общества. Между тем, компанию, собравшуюся в купе пассажирского поезда, хотя там могут быть представлены формально все необходимые фигуры семьи, никто семьей не назовет и тем более не назовет первичной клеточкой общества. Равным образом, миллионная масса, собравшаяся на демонстрацию или митинг, качеством общества не обладает, в то время как жители маленькой деревушки с населением 100 человек могут быть рассмотрены как подструктура общества.

Следовательно, можно сказать, что одним из ведущих критериев, позволяющих разграничить общество и механическое скопление людей, является степень внутренней упорядоченности. Итак, общество - это внутренне упорядоченное целое, обладающее кроме всего прочего способностью к самопроизводству. Как известно, традиционными признаками общественной жизни людей являются территориальная и национальная общность. Исходя из этого положения, можно говорить о множестве обществ, определенных национально-территориально. Тем не менее следует уточнить, что национально-территориальная основа общности представляет собой лишь внешнюю, формальную характеристику общества.

Марксистское учение об обществе убедительно доказало, что определяющим фактором возникновения общественных структур, внутренней упорядоченности общественной жизни людей является их практическая деятельность в производстве, распределении и потреблении материальных и духовных благ. Именно на основе этой деятельности формируются первичные структуры совместной общественной жизни людей, примарные общности со свойственными им отношениями сотрудничества и подчинения. Постепенное развитие и совершенствование этих первичных общественных образований, таким же образом как и их взаимное слияние, интегрирование обеспечивает, в конечном счете, наличие развивающейся во времени и пространстве внутреннюю упорядоченность общественной жизни людей.

Так как движущей силой практической деятельности человека являются потребности, стремление к все большему материальному и духовному благополучию, то оказывается, что развивающиеся потребности человека определяют и развитие общественных структур, которые представляют собой социальный простор для удовлетворения человеком своих потребностей. А это значит, что общество, однажды возникшее, начинает функционировать и развиваться как самоорганизующаяся система. В силу того, что в самоорганизующемся и саморазвивающемся обществе проявляются, материализуются существенные силы самого человека, можно сказать, что развитость общественных структур определяет поле возможностей для каждого отдельного члена общества, определяет содержание и качество его жизнедеятельности.

В связи с тем, что интеграция людей в обществе осуществляется главным образом на основе двоякого рода отношений - сотрудничества и подчинения, - эти типы общественных отношений можно рассматривать системообразующими стержнями внутренней структуры общества. Если отношения сотрудничества образуют горизонтальные структуры общества, то отношения подчинения - вертикальные. Структура развитого общества характеризуется, как правило, множеством горизонтальных и вертикальных подструктур, что обеспечивает гибкость и стабильность общественного целого. Общественные отношения сотрудничества формируются прежде всего в связи с производством материальных и духовных благ, а отношения подчинения в связи с руководством и правлением общественными делами. При этом реальное положение человека в общественной структуре во многом зависит от того, насколько он включен как в процесс производства, так и распределения материальных и духовных благ, каковы его возможности участвовать в управлении общественными делами. Другими словами, о человеке как о полноценном члене общества, как о субъекте общественных отношений можно говорить лишь при условии, если он включен одновременно как в горизонтальные, так и в вертикальные структуры общественных отношений.

Как самоорганизующая система, общество является суверенным субъектом собственной жизнедеятельности. Поскольку объектом деятельности общества как субъекта является оно само, следует полагать, что в здоровом, нормально развивающемся обществе руководство и правление общественными делами преследуют цели совершенствования и

укрепления механизмов саморегулирования общественных структур. Именно этим общество и раскрывает простор для свободного самоосуществления своим членам и подсистемам, служит гарантией общественной защиты и источником человеческого достоинства для каждого отдельного человека.

Одним из организационных форм общества является государство. Тут следует отметить, что общество и государство - явления не равнозначные, хотя часто и отождествляются. Как форма общественной структуры, государство воплощает в себе главным образом управленческие механизмы общества, выступает представителем суверенитета общества. Практическое осуществление государственных функций происходит через государственный аппарат. Это не значит, однако, что государственный аппарат является суверенным субъектом власти. Государственный аппарат лишь осуществляет в рамках предоставленных ему полномочий суверенитет общества, действует от имени и в интересах последнего.

В то же время реальные взаимоотношения между государством и обществом, в особенности между государственным аппаратом и обществом далеко не такие четкие, какими их можно обрисовать в теоретическом изложении. Историческое развитие государственности свидетельствует как раз о том, что государство как форма человеческого общежития возникла в результате насильственного узурпирования власти. Правленческие амбиции меньшинства в отношении народных масс порождали потребность укрепить захваченную власть посредством специфического аппарата государственного принуждения. Так и получилось, что отчужденная от общества структура властвования, приняв форму государства, в течение веков подавляла и стесняла стремление народов к свободному самоосуществлению. В этой связи и вполне обоснованно можно сказать, что современные демократические структуры человеческого общежития сформировались именно вследствие долгосрочной упорной борьбы народов против государственного самоволия и насилия.

Особое положение государственного аппарата в структуре власти заключает в себе возможность и обратного движения. То есть, государственный аппарат, злоупотребляя своими полномочиями, может выйти из-под контроля общественности и узурпировать суверенную власть общества. Если такой поворот действительно имеет место, то для того, чтобы укрепиться в качестве полномочного суверенного субъекта власти,

государственный аппарат не может не уничтожить сформировавшиеся в обществе механизмы демократического самоуправления, деформировать всю организационную структуру общества. Иначе общество рано или поздно обуздает "бунтующий" против него государственный аппарат. Более того, чтобы искоренить возможность нападков на себя "снизу", узурпирующий власть государственный аппарат должен уничтожить экономическую независимость людей, подчинить членов общества под полный экономический и социальный контроль государственной бюрократии.

Нельзя не заметить, что впоследствии подобного рода мероприятий уничтожается общество как саморазвивающаяся система, а члены его превращаются в изолированные друг от друга индивидуумы. Изолированные в том смысле, что их не объединяют уже собственно социальные связи, а просто физическое существование. Править массами таких людей можно только силой, посредством государственно организованного насилия. Поэтому следует полагать, что осуществляемое государством массовое насилие над собственными гражданами является одним из наиболее достоверных признаков отчужденной власти.

Основывающее на насилии государственное самоволие генерализуется и становится необходимым элементом как в отношениях государственных органов с гражданами, так и межчеловеческого общения. И действительно, разложение естественной организационной структуры общества, в частности управленческих структур, порождает ситуацию, в которой человек может общаться с государством, ходатайствовать о государственном решении важных для него проблем только лишь в форме покорной просьбы или же, наоборот, путем насильственного давления, "мятежа". Так как последнее воспринимается государственной бюрократией более чувствительно, то и получается, что подобно тому, как само государство обращается со своими гражданами прежде всего с позиции насилия, так и граждане в отношениях с обществом предпочитают прибегать к насильственным мерам.

Вместе с тем вымирание отношений сотрудничества в горизонтальных структурах общества сопровождается все усиливающейся борьбой между индивидами и группами за более благоприятные условия существования. В этой борьбе все большую роль начинает играть насилие, духовное или физическое подавление конкурентов.

Таким образом, оказывается, что насилие как один из возможных атрибутов социального поведения действительно может вырасти из особенностей общественных структур. Предпосылкой насилия является отчужденная от суверенной воли общества власть, которая злым демоном правит над людьми. Этот демон, уничтоживший основные структуры общественного сосуществования людей и превративший внутренне организованную саморегулирующую общность в определенном смысле в социальное стадо, не может властвовать над ним иначе, как посредством насилия. Тотальное насилие, возвышенное в ранг инструмента государственного управления, заодно пронизывает все элементы социальной жизни людей, становится привычным явлением их жизнедеятельности.

Остается спросить, можно ли вышеизложенные соображения насчет социальной природы насилия применять в отношении нашего общества, для объяснения присутствия насилия в нашей действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, следует, во-первых, выяснить, обосновано ли говорить об отчуждении власти в отношении нашего общества. Если выяснится, что для этого имеются основания, то необходимо, во-вторых, проанализировать, как и в какой мере отчужденная власть воздействовала на организационные структуры общества в смысле деформации последних. И наконец, в-третьих, следует рассмотреть, каким образом возможные деформации общественных структур отражаются на различных проявлениях насильственного поведения людей.

Как известно, наше государство является порождением бурных событий революции. Рухнувший самодержавный режим оставил после себя обескровленную войной экономику и возбужденные общей разрухой народные массы. Освобождение от многовекового ига самодержавия разжигало революционную эйфорию масс, однако этого было недостаточно для того, чтобы остановить процесс разложения социально-экономических структур государства, чтобы обеспечить порядок и удовлетворение элементарного запроса на товары первой необходимости. Силу набирали анархические настроения. Временное правительство вместо того, чтобы принять решительные меры для восстановления нормального режима функционирования государственных органов, заботилось скорее всего о своей демократической репутации, в связи с чем потеряло всякий авторитет в глазах революционного народа.

В сложившейся ситуации единственной силой, которая

рискнула взять власть и заодно ответственность за судьбу страны и народа в свои руки, оказалась руководимая Лениным партия большевиков. Ленин решительно прекратил ведущую к катастрофе игру в демократию и провозгласил диктатуру пролетариата вместе с экономической политикой военного коммунизма. Чтобы обеспечить диктатуру пролетариата в преимущественно крестьянской стране, для того, чтобы вырвать экономику из хаоса, первоочередной задачей стало государственное строительство. Надо было в кратчайшие сроки построить новый, строго подчиненный контролю партии государственный аппарат, который был бы способный в масштабах всей страны осуществить социальную и экономическую политику партии.

Между тем следует признать, что строго централизованная государственная машина не рассматривалась Лениным как самоцель. И действительно, как только внутригосударственная и международная обстановка этого позволила, сразу началось ограничение полномочий центральных государственных органов, в особенности в сфере экономики. Была провозглашена новая экономическая политика (нэп). Такое, весьма кардинальное изменение политического курса в области экономики вряд ли можно объяснить только лишь желанием партии демократизировать общество. Определенную роль в этом, по-видимому, сыграло и то обстоятельство, что чрезмерно централизованная государственная машина явно не справлялась со стоящими перед ней задачами управления экономикой громадной страны. Она не сумела обеспечить необходимых для темпов роста товарного производства и скорее мешала нормальному экономическому развитию, нежели способствовала ему.

Пытаясь сегодня оценить рожденного революцией государство диктатуры пролетариата, никак нельзя сказать, что это было демократической институцией. Как раз наоборот, государство диктатуры пролетариата в первые годы советской власти была диктатурой в чистом виде, орудие насилия в руках у пролетариата. Как таковое, оно в критических моментах ничуть не колебалось показать свое действительное лицо. Однако следует сказать и то, что эта диктатура объективно служила интересам развития (вернее, спасения) общества. Вряд ли можно предположить, что в столь сложной общественно-политической и экономической ситуации, в которой находились многомиллионные народные массы бывшей царской империи непосредственно после победоносной революции, можно было бы обойтись без строгих мер в целях восстановления государ-

ственности. Это тем более невероятно, что народы империи не имели опыта демократического самоуправления. Следовательно, диктатуру пролетариата в первые годы ее существования можно оценить как форму государственности, выражающую объективные интересы населения. Она не служила орудием насилия отчужденной власти.

Новый этап развития советской государственности начинается в конце двадцатых годов, когда партия отказалась от нэпа, и был взят курс на восстановление централизованной административной системы по принципам военного коммунизма. Привлекает внимание, что повороту в развитии государственности предшествовали глубокие изменения в системе партийного руководства обществом. Из структуры политической власти была исключена не только ленинская гвардия партии, а практически партия как массовая организация в целом. Политическая власть сосредоточилась в руках партийного аппарата во главе со Сталиным. Этим была положена основа для возникновения осященной культа личности Сталина, ничем не ограниченной диктатуры партийной верхушки, орудием которой стала сверхцентрализованная бюрократическая государственная машина.

Представляется характерным, что именно в рассматриваемый период развития государственности административный государственный аппарат приобрел фактическое преимущество в отношении органов народной власти. Разумеется, формально, по букве основного закона и сейчас государственные органы правления должны были отчитываться перед органами власти. Действительно же последние потеряли принадлежащую им по закону полноту власти и превратились в жалкий придаток государственной бюрократии, в убогую декорацию беззаконности и самоволия.

Можно подумать, что в связи с этим государственный аппарат приобрел полную свободу действия. Нет, деятельность государственного аппарата была строго подчинена контролю партийной верхушки и лично Сталина. Более того, чтобы исключить возможность малейшего сопротивления государственного аппарата диктату политической верхушки, началось совмещение ключевых позиций государственной бюрократии и политической структуры власти. Была создана так называемая номенклатура, система должностей, которые укомплектовывались только по усмотрению и рекомендации соответствующих партийных органов. В результате государственная бюрократия как носитель собственно административных функций явно политизировалась и

стала одним из важнейших устоев структуры политической власти.

Как уже было сказано, в возникшей системе государственного правления в рассматриваемый период народ не имел никакой свободы слова. Диктатора, известное дело, не интересует воля народа. Ему нужен народ как послушная масса. Поэтому Сталин, уничтожив основанную на народной власти структуру, не смог ограничиться этим. Он должен был уничтожить и другие, консолидирующие общество структуры.

Первым подверглось удару крестьянство. В экономическом смысле относительно независимое от государственной бюрократии крестьянство несомненно мешало и раздражало диктатора. Мало того, что многомиллионной массой экономически обеспеченных, по-настоящему хозяйски самоуверенных крестьян было трудно манипулировать. Не была исключена и возможность того, что в связи с ростом экономической мощи, у крестьян появится политическое самосознание и на основе этого собственное политическое отношение к деятельности государственной бюрократии. Поэтому было решено уничтожить крестьянство как возможную политическую силу. Под лозунгами коллективизации произошло насильственное отчуждение собственности крестьянина, массовыми репрессиями и часто спровоцированным органами государства голодом была физически уничтожена значительная часть (10-15%) крестьянства.

Как и можно было ожидать, принятие в отношении крестьянства суровые меры сломили его как в экономическом, так и в духовном смысле. Самоуверенный и деятельный хозяин земли был одним ударом превращен в беспомощный невольник наемного труда. Вместе с этим начался постепенный процесс угасания свойственной для крестьянина привязанности к родной земле. Даже введение феодального принципа крепостного состояния не смогло воспрепятствовать массовому уходу крестьянства в города и рабочие поселки. Село стало быстрыми темпами пустеть.

Процессы, развязанные коллективизацией крестьянства, были еще более усилены проводимой в стране сверхбыстрой индустриализацией. Страна, без сомнения, нуждалась в современной индустрии и создание ее в тридцатых годах следует оценить как неоспоримое завоевание. Однако кажутся подозрительными некоторые экономические и политические методы индустриализации. Именно специфичность последних заставляет сейчас думать, что наряду с созданием современной

индустрии, под прикрытием этой кампании Сталин преследовал и другие, лично для него, быть может, более важные цели. А именно то, чтобы на практике осуществить свою давнюю идею об унитарном государстве и окончательно преодолеть еще оставшиеся в государственном строительстве остатки федерализма.

На пути к унитарному государству Сталину мешали, прежде всего, различные национальные образования, языковая и культурная самобытность отдельных регионов в рамках единого государства. Для того, чтобы раз и навсегда ликвидировать такую самобытность, чтобы основательно перемешать и тем самым определить на исчезновение самобытные национальные культуры, и была пущена в ход грандиозная программа индустриализации. Привлекает внимание, что в процессе реализации этой программы промышленные гиганты возводились не только в тех районах, где для этого были наиболее благоприятные условия, в частности, сырье и рабочая сила. Довольно часто для промышленных новостроек выбирали места в регионах, где не было ни сырья, ни необходимой рабочей силы. Это как раз и были те регионы, которые раздражали диктатора своей национальной самобытностью.

Результаты не заставили себя долго ждать. Развязанная индустриализацией массовая миграция рабочей силы, принудительное или добровольное перемещение миллионов людей с одних регионов государства в другие привело к исчезновению многих национальностей и культур. Исчезли не только маленькие нации. На грани исчезновения находились и такие великие нации, как украинцы и белоруссы.

С точки зрения народонаселения индустриализация страны дала еще один эффект, который явно способствовал ускорению исчезновения самобытных национальных и культурных образований. Десятки миллионов людей, вырванные из традиционной среды обитания и, утратив вместе с домом предков чувство родины, были превращены в массу без корней. Такие люди рано или поздно теряют свое социальное лицо и становятся в определенном смысле анонимными единицами в массе себе подобных. Нельзя не заметить, что эта масса, будучи относительно легко внушаемой и поддающейся манипуляциям, представляла собой весьма эффективное орудие в руках государственной бюрократии в ее борьбе с консолидирующими общество культурными и духовными ценностями и традициями. Думается, что основное, чего преследовала и достигла сталинская экономическая и социальная политика на уровне

человека как члена общества, было именно уничтожение социальной субъектности человека. Человек был оставлен без возможности активно участвовать в решении общественных дел. Более того, существенно были ограничены его возможности самостоятельно решать вопросы собственной жизни. Массовыми репрессиями, созданием атмосферы беззакония и страха было сломлено желание людей вообще интересоваться общественными делами. Идеологическая обработка людей, вся система государственной пропаганды направляла активность человека на поиск и уничтожение внутреннего врага. В результате этого наблюдалось чрезмерное распространение среди населения взаимного недоверия и ненависти. Полная зависимость от воли государства, с одной стороны, а с другой — постоянно переживаемый страх и недоверие в отношении окружающих превратили человека в безвольное чучело обстоятельств. Отсюда берет свое начало и характерный нашему обществу глубокий нравственный кризис. Бесконечная борьба за свое физическое существование не могла не превратить человека в хищника, который свои действительные и мнимые права пытается защитить прежде всего при помощи насилия.

Можно, таким образом, сказать, что сталинский этап развития нашей государственности по всем признакам представляет собой пример насилия отчужденной власти над обществом. Как симбиоз аппарата политической власти и государственной бюрократии, сталинское тотальное правительство насилия стала предупреждающим образцом для народов мира. Нам же приходится до нынешних дней питаться ее горькими плодами.

Уход Сталина со сцены истории в пятьдесят третьем году не привлек за собой сколько-нибудь существенных изменений в созданной им диктаторской системе правления. Поскольку в те времена отсутствовали реальные силы как внутри системы, так и за ее пределами, которые могли бы свернуть это чудовищное построение, то система продолжала свое функционирование и без создавшего ее диктатора. И все же исчезновение Сталина обозначило начало нового этапа в развитии нашей государственности. Если раньше сама система государственно организованного насилия находилась в железной хватке Сталина и поэтому не имела особых возможностей для самостоятельности, то теперь у нее появился широкий простор для развития и проявления собственной инициативы. Другими словами, если раньше политизированная государственная бюрократия служила

лишь безвольным инструментом в руках тирана, то в новых условиях существования она стала практически полномочным субъектом политической и административной власти. Более того, органически вросший в политическую структуру государства глубоко бюрократизированный административный аппарат стал подобно раковой опухоли разрастаться и практически вышел из-под контроля.

На новом этапе развития государственности стала все очевиднее абсурдность и антиобщественность деятельности отчужденной власти. Превратившись в самоцель, административно-бюрократическая система государственного правления в своей деятельности оказалась меньше всего заинтересованной в развитии экономической и социальной жизни страны. Главным для нее стало всестороннее обеспечение существования самой себя как на внутригосударственной, так и на международной арене.

В условиях свободного разрастания административно-бюрократической машины небывалые полномочия приобрели всесоюзные централизованные ведомства. Они стали в определенном смысле государствами в государстве. Так как смысл и оправдание своего существования эти ведомства видели прежде всего в том, чтобы как можно больше расширить поле деятельности, главным для них стала охота за ресурсами. Схватка во имя того, чтобы обеспечить расширение своих ресурсов, а также стремление как можно быстрее промотать уже имеющиеся - это и стало основным содержанием деятельности централизованных ведомств и критерием успешности этой деятельности. С точки зрения управления обществом, а также хозяйствования национальными богатствами все это привело к резкому снижению эффективности экономики страны. По существу хищническое хозяйствование ведомств опустошило природные ресурсы, разрушило территориальные, экономические и социальные структуры, привело наше общество к кризисной ситуации.

Неспособность разумно и эффективно управлять социально-экономическим развитием общества продемонстрировала созданная Сталиным административно-бюрократическая система и в конкретных условиях Эстонской ССР. Как известно, в период с 1918 по 1940 гг. Эстония имела государственную независимость. Хотя исторически это был очень короткий период, демократическое государственное устройство республики смогло прежнее колониальную окраину царской империи преобразовать в общество со значительным потенциалом экономического и

социального развития. Так как здесь отсутствовали сколько-нибудь значимые ресурсы для крупной промышленности, ведущей отраслью народного хозяйства республики стало сельское хозяйство. Обращает на себя внимание и тот факт, что буквально за считанные годы в этой области был достигнут европейский уровень хозяйствования. Удовлетворяя полностью внутригосударственный запрос, сельское хозяйство республики показало способность успешно конкурировать на внешнем рынке и тем самым сбалансировать бюджет внешней торговли в целом.

Наряду с сельским хозяйством развивалась, разумеется, и промышленность, а также другие отрасли народного хозяйства. Ориентированная прежде всего на удовлетворение внутригосударственного запроса, промышленность республики тем не менее обеспечивала почти полную занятость рабочей силы в городах и поселках городского типа. На волне экономического подъема расцвела национальная культура, улучшились показатели качества жизни населения. Так, к 1940 году в экономическом и социальном развитии республики был достигнут уровень, который вполне можно сравнить с уровнем развития тогдашней Финляндии.

Постепенное улучшение показателей уровня жизни внушало населению оптимизм в отношении будущего и смягчало социальные напряжения. Об этом убедительно свидетельствуют относящиеся к этому времени данные о распространенности различного рода отклоняющегося поведения. Если в начале государственной независимости, непосредственно после окончания разрушительной войны и революционных событий уровень преступности, злоупотребления алкоголем, а также самоубийств был приметно высок, то в следующие годы наблюдалось постепенное и значительное снижение как уровня преступности, так и алкоголизации и самоубийств. Так в период с 1921 по 1938 гг. потребление спиртных напитков в расчете на одного человека населения снизилось примерно до одной трети. В то же время приблизительно вдвое уменьшилось число умышленных убийств и покушений на убийство, а также количество изнасилований и разбоев. Несколько сложнее выглядела в рассматриваемый период динамика самоубийств, однако и здесь обнаруживается явная тенденция к уменьшению.

Нормальное развитие государства и общества было резко прекращено в 1940 году, когда республика была включена в состав Советского Союза. Сразу же после присоединения на территории республики были пущены в ход известные меры из

арсенала сталинского режима насилия. Испытанными ранее кампаниями коллективизации и индустриализации за короткое время были уничтожены основные экономические и социальные структуры общества. Успешно развивающееся суверенное малое государство было опять превращено в колониальную окраину сверхгосударства, в территорию, где полную свободу действия получили ненасытные всесоюзные ведомства. Теперь уже почти полвека длящееся хозяйничание этих ведомств довело к плачевному состоянию не только экономику республики. С точки зрения социальных последствий наиболее тяжкими, быть может, следует оценить происшедшие за это время деформации в демографической структуре и исходящие из последних тенденций к распаду национальной культуры. Крайне обостренную экономическую и социальную ситуацию в республике усиливает реальная опасность экологической катастрофы в связи с предельно интенсивным загрязнением природной среды.

Происходящие за последние десятилетия деструктивные процессы в экономике и социальной жизни республики заметно тормозили развитие общества. Если в 1940 году уровень социально-экономического развития был еще сравним с уровнем тогдашней Финляндии, то сегодняшний уровень социально-экономического развития Финляндии представляется для нашего общества мечтой далекого будущего. Порожденный застоем общественного развития социальный пессимизм, таким же образом, как и постоянное переживание людьми чувства бессилия по отношению к подавляющему их насилию не могут не отражаться в статистике аномального поведения. Так, в расчете на одного человека мы потребляем чистый алкоголь почти четыре раза больше, чем в 1938 году. Разумеется, в результате предпринятых в 1985 г. мер несколько сократилось потребление легальных винно-водочных напитков, но зато резко возросло потребление самогона и различного рода суррогатов. И это вполне нормальный ход событий, так как в борьбе с злоупотреблением алкоголем мы опять-таки предпочли свойственные нашему государству административно-насильственные меры, пренебрегая мерами социально-экономического порядка.

Угрожающие размеры приобрела преступность. Чтобы хоть косвенно иллюстрировать сегодняшние масштабы преступности в республике, сошлемся только лишь на тот факт, что по сравнению с 1938 годом среднегодовое число лиц, отбывающих наказание возросло примерно в три раза. Такой прирост заключенных никак нельзя объяснить одним только приростом

населения. Привлекает внимание и то, что преступность в нашей республике уже давно перестала быть ремеслом социально деградированных элементов населения. В преступном мире представлены практически все прослойки и группы общества, в связи с чем значительно возросла социальная опасность преступности. Тревожит и то, что все в большей мере заражается преступностью подрастающее поколение, что преступность из года в год омолаживается.

В борьбе с преступностью государственные органы прибегают, прежде всего, к принудительным мерам. Широкое применение порой бесчеловечно суровых наказаний никак не способствует искоренению преступности или же перевоспитанию преступников. Наоборот, преступник, проходивший через адские условия в местах лишения свободы, теряет, как правило, окончательно свое человеческое лицо. Постоянный рост численности таких, своего рода заклеянных наказанием людей среди населения в свою очередь повышает преступный потенциал общества.

Основательный перелом в социальном поведении людей отражается не только в соответствующих статистических данных, которые к тому же могут быть не совсем достоверны. Еще в большей мере это отражается через отношения и установки людей. Сейчас под лозунгом гласности в печати появляется множество материалов, так или иначе свидетельствующих о том, что мы стали чрезмерно равнодушными в отношении чужого страдания и боли. Мы пропитаны злостью и готовы ее вылить на первого встречного. В отношении окружающих мы настроены негативистски, ожидаем от других скорее дурного, нежели приятного. Мы потеряли способность (желание?) понимать других и предпочитаем осуждать их. В причинении физических или духовных страданий мы склонны видеть главную дорогу к обеспечению порядка, будь то порядок в широком общественном смысле или в семейных отношениях.

Все более глубокое проникновение насилия в нашу жизнь наиболее непосредственно обнаруживается в поведении детей. Сотворенные детьми и подростками ужасные акты насилия и вандализма волей-неволей заставляют думать, что идущее за нами поколение просто кипит от черной злости и желания мести. Не ведая, кому и за что мстить, оно оскверняет все, что попадает под руку. Это, конечно, пугает нас, однако нам необходимо понимать и то, что дети наши, ведомые слепой жадой насилия, сами являются его жертвами. Их с самого рождения формирует действительность, грубо отвергнувшая

идеалы гуманизма; они вскормлены молоком, отравленным ложью и демагогией. Детьми общества, не признающего милосердие и человеческое сочувствие, они и сами жестоки и безжалостны.

Только в самое последнее время, когда мы начали осознавать масштабы душасшего нас насилия, лжи и лицемерия, была поднята и проблема дефицита милосердия в нашем обществе. Нет сомнения в том, что это первые признаки нашего пробуждения от долгого кошмарного сна. Тем не менее было бы легкомысленно думать, что только лишь силой слова, одними призывами можно отвергнуть демон насилия. Сейчас очень важно реалистически увидеть и оценить нашего действительного противника. Конечно, было бы утешительно верить, что все наше несчастье скрывается в глуповатом бюрократе, который якобы не понимает интересы народа и государства и в своей ограниченности как бы ненамеренно пускает в ход процессы, тормозящие развитие общества.

К сожалению, действительность гораздо страшнее. На самом деле против нас стоит мощная и твердая в своих намерениях административно-бюрократическая государственная машина, которая воплощает в себе отчужденную от общества власть. Можно быть уверенным в том, что добровольно этот монстр не уступит ни капли своей власти, а в стремлении увековечить себя не будет выбирать средства. Налаживая путь к достойному человеку будущему, нам следует уничтожить именно этот оставленный нам Сталиным монстр.

СОЦИОЛОГИЯ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Я.И.Гилинский

Человек является единственным
видом, в котором борьба носит
уничтожающий характер.

Н.Тинберген

1. Каждая развитая наука включает по меньшей мере три уровня знаний: общую теорию, специальные или частные теории, методики эмпирических (прикладных) исследований. Специальные криминологические теории, исходя из общей криминологической теории (социологии преступности), разрабатывают концепции отдельных видов преступности, а также криминологических институтов (теория криминологической профилактики, виктимология, учение о личности преступника и т.п.).

Специальной криминологической теорией является и криминология насильственной преступности, в разработку которой существенный вклад внесли советские исследователи (С.Б.Алимов, Г.В.Антонов-Романовский, Ю.М.Антонян, С.В.Бородин, Б.В.Волженкин, М.Н.Гернет, Н.И.Загородников, А.Ф.Зелинский, А.Н.Игнатов, А.В.Наумов, С.С.Овчинский, Э.Ф.Побегайло, Г.М.Резник, М.Д.Шаргородский, Д.А.Шестаков и др.).

Насильственная преступность, будучи одним из видов преступности, является вместе с тем формой социального насилия. Тем обоснованней широкий социологический подход в исследовании истоков, места насилия в структурной иерархии организации мироздания, в контексте единого мирового процесса самодвижения материи.¹

Это особенно важно сейчас, когда человечество оказалось на грани самоуничтожения, а эскалация насилия во всех его проявлениях (войны мировые и локальные, революции и контрреволюции, "правый" и "левый" экстремизм, государственный и индивидуальный терроризм, насильственная преступность и

¹ Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука. 1987; Пригожин И. От существующего к возникающему. М.: Наука. 1985; Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс. 1986. См. также: Гилинский Я.И. Некоторые вопросы методологии криминологических исследований// Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности: Ученые записки Тарт.гос.ун-та. Тарту. 1988. С.102-110.

насилие в борьбе с ней...) может в любой момент "подтолкнуть" человечество в пропасть ядерной катастрофы.

В чем же корни человеческой агрессивности и насилия? Какую функцию выполняют они в мировом процессе самоорганизации материи?

2. Существование любой системы (в том числе, общества) есть процессирующее тождество сохранения и изменения. Чем выше уровень организации (организованности) системы, тем динамичнее ее существование и тем большее значение приобретают изменения как "средство" сохранения. Неравновесность, неустойчивость становятся источником упорядоченности ("порядок через флуктуации" 2).

Важнейшим элементом механизма сохранения - изменения служит адаптация (как приспособление к среде и "приспособление" среды). В соответствии со вторым законом термодинамики и принципом возрастания энтропии, повышение уровня организованности системы возможно лишь за счет увеличения энтропии среды, ее дезорганизации (принцип расплаты). В целом эволюция Вселенной (во всяком случае, в известной нам части "нашей" Галактики) идет пока по пути усложнения (повышения степени организованности) вновь возникающих, "порождаемых" материей уровней ее организации. Это усложнение, появление все более высоко организованных систем также происходит за счет дезорганизации среды, средовых систем. Чем выше уровень организованности системы, тем более энергичны, активны ее адаптации.

"Возвышение" от физического уровня организации материи до биологического означает появление новых, более эффективных способов адаптации. В процессе дарвинского естественного отбора и "борьбы за существование" повышается информационное содержание, "емкость" биологических систем, степень их организованности. Однако, за все приходится платить! "Сохранение всегда достается ценой гибели подавляющей массы его представителей... Для противодействия энтропии хищник вынужден истреблять травоядных животных... Следовательно, хищник как "самоорганизующая система" живет за счет дезорганизации травоядных, вызывая эту дезорганизацию в масштабе, оставляющем далеко позади масштаб собственной самоорганизации" 3. Надо ли напоминать, что

2 Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С.236-272

3 Камшилов М.М. Эволюция биосферы. М.:Наука. 1979. С.216

травоядные столь же активно дезорганизуют мир растений.

Появление в процессе эволюции общественного человека - "средства" самопознания материи - означало переход на новый, социальный уровень ее организации. "Сегодня стало совершенно очевидно, что и человеческое общество следует относить к общему классу адаптивных систем" ⁴. Сверхадаптация общественного человека осуществляется путем активного, "силового" изменения среды. Биологическая "борьба за существование" перерастает в "сверхборьбу за лучшее существование".

3. Умышленное массовое истребление представителей своего вида - явление исключительное в биологии. "Люди - единственный вид, внутри которого систематически практикуется взаимное умерщвление" ⁵. Если учесть, что самоубийство тоже "привилегия" людей (встречающиеся исключения в мире животных - лишь подтверждение общего правила, стремления к самосохранению), то можно предположить, что повышенная агрессивность и ее разрушительные последствия послужили "платой" за переход рода *homo sapiens* на более высокий уровень организации материи.

Нередко истоки человеческой агрессивности и насилия напрямую выводят из агрессивности животных. В обыденном сознании - это представления о "зверском убийстве", "зверской жестокости" и т.п. Однако агрессивность человека и животных имеет существенные различия. Во-первых, внутривидовая агрессия меньше всего присуща животным. У них акты внутривидовой борьбы редко заканчиваются смертельным исходом, ибо сигналы "капитуляции" одного из соперников прекращают схватку. Во-вторых, убийство среди животных всегда "инструментально": из-за пищи, из-за самки, при защите детеныша, но никогда не превращается в самоцель, не бывает как у людей - "просто так", куражу ради, "из хулиганских побуждений". Если волк вынужден есть зайца, а заяц - капусту, то человек уничтожает и тех и других "ради спортивного интереса"... В-третьих, только человеческому роду свойственно массовое, систематическое уничтожение себе по-

⁴ Маркарян Э.С. Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход//Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник 1980. М.: Наука. 1981 С.144

⁵ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории//Философские проблемы исторической науки. М.: Наука. 1969 С.109-110

добных, приведшее человечество к той роковой, "запретной" черте, перешагнув которую, оно совершит самоубийство, унеся с собой в ядерном безумии все живое. За 5580 лет (с 3600 г. до н.э.) на Земле было всего 300 мирных лет, свыше 15 тыс. войн; унесших около 3,5 млрд. человеческих жизней. только за 80 лет XX века в мире произошло 154 войны, стоивших человечеству свыше 100 млн. жизней. Какие хищники животного мира могут похвастаться столь массовым уничтожением сородичей?!

Очевидно, "специфические особенности агрессивности у человека есть следствие специфических же для человека условий жизни, т.е. следствия особенностей той социальной среды, которую он в процессе своего исторического развития для себя создал. При таком понимании проблема причин агрессивности превращается в проблему исследования тех социальных причин, которые агрессивность вызывают".⁶ Агрессивность, понимаемая как враждебное отношение к объекту посягательств, овеществленное в насилии - действиях, направленных на его разрушение, свойственна человеку - носителю (продукту и творцу!) социальных отношений.

Человечество венчает биологическую пирамиду и служит "ступенью" к более высокому уровню организации материи - социальному. Адаптация человека как биологического существа "доразвилась" до сверхадаптации социального организма - общества (которое само возникло и функционирует как "средство" адаптации homo sapiens!). А "борьба за существование" "доразвивается" до "сверхборьбы за сверхсуществование"!...

Агрессивность, уходящая корнями в биологию, является теперь в форме социального насилия, обусловленного законами общественного развития.

4. Способом существования общественного человека является предметная коллективная сознательная деятельность. Она выступает инобытием ("доразвитием") биологической активности (как инобытия, доразвития фундаментальной способности материи к самоорганизации).

"Орудием" природы, "заставляющим" человека в процессе производительной деятельности выполнять свою негэнтройную функцию, служат потребности. Именно они опре-

⁶ Бассин Ф. Тяжкое бремя легких аналогий// Диалоги. М.: Политиздат. 1979. С.55.

делают содержание деятельности. Но человек присваивает продукты природы, а также ее "переделывает" в процессе совместной, коллективной деятельности. Способ связи, отношения между индивидами и их группами в процессе совместной материальной и духовной деятельности; та форма, в которой она протекает, — и составляет сущность социального. Выражением совокупности этих связей и отношений выступает общество как целое, как система. 7

Одним из свойств этой системы является социальная экспансия, т.е. тенденция к количественному росту, расширению, к распространению на среду своего экономического, политического, идеологического влияния, в том числе — насильственными средствами. 8

Переход с биологического уровня организации материи на социальный приводит к изменению механизма наследования, к "вытеснению" генетического наследования культурой (как специфическим для людей способом деятельности и объективированным в различных продуктах результатом этой деятельности 9), а также к переходу от отбора индивидов к отбору форм организации и деятельности. Меняются и критерии отбора. Наряду с агрессией и насилием в обществе действует запрет "не убий!" как эволюционное "средство" выживания не только "сильнейших", но и "умнейших" 10.

Культура вбирает подчас аксиологически противоположные, но адаптивные, функциональные способы (формы, образцы) деятельности, "отбираемые" в процессе эволюции. Очевидно, сохраняющиеся формы социальной патологии объективно функциональны и только поэтому не элиминированы в процессе эволюции общества. И в этом смысле — "все действительное разумно"!.. Сказанное полностью относится и ко всем формам социального насилия. "Эволюционная мясорубка работает

7 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч.П. С.385; Т.46. Ч.1. С.214.

8 Айдинян Р.М. Введение в теорию социальной организации Л.: ВПШК. 1980. С.116-119. Вообще экспансия, как овладение средой, присуща и миру живого (работы В.И.Вернадского, А.А.Ухтомского и др.).

9 Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль. 1983.

10 Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. С.111-117.

социальными ножами с той же эффективностью, что и биологическими". 11

Социальные причины насилия кроются прежде всего в социальной иерархии, социальном неравенстве, в неравенстве возможностей удовлетворения потребностей, а стало быть в различии интересов классов, социальных групп и индивидов 12. Особое "криминогенное" значение имеют неудовлетворенные социальные потребности - в самоутверждении, самореализации индивида ("комплекс Герострата"). Если неудовлетворенные витальные потребности влекут "борьбу за существование", то неудовлетворенные социальные потребности - "сверхборьбу за сверхсуществование"!.. Именно насильственные преступления (вообще Насилие) раньше и чаще других выступают "средством" самоутверждения. И лишь исторически позднее эту функцию начинают выполнять Власть и Богатство.

Будучи, как любые действия человека, способом удовлетворения потребностей, насильственные преступления либо "рациональны", инструментальны как средство удовлетворения преимущественно витальных потребностей, либо "нерациональны", эмоциональны и служат средством удовлетворения преимущественно социальных потребностей - в престиже, социальном статусе, в самоутверждении.

Факторами, способствующими эскалации насилия, служат: крайняя поляризация групповых интересов (всемоушество и богатства рашидовых, адыловых при бесправии и нищете земледельцев); отчуждение трудящихся от политики, экономики, искусства; обесценение жизни в условиях отчуждения, господства Организаций и Административной системы (не говоря уже о сталинском терроре); монополизация государством права на умерщвление (в Афганистане или же по приговору суда к "исключительной" мере наказания...); обострение межклассовых, межгрупповых, межнациональных, межличностных конфликтов в ситуации глобальных и локальных кризисов; сокращение реальных легальных возможностей самоутвердиться в социально полезной, нестандартной, творческой деятельности. Вот почему столь губительны последствия нивелирования личности, "искоренения" всякого инакомыслия и инакодействия в

11 Левитин К. Горящий светильник. М.: Знание. 1983. С. 201

12 Подробнее см.: Гилинский Я. И. Проблема причинности в криминологической науке // Сов. государство и право. 1986. nr. 8. С. 67-71.

годы преступного сталинского режима, а также в период брежневского застоя. Вот почему минимальный уровень преступности наблюдался в период "оттепели", затем происходит постоянный рост преступности с максимумом в 1983-1984 гг. и лишь в 1985-1987 гг. наступает снижение ее уровня. Возрастание показателей зарегистрированной преступности в 1988 г. свидетельствует, с моей точки зрения, не об "ошибочности" или "перегибах" перестройки, а об ее "недостаточности" и "торможении" со стороны антиперестроечных сил (бюрократического аппарата, организованной преступности, владельцев "дефицита", развращенных бездельем и приученных довольствоваться жалким существованием на "гарантированную оплату труда" слоев населения).

5. Общие социально-экономические процессы, а также тенденции насильственной преступности специфически проявляются в отдельных регионах страны. В частности, в Ленинграде - "великом городе с областной судьбой"... 13

Вообще в Ленинграде, как и в других крупнейших городах страны (Москва, Киев и др.) уровень тяжких насильственных преступлений ниже, чем в целом по стране. Так, в 1978 г. уровень умышленных убийств в Ленинграде составлял 50,8 % общесоюзного, а уровень тяжких телесных повреждений - 65 %. В 1987 г. уровень умышленных убийств в городе (3,0 на 100 тыс. жителей) составил 58,8 % общесоюзного (5,2), а уровень тяжких телесных повреждений (8,1) - 81% общесоюзного (10,0), уровень изнасилований (3,4) - 53,9 % общесоюзного (6,3). Однако, как явствует из этих данных, разрыв между городскими и союзными показателями сокращается.

Динамика тяжких насильственных преступлений в Ленинграде за 1961 - 1987 гг. представлена в таблицах 1,2.

13 См.: Аврутин Ю.Е., Гилинский Я.И. Система социальной профилактики правонарушений: перспективы создания и механизм функционирования // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности... Тарту. 1988. С.3-14.

Таблица 1
Динамика тяжких насильственных преступлений
(в % к предыдущей пятилетке)

Виды преступлений	Г О Д Ы				
	1961-1965	1966-1970	1971-1975	1976-1980	1981-1985
Умышленные убийства (с по- кушениями)	100	+4,7	+7,2	+15,9	+38,6
Тяжкие телесные повреждения	100	+5,2	+39,6	+65,4	+31,9
Менее тяжкие телесные повре- ждения	100	-36,3	+24,1	+80,0	+44,2
Изнасилования (с покушениями)	100	-22,2	+2,5	+20,2	+74,5

Таким образом, количественный рост зарегистрированных пре-
ступлений начался по убийствам и тяжким телесным повреж-
дениям в восьмую пятилетку (1966 - 1970 гг.), а по менее
тяжким телесным повреждениям и изнасилованиям - в девятую
пятилетку (1971 - 1975 гг.).

Таблица 2
Динамика уровня тяжких насильственных
преступлений (на 100 тыс. жителей)

Виды преступлений	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987
Умышленные убийства (с покушениями)	3,5	3,9	4,1	4,2	4,4	5,3	5,9	5,4	4,9	5,1	3,9	3,4
Тяжкие те- лесные по- вреждения	7,6	8,4	11,4	11,7	11,4	11,2	11,1	14,2	14,4	12,4	10,4	8,1
Менее тяжкие телесные по- вреждения	4,6	3,7	5,0	5,5	7,7	7,0	7,6	10,6	10,9	9,3	7,9	6,4
Изнасилова- ния (с поку- шениями)	2,8	2,4	2,7	3,3	3,7	4,2	4,0	5,3	6,7	4,5	3,9	3,4

При общем увеличении уровня тяжких насильственных преступлений (с максимумом умышленных убийств в 1982 г., тяжких и менее тяжких телесных повреждений и изнасилований в 1984 г.) наблюдалось их снижение в 1985 - 1987 гг. Эта тенденция могла бы оцениваться как обнадеживающая, если бы не новый рост в 1988 году (за 11 месяцев рост умышленных убийств на 48,3 %, тяжких телесных повреждений - на 56,4 %¹⁴, что намного опередило общесоюзные темпы роста зарегистрированной преступности в стране 15).

Трудно дать обоснованный ответ о причинах нарастающего неблагополучия в динамике насильственной преступности в городе. Требуются сравнительные межрегиональные исследования, углубленное изучение социально-экономических, демографических процессов. Думается, однако, что немаловажную роль играет разрыв между возрастающим уровнем потребностей и самосознания населения и объективными условиями жизни, отставанием в развитии городской инфраструктуры, силами торможения перестройки. Большая раскованность людей, ободренных идеями перестройки, демократизации общественной жизни, гласности, рост самосознания, понимания невозможности жить по-старому нередко наталкиваются на прежние барьеры, бюрократические препоны, несправедливость. Терпение людей иссякает в бесконечных очередях за "дефицитом" и просто за предметами первой необходимости, в ожидании безобразно работающего общественного транспорта, в попытках добиться элементарного бытового, медицинского, жилищно-коммунального обслуживания. Все это не может не сказываться на социально значимом поведении горожан, включая его антиобщественные формы.

Общие причины социальной патологии и социального насилия проявляются в неравномерном распределении насильственной преступности среди различных социально-демографических групп населения. Рассмотрим некоторые данные в динамике за 12 лет (1976 - 1987 гг.).

Изменения доли женщин среди убийц не проявляют какой-то выраженной тенденции и колеблются от 11 % в 1979 г. до 17,8% в 1987 г. с единственным "выбросом" в 1986 г. - 22,3 %. Более четко прослеживается относительное возрастание доли женщин среди лиц, причинивших тяжкие телесные повреждения:

14 См.: Ленинградская панорама. 1989. nr.1.

15 См.: Известия. 1989. 13 февраля.

7 - 8 % в 1976 - 1978 гг., 10,5 - 11 % в 1979 - 1983 гг., 14,2 - 16,4 % в 1984 - 1987 гг. В целом это соответствует общей неблагоприятной тенденции повышения криминальной активности женщин.¹⁶

По убийствам и тяжким телесным повреждениям высока криминальная активность среди молодежи (возрастные группы 18 - 24 и 25 - 29 лет). Доля несовершеннолетних (14 - 17 лет) среди убийц колебалась от 0,8 % в 1984 г. до 10,2 % в 1976 г., в среднем она составляла 5 - 8 %, а коэффициент преступной активности в 1979 г. (год Всесоюзной переписи, позволившей наиболее точно рассчитать коэффициенты) равнялся 0,89. Доля 18 - 24-летних составляла 16,5 (1977 г.) - 21 % (1980 г.), коэффициент криминальной активности - 1,2 (1979 г.). Доля 25 - 29-летних колебалась от 15,7 % в 1983 г. до 21,3 % в 1986 г., коэффициент преступной активности - 2,67 (1979 г.). Коэффициенты активности старших возрастных групп - 1,7 (30 - 49) и 0,24 (50 лет и старше).

Среди лиц, причинивших тяжкие телесные повреждения, доля несовершеннолетних составляла 2,3, (1984 г.) - 10,2 % (1976 г.), коэффициент криминальной активности - 1,76. Доля 18 - 24-летних колебалась от 8,3 (1987 г.) до 27,1 % (1976 г.), коэффициент преступной активности - 1,49. Доля 25 - 29-летних составляла 17 (1983 г.) - 21,7 % (1977 г.), коэффициент преступной активности - 1,94. Коэффициенты криминальной активности старших возрастных групп - 1,55 (30 - 49 лет) и 0,33 (50 лет и старше).

Существенно моложе контингент насильников. Среди осужденных за изнасилование несовершеннолетние составляли 15,9 (1984 г.) - 41,1 % (1983 г.), в среднем - 20 - 25 %, коэффициент преступной активности (в 1979 г.) - 5,57! Это самый высокий показатель среди всех возрастных групп по всем видам преступности. Доля 18 - 24-летних колебалась от 25 % (1983 г.), 45,4 % (1984 г.), коэффициент преступной активности - 2,82. Доля 25 - 29-летних составляла 15,2 (1977 г.) - 25 % (1978 г.), коэффициент преступной активности - 2,28. Коэффициенты криминальной активности 30 - 49-летних - 0,47, а в старшей возрастной группе ничтожно мал.

Повышенная криминальная активность подростков и молодежи

¹⁶ Здесь и далее ср.с: Побегайло Э.Ф. Насильственная преступность: современные тенденции, перспективы борьбы// Сов. государство и право. 1988.нр.9. С.72-79.

объясняется их "маргинальным" положением в обществе, неудовлетворенными потребностями в самоутверждении, культом физической силы, отсутствием или утратой чувства сострадания, в нередко и жестким (жестокоим) семейным воспитанием (ибо, как говорил доктор Б.Спок, "преступники вырастают из детей, страдавших не от недостатка наказаний, а от недостатка любви" 17).

По образовательному уровню преобладают лица со средним образованием (коэффициент криминальной активности 1,9 - 2,4) и неполным средним образованием (коэффициент 1,3 - 1,7). Ниже криминальная активность лиц со средним специальным образованием (коэффициент 0,4 - 0,9) и минимальная "криминогенность" лиц с высшим образованием (коэффициент 0,1).

Социальное положение - наиболее существенный фактор социально значимого поведения. В течение многих лет нас убеждали в постоянном сближении классов и социальных групп, в преодолении существенных различий между городом и деревней, трудом умственным и физическим, аграрным и индустриальным, управленческим и исполнительским... В действительности же происходило все большее расслоение общества, формирование элитарных групп, административного аппарата и обездоленного большинства. Иллюзией были и вера в рабочий класс как "хозяина страны", и в то, что "молодым везде у нас дорога", а "старикам везде у нас почет"... В Ленинграде, как и в других регионах страны, наиболее высокая криминальная активность (по линии уголовного розыска), включая тяжкие насильственные преступления, - среди рабочих, учащихся ПТУ, деклассированных слоев ("бомжи" и т.п.).

Доля рабочих среди убийц составляла 45,9 (1986 г.) - 64,9 % (1977 г.), коэффициент преступной активности - 1,9 (1979 г.). Доля служащих - 2,6 (1976 г.) - 7,7% (1984 г.), коэффициент криминальной активности - 0,17. Доля учащихся колебалась от 1,8% (1984 г.) до 7,7% (1976 г.), коэффициент преступной активности - 0,28.

Среди лиц, причинивших тяжкие телесные повреждения, рабочие составляли 57,1 - 66,3 %, коэффициент преступной активности - 1,97. Доля служащих - 2,6 - 4,1%, коэффициент активности - 0,16. Учащихся было 2 (1986 г.) - 8% (1977 г.), коэффициент преступной активности - 0,39.

В общем числе насильников рабочие составляли 40 - 55%,

17 Лит.газета. 1968. nr.10. С. 11.

коэффициент преступной активности - 1,59. Служащих было - 1,6 - 5,3%, коэффициент активности - 0,14. Доля учащихся составляла 17,1 (1978 г.) - 38,6% (1983 г.), коэффициент криминальной активности - 1,0. В целом прослеживается рост доли учащихся в этом преступлении (от 17 - 25% в семидесятые годы до 28 - 38% в восьмидесятые). Из учащихся различных видов учебных заведений максимальная криминальная активность среди учащихся ПТУ, минимальная - у студентов вузов.

Поскольку численность неучащихся и неработающих, лиц без определенных занятий и места жительства в населении города достоверно не известна, постольку невозможно рассчитать уровень их криминальной активности. Однако их доля среди всех лиц, виновных в совершении тяжких насильственных преступлений, велика (15 - 25%) и имеет тенденцию к росту.

Много насильственных преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения: убийств - 64-75%, тяжких телесных повреждений - 70-79%, изнасилований - 68-78%. Вопреки распространенному представлению, доля лиц, находящихся в наркотическом возбуждении, ничтожна (0-2%).

Больше всего убийств совершается в сфере быта - 22-39%, а в 1987 г. - около 63%.

В группе чаще всего совершаются изнасилования (42-58%), реже убийства (11-22%), еще реже - тяжкие телесные повреждения (5-9%).

Рецидивистов (ранее судимых) больше среди убийц и причинивших тяжкие телесные повреждения (34-43%), меньше среди насильников (18-27%).

Убийства и тяжкие телесные повреждения совершаются чаще всего в промежутке 20-0 часов (40-50% всех преступлений), а изнасилования - между 20 - 04 часами (60-65%). Убийств и тяжких телесных повреждений больше всего совершается в субботу (19-20%) и в пятницу (15-17%), изнасилований - в субботу (20%), а также в воскресенье и понедельник (по 16-17% в каждый из этих дней). Наиболее "криминогенными" месяцами в 1984-1986 гг. оказались: по числу убийств - апрель, май, октябрь, декабрь; по числу тяжких телесных повреждений - май, июль, август, октябрь; по числу изнасилований - март, май, июнь, сентябрь. Наименее "криминогенны" соответственно: март, июнь; февраль, июнь; ноябрь, декабрь.

6. Насильственная преступность вносит существенный вклад в разрастающееся социальное насилие. В 1986 г. в стране каждые 32 минуты совершалось умышленное убийство (всего -

16710), каждые 14 минут наносилось тяжкое телесное повреждение (всего 37191), каждые 30 минут происходило изнасилование (всего 17658).¹⁸ И это - не считая менее тяжких и легких телесных повреждений, насильственных действий при злом хулиганстве, разбойных нападениях, сопротивлении работникам милиции и народным дружинникам...

Очевидно, что насильственная преступность, порождаемая обществом и составляющая лишь часть общественного "потенциала насилия", не может быть "ликвидирована" (и даже существенно сокращена) лишь усилиями правоохранительных органов, репрессивными мерами. Напротив, порождает насилие, и цепочка "рост числа насильственных преступлений - рост возмущения этим граждан - усиление репрессий - рост числа насильственных преступлений" грозит превратиться в снежный ком.

Насилие - лишь одно из средств удовлетворения человеческих потребностей, когда затруднен или невозможен иной способ. И до поры до времени насилие выполняло свои адаптивные функции. Однако, человечество подошло к той "запретной черте", нарушение которой грозит всеобщим самоуничтожением. "Человечество сегодня оказалось как раз в ситуации, когда в целях самосохранения ему требуется кардинально изменить тот общий тип развития цивилизации, который создал объективные предпосылки для самоуничтожения людей на планете. И их выживание зависит от способности мобилизовать адаптивный потенциал культуры человечества и привести в действие заложенные в ней механизмы самосохранения".¹⁹

Перед лицом глобальной катастрофы зарождается новое мышление, включающее примат общечеловеческих ценностей, мир и ненасилие как цель, признание абсолютной ценности каждой человеческой жизни. Сложный путь сокращения насильственной преступности в стране и ее регионах предполагает коренные социально-экономические преобразования и на их основе "очеловечивание" человеческих отношений. Особую роль в профилактике насильственных преступлений играют обеспечение реальных возможностей для самоутверждения личности в социальной творчестве, оригинальной, инновационной деятельности, исключение насилия как средства осуществления любых социальных целей и программ, утверждение терпимости, милосердия,

¹⁸ Аргументы и факты. 1989. nr.7 С.6

¹⁹ Маркарян Э. Потенциал идеи // Коммунист. 1988. nr.15
С. 123

чувства собственного достоинства, абсолютной ценности каждой человеческой жизни, отказ государства от монополии на убийство — путем ли военных действий или же по приговору суда.

Требуются новое мышление и новая политика, основывающиеся на понимании того, во-первых, что противоречия интересов и социальные конфликты неизбежны, что бесконфликтного общества не было, нет и быть не может. Но — и это, во-вторых, способы разрешения конфликтов должны носить ненасильственный характер. Что при этом, в-третьих, неизбежны компромиссы. А, следовательно, в-четвертых, для этого должны быть созданы социальные организации и механизмы по выработке компромиссных, ненасильственных средств и способов разрешения постоянно возникающих конфликтов. Не случайно, ведутся активные поиски альтернативных насилью путей разрешения глобальных и межличностных конфликтов, а также альтернативных наказанию средств воздействия на лиц, преступивших закон.²⁰

Насилие, возникающее как адаптационное средство, исчерпало себя в этом качестве, превратившись в угрозу самому существованию человечества. Это не уникальный случай в истории Земли. Так вымерли сильные и злобные гигантские ящеры. Их ранее адаптивные возможности стали со временем неадаптивны. Ящеры не смогли по ходу эволюции "перестроиться", им ничего не оставалось как погибнуть. Перестроятся ли мышление и практика человека?

²⁰ См.: Кристи Н. Пределы наказания. М.: Прогресс. 1985. С. 81-88, 163-174; Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. С. 275-283; Планирование мер борьбы с преступностью. М.: Ин-т гос. и права АН СССР. 1982. С. 16-31, 31-39, 99-105.

СТАЛИНИЗМ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЕЗЛИЧЕВАНИЯ

Л. Аувяэрт

Социально-политическое явление в истории нашего государства, именуемое в целом "сталинизмом", нельзя связывать только с особенностями личности Сталина. Да, Сталин — реальное историческое лицо, но это явление было подготовлено целым рядом объективных обстоятельств. В первую очередь, нельзя забывать, что Октябрьская революция победила в государстве с недостаточно, а в некоторых областях и слабо развитой экономикой. Основное население — крестьяне. Демократические традиции населению почти незнакомы, три четверти населения составляли неграмотные. Уровень политической культуры широких слоев населения, а также партийных и советских работников был низок. Гражданская война оставила свой след на стиле мышления руководителей: утвердилось непримиримое отношение ко всем инакомыслящим. Многие государственные и партийные органы возглавили герои гражданской войны, которые пытались перенести методы, оправдавшие себя во время войны, в условия мирного времени. Белый террор сменился красным террором. После ликвидации новой экономической политики экономическое развитие замедлилось. По производству продукции в основных отраслях промышленности Советский Союз значительно отстал от развитых капиталистических стран. Государство остро нуждалось в средствах производства, в металле и т.п. Ленинский план кооперации был предан забвению и заменен администрированием и централизацией. В 1930 году произошла денежная реформа, в 1932 году начали перестраивать руководство промышленностью. Был осуществлен переход к строгому централизму. Строгая централизация экономики привела к сосредоточению политической власти в руках небольшой верхушки.

Сосредоточение средств производства на ударных стройках потребовало строгой экономии в других областях. С 1926 года был введен ежегодный принудительный внутренний заем. Возросли налоги. Ощущалась острая нехватка товаров народного потребления и продуктов. С 1928 года введена карточная система. Предусмотренная только для продуктов питания, она позже распространилась и на промышленные товары. Промышлен-

ность нуждалась в импортном оборудовании; нужно было платить иностранным специалистам, нужна была валюта. Вывозились зерно и лес. Перераздел земли в деревне разрушил зажиточные хозяйства. Новая экономическая политика в деревне упрочивала крестьян-середняков, но сама по себе эта политика была кратковременной. Положение обострила засуха 1928 года. Для заготовки зерна в деревню были посланы 30 тысяч уполномоченных, которые отобрали у крестьян все до последнего зерна. Тех, кто отказывался продавать государству зерно по сниженным ценам, привлекали к ответственности в уголовном порядке. Для увеличения закупки сельхозпродуктов стали форсировать коллективизацию. Созданные колхозы способствовали крестьянским победам. Эксперт зерна действительно увеличился. В 1928 году за границу было продано 99,2 тыс. тонн зерна, в 1931 году - 5,18 млн. тонн. Взятый на вооружение в промышленности административно-приказной метод был распространен и на сельское хозяйство. И если в промышленности эта система приводила к некоторому успеху, то в сельском хозяйстве она, как правило, проваливалась. Так, например, Колхозцентр СССР в своей директиве от 10 декабря 1929 года требовал обобществления скота в трехмесячный срок (рабочего скота - 100%, крупного рогатого скота - 100%, свиней - 80% и т.д.). Чтобы не обобществлять скот, его резали. Численность скота катастрофически падала. Только в феврале-марте 1930 года численность крупного рогатого скота уменьшилась на 14,6 млн. голов, а численность овец - более чем на треть.

Резкое увеличение заготовок сельскохозяйственных продуктов повлекло за собой нехватку продуктов у крестьян. Это, в свою очередь, способствовало увеличению преступности, особенно хищений социалистической собственности в колхозах. Для борьбы с преступностью ЦИК и СНК СССР приняли совместное постановление: "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперативов и укреплении общественной собственности". В этом постановлении расхитители объявлялись врагами народа и по отношению к ним предполагалось применение высшей меры наказания, которая при наличии смягчающих обстоятельств могла быть заменена лишением свободы сроком не менее 10 лет с конфискацией имущества. 23 августа 1932 года ЦИК и СНК СССР приняли совместное постановление "О борьбе со спекуляцией", предусматривавшее за спекуляцию продуктами и промышленными товарами лишение свободы сроком от 5 до 10 лет без права на амнистию.

Коллективизация сопровождалась ликвидацией кулаков как класса. На практике это означало прежде всего то, что у кулаков изымались все средства производства (земля, сельскохозяйственный инвентарь, скот), а сами они выслались с прежних мест проживания. 1 февраля 1930 года ЦИК и СНК СССР приняли совместное постановление "О мероприятиях по укреплению сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством", давшее местным органам власти чрезвычайные полномочия. Конкретные меры выработали комиссия Политбюро и ЦК ВКП(б), которая составила специальную инструкцию. Комиссия советовала подходить к кулачеству дифференцированно. Кулачество разделили на три группы: кулаки, которые оказывали активное сопротивление Советской власти; богатые кулаки, которые не оказывали сопротивления Советской власти, и все остальные кулаки. В то время в деревнях проживал примерно миллион семей (5 миллионов человек), отвечающих критериям определения кулаков. Конфискация их имущества и высылка их самих происходили в административном порядке. С конца 1929 и до середины 1930 года таким образом были ликвидированы 320 тысяч семей кулаков. Стоимость конфискованного имущества составила 400 млн. рублей. В ходе второй кампании по борьбе с кулачеством в 1931 году было ликвидировано еще 265 тысяч кулацких семейств. Кулаки первой категории, составлявшие примерно 10% от общего числа кулаков, были осуждены судом или "тройкой". Часть их была расстреляна, а большинство выслано в исправительно-трудовые лагеря.

В начале 30-х годов аналогичные меры начали применяться и в городах. Прежде всего им были подчеркнуты непманы, а затем и другие слои населения. В 1928 году классовыми врагами были признаны 4,6% населения, репрессиями были охвачены до 15% населения.

Точное количество репрессированных пока неизвестно, да и вряд ли его когда-либо удастся установить. Есть основание полагать, что их число достигает немногим менее двадцати миллионов. А. Рыбаков говорит даже о тридцати миллионах.

Многие зажиточные крестьяне пытались избежать репрессий и сами покидали деревни. Миграция питала преступность, для борьбы с которой был введен паспортный режим, где отмечалось также социальное происхождение.

Поскольку многие "классово враждебные элементы" были отправлены в исправительно-трудовые лагеря, следовало уточ-

нить их правовой режим. 7 апреля 1930 года было принято новое положение об исправительно-трудовых лагерях. В лагерях содержались кулаки, непманы, царские офицеры, белогвардейцы, представители враждебных советской власти партий, а также большая часть бывшей интеллигенции. В лагерь люди ссылались как в судебном порядке, так и минуя его. Задерживаемых в лагерях использовали на лесоповале и новостройках.

Национальная принадлежность лагерных контингентов была весьма многообразной: можно без преувеличения утверждать, что ни одна из национальностей не была "обойдена вниманием" властей. Более того: в лагерь попадали многие члены интернационалов, наивно пытавшиеся в СССР укрыться от преследования своей национальной буржуазии. Эта же участь не миновала и многих иностранцев, приезжавших в Советскую страну по собственному почину либо по линии деловых контактов.

Проведение в жизнь столь широкомасштабных перемен потребовало переустройства административно-политического аппарата. Существенно увеличилась численность аппарата и степень его централизации. Милиция была освобождена от местного контроля и подчинена ГПУ СССР. Местные Народные Комиссары внутренних дел были ликвидированы в декабре 1930 г. 10 июля 1934 года было принято Положение о чрезвычайных заседаниях.

Новым сигналом к волне репрессий стало убийство С. Кирова 1 декабря 1934 года. В тот же день было принято постановление Президиума Центрального Комитета СССР "О порядке расследования обстоятельств подготовки и совершения террористических актов". Сроки расследования были сокращены до 10 дней. Обвинительное заключение предъявлялось обвиняемому за день до окончания следствия. Дело в суде рассматривалось без участия сторон. Обжалование и просьба о помиловании были исключены. Высшая мера наказания приводилась в исполнение немедленно. В 1937 году такой же порядок был установлен при расследовании деле о вредительстве и диверсиях. Высший срок лишения свободы был продлен до 25 лет. По инициативе Кагановича политические дела начали рассматривать вне судебного разбирательства. Поскольку таких дел было много, то Молотов предложил рассматривать их на основании списка. Чрезвычайные заседания стали действовать не в полном составе, а "тройками" и даже "двойками". Да и судебное разбирательство существенно не отличалось от внесудебного.

Если репрессии конца 20-х - начала 30-х годов были на-

правлены против кулачества, непманов и других классово враждебных элементов, то жертвами репрессий середины 30-х годов становились уже новые социальные группы, включая партийный и советский аппарат, инженерно-технические кадры, квалифицированных рабочих, а также широкие слои творческой интеллигенции. Так, например, из числа делегатов первого всесоюзного съезда писателей, состоявшегося в 1934 году, в 1935 году были репрессированы около пятидесяти. Количество репрессированных в 1935 году писателей, не являвшихся делегатами этой конференции, превысило эту цифру в несколько раз. Важную роль играл здесь тезис Сталина об усилении классовой борьбы в связи с успехами строительства социализма. Сталин установил личный контроль за органами госбезопасности. Он лично давал распоряжения Ежову и Берии. Сталин также санкционировал репрессии. В массовых репрессиях немаловажную роль играл и Вышинский — Генеральный прокурор СССР тех лет. В 1937 году, выступая на партийном активе Прокуратуры СССР, он подчеркнул: "Необходимо иметь в виду указания товарища Сталина, что в общественной жизни бывают такие периоды, такие моменты, в том числе и в нашей жизни, когда законы оказываются устаревшими и их необходимо отбросить прочь". Своеобразие репрессиям придавала теория Вышинского о признании обвиняемого как "королеве доказательств". Наряду с массовыми репрессиями это привело и к массовым пыткам.

Так была создана бюрократическая система страха. Строгая централизация может быть успешно реализована тогда, когда существует реальный страх. Страх — это неотъемлемая часть административно-приказной системы.

Все вышеописанное относится и к Прибалтийским республикам, в частности к Эстонии, после их присоединения к Советскому Союзу. Как и в других республиках, число жертв в Эстонии велико. Прежде всего здесь следует отметить лиц, которые были расстреляны без предъявления им какого-либо обвинения и вообще без разбирательства их дел. Так, в 1941 году в Тартуской тюрьме были расстреляны 148 человек. То же происходило и в других районах республики. Среди внесудебных репрессий особое место занимают акции, направленные против целых семей: их насильно вывозили с мест проживания, депортировали. В сороковые годы Эстония потеряла примерно 15-20% своего населения. Особенно тяжело поразила эстонское население массовая депортация 14-16 июня 1941 года и 25-27 марта 1949 г. По имеющимся данным, летом 1941 года из Эстонии было вывезе-

но 10 205 человек, в том числе 5103 женщины. Дети до 14 лет составляли 28% вывезенных, люди старше 50 лет - 17%. По данным министра Госбезопасности Эстонской ССР тех лет В. Кумма, изложенным им в докладе от 17 марта 1949 года, за данный год намечалось вывезти 22 326 человек. Удалось вывезти лишь 20 498 человек, в том числе 10 274 женщины и 5717 детей. Из этого же доклада выясняется, что в дополнение к 22 326 запланированным имелся резерв в лице 1906 семей, которые подлежали вывозу в том случае, если план оказывался под угрозой срыва. Были вывезены 1326 "резервных" семей. Составленные бюрократией планы по депортации и расстрелу подлежали точному выполнению. В периодической печати неоднократно публиковались данные о том, что совершавшие побег заменялись первыми попавшимися.

Кроме двух акций по депортации в Эстонии имел место еще ряд менее крупных акций. Самая жестокая из них состоялась 1-3 июля 1941 года, когда были проведены насильственные вывозы с островов Западной Эстонии (Сааремаа, Хийумаа, Муху, Вормси). В результате этой акции остров Сааремаа, который был известен как беднейший регион в республике, вышел на первое место в Эстонии по числу жертв насильственного вывоза в отношении к общей численности населения. В 1945 году из Эстонии были депортированы немцы и члены их семей других национальностей. В 1951 году жертвами насильственного вывоза стали многие сектанты.

По своей сути депортация является насильственной отправкой с мест проживания в ссылку, то есть уголовным наказанием, которое приспособляли к заранее составленным государственными органами спискам. Заодно следует отметить, что довольно часто и под депортацией по существу скрывалось лишь целенаправленное массовое уничтожение больших групп населения, и в первую очередь женщин, детей и престарелых граждан. Согласно литературным данным, имелось немало случаев, когда целые эшелоны оставались в тайге далеко от населенных пунктов, без продуктов и каких бы то ни было средств к существованию (и выживанию). Нередко к этаплируемым применялись варварские методы пытки: их выводили на мороз, где обливали водой, не кормили либо наоборот, - кормили соленой рыбой, но при этом не давали пить. Бюрократическая система насилия предполагала насилие на всех уровнях системы, в том числе и на нижних.

Наряду с внесудебными репрессиями нельзя умалчивать и

о Статье 58 Уголовного кодекса РСФСР, на основании которой также была осуждена значительная часть населения. Этот кодекс вступил в силу на территории Эстонской ССР с 6 ноября 1940 года. 58-я статья данного кодекса предусматривала наказание за такие виды преступлений, как измена Родине, шпионаж, совершение террористических актов против представителей советской власти. Наряду с этим она включала и преступления, которые носят явно политический характер. Это прежде всего пропаганда или агитация, содержащая призывы к свержению советской власти или подрыву ее основ (10-й раздел), а также любая организационная деятельность, направленная против перечисленного в статье. Именно обвинение в подготовке преступлений или в подготовке к их совершению чаще всего использовалось против инакомыслящих (раздел II). Прослечь инакомыслящим можно было за анекдот, содержавший насмешку в адрес советской власти. Это каралось лишением свободы на срок до 10 лет. Любая критика существующего порядка и высокопоставленных государственных деятелей, похвала в адрес буржуазного строя или буржуазных государственных деятелей, повсеместно мерещившееся пресловутое "преклонение" перед Западом - все это также могло быть квалифицировано как антисоветская пропаганда.

Суду были преданы и все те, кто в период гражданской войны служили в белой гвардии или по каким-либо иным причинам попали в списки ЧК и нашли себе пристанище в буржуазной Эстонии. На основании Статьи 58 (раздел I3) к судебной ответственности были привлечены государственные и общественные деятели Эстонской буржуазной республики: главы городов и уездов, высшие полицейские чины, лидеры партий и, естественно, участники Освободительной войны. Их всех обвиняли в активной борьбе против рабочего и революционного движения. Был скрыт Тартуский мирный договор между Советским Союзом и Эстонской буржуазной республикой. На основании Статьи 58 в лагеря были заключены государственные деятели И. Теэмант, К. Ээнпалу, Я. Тыниссон, А. Юрма, А. Ассар, генерал Й. Лайдонер и др. Естественно, что преследованиям подвергались все полицейские чины, чиновники и судьи, которые в какой-то степени были связаны с подавлением восстания 1 декабря 1924 года или с соответствующим судебным процессом.

Общая атмосфера была накалена до предела. Разоблачение врага считалось делом чести и, увы, недостатка в доносчиках не наблюдалось. Моральное падение, которое повлекла за со-

бой эта политика, было ужасным. Люди перестали доверять друг другу, разрушались семьи, в отношениях между людьми воцарились ложь и лицемерие. Участились случаи самоубийств.

Подводя итоги комментированию Статьи 58, подчеркнем, что сама по себе эта статья шла вразрез с теорией права. Преступными признавались деяния, которые в момент совершения таковыми не являлись, ибо представляли собой выполнение гражданского долга перед Эстонской буржуазной республикой. Недемократичным было судопроизводство. Заседания суда происходили при закрытых дверях, без защиты, без вызова свидетелей, без проникновения в суть дела, только на основании материалов следствия. Признания обвиняемого, как правило, добывались применением к нему физической силы. Все это указывает на то, что в сталинский период суд также превратился в частицу бюрократического государственного аппарата, основной функцией которой все в большей степени становилось придание массовым репрессиям оттенка правосудия.

В связи с Великой Отечественной войной нельзя обойти молчанием еще одну группу жертв сталинизма. До отступления в Прибалтике была объявлена мобилизация. Но мобилизованных молодых людей отправляли не в воинские подразделения, а в тайгу, на лесоповал и лесопилку, где многие из них умирали от голода и холода. Лишь в связи с формированием национальных корпусов войск выживших включали в состав армии. Из родной деревни автора больше мужчин погибло именно в сибирской тайге, чем в боях с фашистами.

Общее число жертв сталинизма в Эстонии не установлено. Существует, однако, обоснованное предположение, что в процентном отношении оно не только не уступает аналогичному показателю в республиках, вошедших в состав СССР до 1941 года, но скорее даже превышает его. Ведь к этому времени уже имела четко налаженная система репрессий, был накоплен соответствующий опыт. Немецкая оккупация предоставила дополнительный повод для применения репрессий. Во вновь вошедших в состав Союза республиках необходимо было посеять страх, их следовало по возможности быстрее "сталинизировать".

Оглядываясь на этот период развития нашего государства, именуемый сталинистским, следует отметить, что Сталин создал сильный централизованный аппарат и посредством этого аппарата диктаторски управлял всем государством. Он был уверен в своей непогрешимости и не терпел инакомыслящих. Проводимая Сталиным политика была псевдонаучной и противоречи-

ла как ленинскому наследию, так и объективным закономерностям развития общества. Полностью игнорируя роль людей в истории, Сталин видел только людскую массу, над которой он и возвышался. Все люди для него были лишь частицами централизованного аппарата, которые легко можно было заменить и выбросить или уничтожить, если они начинают мешать или просто оказываются ненужными. Все сталинское государство основывалось на страхе, который культивировался целенаправленно и сознательно.

Сталинистское правовое регулирование обладало рядом особенностей. Так, в этот период не существовало единой гармоничной правовой системы. Влияние закона ограничивалось и ликвидировалось различными другими актами, а зачастую и устными или телефонными распоряжениями. Степень правового регулирования не отвечала потребностям общества. Вместо нормативного регулирования доминирующую позицию заняло индивидуальное регулирование. О поведении конкретных людей судили не на основании общепринятых социальных норм, а исходя из субъективного толкования целесообразности. К минимуму был сведен демократический принцип создания государственного аппарата и его деятельность, а также реализация свобод и прав граждан. Органы власти, органы правления, партийные органы и суд были сплетены в единый аппарат административного давления. Теория государства и права была приспособлена к теории сталинизма. Во главу угла судопроизводства стало признание обвиняемого. Юридические гарантии прав человека были ликвидированы. Повсеместно процветал правовой нигилизм, особенно в части процессуального права. Применялось психическое и физическое насилие. В огромном ущербе, причиненном сталинизмом, можно выделить три наиболее существенных аспекта — политический, экономический и социально-психологический. Первый заключается в том, что сталинская политика породила в странах буржуазного Запада представление о Советском Союзе как об "империи зла". Это прежде всего было обусловлено массовыми репрессиями внутри государства, а пропаганда всемирной социалистической революции придавала этому экспансионистский колорит. Претензии Сталина на роль вождя международного рабочего класса во многих государствах подорвало уже сформировавшееся демократическое единство. В силу этого фашизм не встретил на своем пути единого фронта сопротивления. Внутри государства сталинизм дискредитировал идеалы коммунизма и тем самым рас-

чистил путь беззаконию и политическому авантюризму.

Экономический ущерб состоит прежде всего в разрушении сложившейся в царской России сельскохозяйственной структуры экономики и уничтожении производительных сил. От пагубного влияния подобной экономической политики мы не избавлены до сих пор. Новая экономическая политика значительно быстрее развивала бы и производство, чем установленная Сталиным приказная экономика. Нельзя не вспомнить о миллионах людей, уничтоженных или на годы обреченных сталинизмом на бездействие, вычеркнутых из участия в активной производительной жизни. Они были важнейшей частью наших производительных сил. На счет Сталина следует записать хотя бы часть того материального ущерба, который причинила нам война. Как выясняется, именно политика Сталина позволила Гитлеру хорошо подготовиться к войне и добиваться в ней определенных успехов.

И, наконец, социально-психологический ущерб. Сталинизм создал систему произвола и насилия. Эта система вызвала к жизни потребность в людях, обладающих характеристиками палача. Наибольшим грехом признавалось милосердие. Сталинизм создал человеческий тип, отвечающий его требованиям. Это человек, живший в атмосфере репрессий и разглагольствовавший о высоких идеалах коммунизма, в которые он нередко действительно верил. Его слова расходились с его делами. Он отличался подозрительностью, был преувеличенно бдителен, проявляя готовность к любым жестокостям, к доносам, к осведомительству, к информированию соответствующих органов обо всем, что ни потребуется. Человек этого типа не был обременен ни национальной принадлежностью, ни родственными связями. Он являлся частью государственного аппарата. Нацеленный полностью на выполнение инструкций, он был лишен любого инициативного начала. Этот тип оказался весьма живучим: из эпохи сталинизма, через период застоя, он дошел и до нас.

В связи с культом личности И. Сталина неизбежно встает вопрос об ответственности сталинского окружения. Долгие годы вместе со Сталиным работал его единомышленник Молотов, ставший секретарем ЦК РКП(б) уже во времена В.И. Ленина. Только Молотов и Ворошилов называли И. Сталина его партийной кличкой "Коба", все остальные обращались к нему, употребляя обращение "товарищ Сталин". В послевоенный период более молодое поколение оставило в тени Молотова. Окружавшие Сталина Киров, Орджоникидзе, Куйбышев, позднее Хрущев и Микоян некоторое время верили, что Сталин — марксист-ленинец и по-

тому поддерживали его политику. Поняв свои заблуждения, они оказались перед выбором - продолжать ли служение оказавшейся неправильной линии, покинуть ли руководящие органы (самоубийство Орджоникидзе и Томского, смерть Куйбышева) или быть уничтоженными (Киров, Вознесенский, Кузнецов).

Окружение нужно было Сталину прежде всего для декорации. Именно окружение придало деспотизму Сталина коллективный характер, внешне придавало ему сходство с ленинскими принципами. Это было важно прежде всего для народа, который ни на миг не смел усомниться в том, что перед ним не узурпатор, а истинный вождь пролетариата. Такая видимость имела место и во внутрипартийной жизни, особенно тогда, когда часть партии еще не была парализована и могла оказывать сопротивление.

В борьбе за власть переломным был 1929 год. Оппозиция Бухарина, Рыкова, Томского и др. была подавлена. Это явилось последним открытым проявлением плюрализма мнений. В последующем противники уничтожались уже физически. Ответственность за это лежит на всех членах сталинского окружения.

Л и т е р а т у р а

- Жуков Г.К. Коротко о Сталине // Правда.- № 20, 20 января 1988.
- Курицын В.М. 1937 год и история советского государства // Советское государство и право. - 1988. - № 2. - С.109-119.
- Уксусов И. 58-я статья за 58 книг с автографами // Литературная газета. - 1988. - № 46. - С. 5.
- Эвентов И. Спор о поэзии и суд истории // Литературная газета. - 1988. - № 45. - С. 5.
- Яковлев А.М. Отвержение и утверждение // Огонек. - 1988. - № 43. - С. 14-16, 29-30.
- Rebane, I. Optimaalne variant ja alternatiivid Gustav Naani moodi // Edasi. - nr. 92, 20. 04. 1988; nr. 93, 21.04. 1988.

ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ ВОЛИ КАК ПРАВОВОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Ю.Блувштейн, В.Черненилов, В.Юстицкий

1. Ограничение свободы воли: основные типы.

Человеческое поведение неизменно характеризуется различной степенью вынужденности. Диапазон вынужденности очень велик. В одном из предельных случаев возможности выбора линии поведения, имеющиеся в распоряжении субъекта, так обширны, что он перестает замечать принципиальную конечность числа этих линий. В другом предельном случае возможности выбора настолько ограничены, что субъект склонен трактовать избираемую им линию поведения в качестве единственно возможной.

Строго говоря, обе субъективные оценки предельных случаев выбора неточны. Каким бы свободным ни был выбор, у него обязательно существуют непреодолимые границы, поставленные обществом или природой. И наоборот, эти границы практически никогда не сужаются до одной единственной возможности. Другое дело, что все, кроме одной, линии поведения могут представляться субъекту столь непривлекательными, что он не хочет принимать их в расчет.

И все же влияние, оказываемое на субъект различными степенями вынужденности, огромно. Выбирая одну из великого множества возможностей, человек наслаждается ощущением полной свободы, осмысливает и переживает свой поступок как материализацию собственного желания, воспринимает себя "автором" поступка и тем самым лицом, ответственным за все его последствия. Не видя реальных возможностей выбора, человек склонен искать причину собственного поступка за пределами своей личности - в объективных обстоятельствах, действиях других лиц. Соответственно такому пониманию он не считает справедливым принимать на себя ответственность за негативные последствия содеянного.

Одной из практически полезных аксиом права является презумпция свободы воли, носителем которой признается каждое вменяемое лицо, совершающее поступок при наличии средних (для данного времени и данного места) или более широких возможностей выбора линии поведения. Согласно другой аксиоме права всякое посягательство на свободу воли, выражающееся в несанкционированном законом сужении возможностей выбора линии поведения, является общественно опасным посягательством

на неотъемлемые права и свободы человека.

Вместе с тем, право отнюдь не чуждается ограничения свободы воли как средства достижения стоящих перед ним целей. Не нужно доказывать, что подобные ограничения представляют собой главный либо один из главных элементов любого наказания; это обстоятельство особенно отчетливо просматривается на примере лишения свободы, сводящего возможности выбора линии поведения к весьма жалкому минимуму. Ограничение свободы воли широко используется отнюдь не только по отношению к лицам, признанным по суду преступниками. Действующее уголовно-процессуальное законодательство признает возможным и, более того, необходимым сужать возможности выбора линии поведения лиц, виновность которых еще только предполагается, а также (в определенных случаях) — лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства вовсе не в качестве подозреваемых или обвиняемых¹.

Из сказанного явствует, что проблема свободы воли и ее ограничений имеет первостепенную значимость для правовой науки, правотворческой и правоприменительной деятельности, т.е. влечет за собой "громадные практические последствия"². Несмотря на это, ясного понимания данной проблемы не существует. "Ни в одной идее, — писал Гегель, — нельзя с таким полным правом сказать, что она неопределенна, многозначна, доступна величайшим недоразумениям и поэтому действительно им подвержена, как об идее свободы"³.

Отсутствие такого ясного понимания порождает ряд серьезных трудностей теоретического и практического характера. Поскольку законодатель не выработал четкое определение различных видов ограничения свободы воли, осложняется уголовно-правовая квалификация многих насильственных преступлений. Пожалуй, еще хуже, что в силу отмеченных неясностей остаются незамеченными некоторые важные закономерности функционирования системы уголовной юстиции, складывается реальная угроза серьезного ущемления права и законных интересов граждан, вовлеченных в орбиту функционирования этой системы.

Представляется, что в настоящее время появились новые перспективы научной разработки правовых аспектов проблемы

¹ Подробнее см.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985

² Гегель. Соч. Т.3. М., 1965. С.291

³ Там же.

насилия, понимаемого в самом широком смысле как обобщенное наименование всей совокупности ограничений свободы воли. Эти перспективы связаны с успехами, достигнутыми психологической наукой на таких направлениях, как теория мотивации, теория принятия решений и психосемантика.

Источником активности индивида являются имеющиеся у него потребности, а невозможность их удовлетворения порождает состояние фрустрации. При этом выраженность фрустрации тем сильнее, чем более насущной является потребность. С точки зрения понимания природы вынужденного поведения, важно, что причиной фрустрации могут быть действия других людей, которые так или иначе препятствуют удовлетворению потребностей данного индивида. Если препятствия создаются сознательно, с целью изменить поведение индивида, налицо психологическое воздействие.

Психологическая теория принятия решений изучает ситуации, в которых у индивида возникает ряд альтернативных вариантов поведения и объясняет механизмы производимого им выбора. В зависимости от значимости потребностей и возможностей их удовлетворения эти механизмы могут быть сведены в несколько основных типов.

Тип первый характеризуется двумя чертами: а) индивид уже принял решение и не собирается его изменить; б) некто (воздействующий, принуждающий) фрустрирует более существенные потребности индивида (или угрожает такой фрустрацией), связывая прекращение фрустрации (или реальной угрозы ей) с отказом индивида от ранее принятого решения и выбором такого варианта поведения, который желателен принуждающему.

К описанному типу относится большая часть ситуаций, охватываемых понятием принуждения. Этот тип ограничения свободы воли можно обозначить термином "психическое давление".

Поскольку у индивида возникает непреодолимое желание избавиться от фрустрации, психическое давление открывает возможность создать мощные мотивы, действующие в избранном принуждающим направлении. Вместе с тем, у психического давления есть своя обратная сторона. Поскольку оно связано с причинением страданий либо порождает страх перед страданием, у индивида формируется постоянная готовность при первой же возможности выйти из-под влияния принуждающего. Образно выражаясь, индивид, подвергнутый психическому давлению — это не кусок пластилина, сохраняющий форму, заданную ему давле-

нием извне, а резиновый мяч, мгновенно восстанавливающий собственную форму после прекращения давления. Поэтому непосредственный эффект принуждения - изменение поведения - имеет место лишь до тех пор, пока сохраняется само принуждение.

Психическое давление оказывается результативным только при том условии, что требование принуждающего конкретно и посему его выполнение легко контролируемо. С помощью данного вида ограничения воли можно заставить индивида вести себя иначе, но нельзя принуждать его желать иначе. Более того, навязанное путем психического давления поведение становится настолько ненавистным, что человек в дальнейшем склонен избегать его даже в тех случаях, когда оно явно согласуется с собственными интересами субъекта.

Тип второй характеризуется такими чертами: а) индивид уже принял решение и не собирается его менять; б) воздействующий (принуждающий) лишает его возможностей реализации этого решения. Данный вид ограничения свободы воли можно обозначить термином "воспрепятствование".

Третий тип сходен с двумя первыми наличием принятого уже индивидом решения и отличается от них возможностью "вытеснить" это решение с помощью выдвижения более заманчивой альтернативы. Воздействующий добивается ограничения свободы воли, предлагая именно такую альтернативу. При этом вовсе не обязательно, чтобы предлагаемая альтернатива была, с точки зрения интересов индивида, лучше, чем заложенная в принятом им решении. Главное состоит в том, что предлагаемая альтернатива выдается воздействующим за нечто лучшее.

Иначе говоря, воздействующий не фрустрирует потребности и не создает угрозы такой фрустрации. Напротив, он представляет соблазнительную возможность более полного удовлетворения той же потребности, во имя которой было принято решение, или удовлетворения другой потребности, которая подается как более насущная. Этот тип ограничения свободы воли именуется в дальнейшем "совлечением".

Тип четвертый налицо тогда, когда воздействующий не дает принимающему решение индивиду правильно оценить создающуюся ситуацию. Классический пример этого типа дал Шекспир в трагедии "Отелло". Для обозначения данного типа можно использовать термин "обход воли" либо "обман".

Сопоставляя друг с другом все четыре типа, заметим, что ограничение свободы воли оказывается наиболее сильным в

Сопоставляя друг с другом все четыре типа, заметим, что ограничение свободы воли оказывается наиболее сильным в случаях психического давления и воспрепятствования. Оба типа представляют собой проявление принуждения в его наиболее выраженном виде. Менее выражено ограничение свободы воли в ситуациях третьего типа. Четвертый тип стоит особняком: здесь вводимый в заблуждение индивид воспринимает свое поведение как проявление свободы воли, хотя в действительности оно направляется извне в желательном для воздействующего направлении.

2 Ограничение свободы воли в системе уголовной юстиции.

Функционирование системы уголовной юстиции включает в себя использование широкого спектра ограничений свободы воли. Оставим без рассмотрения те случаи, когда подобные ограничения прямо санкционированы законом, равно как и большинство тех случаев, когда ограничение свободы воли столь же прямо запрещено. Предметом дальнейшего обсуждения послужит широкий круг промежуточных случаев, т.е. ситуаций, в которых применимость и пределы ограничения свободы воли остаются дискуссионными.

Меры психического давления можно подразделить на две группы в зависимости от того, является ли принуждение основным содержанием поведения воздействующего (явное психическое давление) или выступает как результат (проявление, способ, форма) воздействия (замаскированное психическое давление).

К первой группе относятся такие меры психического давления, которые запрещены законом, но тем не менее продолжают иметь место в практике⁴. "Печать, — как пишет по этому поводу Ю.Феофанов, — сообщает о самых настоящих пытках — назовем уж их своими именами"⁵. Разумеется, трудно точно судить о том, сколь часто применяются такие меры принуждения. Так, по данным Л.Самойлова, восемь из десяти человек в ходе расследования подвергаются такого рода воздействию⁶. Применение принуждения неизменно оказывалось причиной "признаний" лиц, ошибочно обвиненных в совершении тяжких преступлений и понесших незаслуженное наказание⁷. Вне зависимости от действительной распространенности данного явления его живучесть не вызывает никаких сомнений и нуждается в серьезном объяснении.

Замаскированное психическое давление не предусмотрено уголовно-процессуальным законом. Законодатель оставляет следователю значительный простор в выборе форм и методов осуще-

ствления различных следственных действий. Этот простор, с одной стороны - предпосылка успешности расследования преступлений, с другой - лазейка, которая может быть использована и используется для осуществления психического давления на подозреваемого или обвиняемого с целью получить необходимую для следствия информацию. Так, уголовно-процессуальный закон не устанавливает максимальную длительность допроса. Это дает возможность проводить чрезвычайно длительные допросы⁸. Точно так же закон не устанавливает максимальную интенсивность допроса и в частности, создает возможность его ведения одновременно несколькими допрашивающими. Процессуальный закон допускает проведение допросов обвиняемых в ночное время лишь в исключительных случаях. Однако одновременно не определяется, что такое "исключительный случай". Это дает возможность практически в любом деле применять лишение сна, как меру принуждения.

Замаскированное психическое давление может быть составной частью и других следственных действий. Это, в первую очередь, относится к такой мере пресечения, как заключение под стражу. "Закон допускает эту меру в порядке исключения, а на практике арестовывают почти половину подследственных. Вроде бы из перестраховки. Нам кажется, истинные мотивы такого пристрастия следователей не столь бесхитростны. "Мера пресечения" превращается иной раз в средство давления на психику подследственного, в средство разрушения его внутренней защиты", - пишет Л.Самойлов⁹.

Важным источником психического давления на подозреваемого или обвиняемого в том случае, если он находится под

⁴ См.: Феофанов Ю. Пока не вынесен приговор // Известия, 1987.21 мая; Жбанов Е. Вокруг версии // Известия.1987.11 сентября; Чайковская О. Тайны следствия // Литературная газета. 1987. 15 июля; Самойлов Л. Правосудие и два креста // Нева.1988, нр.5.С.150-157; Анашкин Г. Навет? Не верю // Литературная газета. 1987.15 апреля и др.

⁵ Феофанов Ю. Указ. соч.

⁶ Самойлов Л. Указ.соч.С.156

⁷ Ваксберг А. Правде в глаза // Литературная газета. 1986. 17 декабря.

⁸ В печати сообщается о допросах, длящихся 10-14 часов. См.: Чайковская О. Тайны следствия // Литературная газета. 1987. 15 июля. С.13

стражей, является режим содержания. "Профессионально нечистоплотные следователи используют гнетущую обстановку следственного изолятора, диктат уголовников для психологического, а то и физического давления на слишком "несговорчивых" обвиняемых", - отмечал И.Е.Быховский, комментируя наблюдения Л.Самойлова⁹. Результатом такого давления являются "признания", продиктованные желанием любой ценой покинуть следственный изолятор.

Замаскированность применения данных видов принуждения связана, в первую очередь, с тем, что в каждом отдельном случае форма осуществления того или иного следственного действия имеет определенное "тактическое обоснование", в то время как истинную цель избрания именно такой формы легко угадать.

Те или иные приемы оказания психического давления являются, по-видимому, составной частью экипировки большинства следователей. Характерно в этом отношении высказывание следователя по особо важным делам прокуратуры г. Москвы А.Шее-ра. "Может быть кто-то из вас подозревает, что я выламываю ноги, руки, вырываю ногти? Честное слово, я этого не делаю. Но в присутствии моих коллег и друзей, в присутствии писателей и журналистов признаю: все 32 года работы следователем оказываю психологическое воздействие на свидетелей и подсудимых. А ведь и это иной раз записывается печатью в незаконные действия. Но я бы считал себя профессионально непригодным, если бы не воздействовал психологически, разумеется, в рамках закона"¹¹.

Обратимся к анализу задач, необходимость решения которых побуждает работников следствия обращаться к психическому давлению. На первое место придется поставить жесткое требование: каждое преступление должно быть раскрыто. Парадоксальность ситуации состоит в том, что истина, которую ценой огромных усилий предстоит установить следователю, известна виновному с самого начала, причем он кровно заинтересован в ее сокрытии. Стоя перед выбором: либо идти трудным путем, собирать доказательственную информацию по крупицам, причем без всякой уверенности в успехе, либо "выжать" эту информа-

⁹ Самойлов Л. Правосудие и два креста // Нева. 1988, nr. 5. 155

¹⁰ Нева. 1988, nr. 5. С. 159

¹¹ Правосудие и гласность // Литературная газета. 1988. 30 марта

цию из подозреваемого, который а priori трактуется как виновный, следователь предпочтет вторую возможность. При этом не принимается в расчет, что бремя доказывания незаметно перекладывается на подозреваемого. Если он закоренелый преступник с немалым "профессиональным" опытом, его шансы выйти сухим из воды очень велики; если он не совсем потерявший совесть новичок, его шансы куда меньше. При этом факт, что подозреваемый вообще ни в чем не повинен, отнюдь не становится твердой гарантией его оправдания, если он не устоял перед психическим давлением и каялся в том, чего не делал.

Важно подчеркнуть, что интенсивность применяемых мер психического давления в случае сопротивления подозреваемого или обвиняемого обнаруживает тенденцию к возрастанию. Описывая ситуацию, которая возникает перед следователем, применившим психическое давление и столкнувшимся с упорным сопротивлением, Л.Самойлов пишет: "И тогда для следователя-неудачника все замыкается на одном единственном подследственном, который упорствует, не сознается, клянется в своей невинности и портит всю картину. Появляется подсознательная уверенность, что этот подозреваемый виновен. Он должен быть виновен. Надо лишь чуть-чуть подтянуть факты, чуть-чуть поднажать на психику подследственного. А может быть и не только на психику. А может и не чуть-чуть"¹².

Как раз эта особенность психического давления и определяет постоянный и устойчивый интерес к нему со стороны лиц, занимающихся расследованием и раскрытием преступлений. Психическое давление выступает в качестве наиболее быстрого, наименее трудоемкого, не требующего особого профессионального мастерства пути достижения цели. В то же время применение данного вида принуждения ставит под угрозу саму идею правосудия. Дело в том, что психологическое давление — это фактор, разрушающий способность подозреваемого и обвиняемого использовать свое право на защиту. Достижение важнейшей цели уголовного судопроизводства, заключается в том, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невинный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден, обеспечивается путем всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. В свою очередь всесторонность, полнота и объективность не-

¹² Самойлов Л. Правосудие и два креста //Нева. 1988, nr.5. С.156

обходимо предполагают предоставление обвиняемому реального права на защиту.

Ключевую роль в защите может и должен сыграть сам обвиняемый. Именно он наиболее заинтересован в опровержении обвинения. Ему же лучше, чем кому бы то ни было, известны истинные обстоятельства дела.

Определяя совокупность прав обвиняемого на защиту, законодатель имеет в виду субъекта, желающего и способного в полной мере воспользоваться этими правами. Желание определяется совокупностью мотивов, которые побуждают индивида прилагать все усилия для того, чтобы опровергнуть предъявляемое ему обвинение. Способность охватывает в основном интеллектуальные возможности: осмысливать и объяснять имеющиеся факты. Чем больше интеллектуальных возможностей, тем по общему правилу выше способность к защите.

Применение психического давления ослабляет желание защищаться, мотивы, побуждающие обвиняемого анализировать предъявляемые обвинения, указывать другие объяснения содержащихся в обвинении фактов, противопоставлять аргументы обвинения свои контраргументы. Обвиняемый фактически наказывается за свое желание использовать право на защиту: пока он защищается, ему причиняются страдания, когда он признает обвинение, они прекращаются.

Результат подавления желания защищаться может проявляться в различной форме. Одна из них — сознательный отказ обвиняемого от попыток обосновать свою правоту. Под влиянием нестерпимого для него давления он сознательно решает отступить. Порой это решение может сопровождаться надеждой взять реванш позднее, например, отказавшись от признания, сделанного на предварительном следствии. Другая форма — нарастающее состояние апатии, безразличия к своей судьбе, усталости, подавленности, т.е. полное "крушение воли". Наконец, немаловажную роль может сыграть неосознаваемое навязывание обвиняемому со стороны следователя, применяющего психическое давление, определенных, нужных ему показаний. Это навязывание действует тем сильнее, чем сильнее желание, чтобы давление поскорей прекратилось.

Важно подчеркнуть, что все эти процессы происходят и тогда, когда индивид действительно совершил то, в чем его обвиняют, и тогда, когда он невиновен, но (как это нередко бывает) улики, имеющиеся к данному моменту, против него.

Применение психического давления порождает и снижение

интеллектуальной способности к использованию своего права на защиту. Понятно, что человек, нормально отдохнувший, спокойный, удовлетворенный, лучше справится с анализом создавшегося положения, оценкой предъявляемых аргументов и т.д. И наоборот, чем интенсивнее и длительнее психическое давление, тем менее выражены эти качества. Между тем, уже сам факт заключения под стражу резко снижает способность защититься. Как верно отмечает Л.Самойлов, силы обвиняемого, постоянно находящегося в гнетущей обстановке следственного изолятора, переживающего все связанные с этим лишения, и силы лиц, поддерживающих обвинение, по крайней мере неравны¹³.

Воспрепятствование как вид ограничения свободы воли осуществляется в процессе раскрытия и расследования преступлений путем создания препятствий для совершения обвиняемым действий, с помощью которых он надеется опровергнуть предъявляемое ему обвинение. Речь идет о затруднении самой мыслительной деятельности по выдвижению аргументов и объяснений. Этот вид принуждения вызывает дискуссии: одними авторами он рассматривается как несомненное достижение криминалистической тактики, другими - как нарушение законности¹⁴.

Воспрепятствование основывается на предположении о том, что перед лжецом стоят значительно более сложные мыслительные задачи, нежели перед человеком, который говорит правду. Первый вынужден учитывать реальное положение вещей, уровень осведомленности о нем лиц, которых он пытается ввести в заблуждение, помнить содержание всего сказанного им ранее, следить за внутренней непротиворечивостью сказанного. Иное дело - человек, говорящий правду. Мыслительная задача, стоящая перед ним, весьма проста - лишь вспомнить и рассказать то, что ему действительно известно. В соответствии с этим предположением для получения необходимых сведений используются приемы, расстраивающие мыслительную деятельность обвиняемого. Расчет прост - говорящему правду они не мешают, а вот лжецу, стоящему перед сложными мыслительными задачами, придется туго. В качестве факторов, дезорганизующих мыслительные процессы, выступают неопределенность стоящих

13 Самойлов Л. Правосудие и два креста // Нева 1988. nr.5.С.155

14 Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С.208-230; Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973. С.186-233

перед индивидом задач (условия сформулированы неясно и двусмысленно, для решения не хватает уточняющих условия задачи сведений), чрезмерная сложность (приходится при решении оперировать слишком большим объемом информации), необходимость быстрого переключения с одного способа решения (уже ставшего привычным) на другой и т.д.

На создании неопределенности построен прием сокрытия следователем своей истинной осведомленности. Необходимость строить самые противоречивые домыслы на этот счет создает серьезные мыслительные трудности, постоянные колебания от опасения, что следователю известно все, до надежды утаить истину. У обвиняемого возникают самые разнообразные планы поведения, ни на одном из которых он не может остановиться. Результат - растерянность, замешательство, неспособность противостоять следователю.

К перегрузке мыслительных способностей стремится прием, именуемый "информационным выпадом" - внезапное сообщение следователем имеющейся у него информации. Необходимость моментально "перестроить оборону" может оказаться для обвиняемого слишком трудной задачей и он предпочтет сказать правду. Ту же задачу (создать перегрузку - дезорганизацию мыслительной деятельности) ставит прием одновременного допроса несколькими сотрудниками.

Мыслительные процессы обладают определенной "инерцией" и необходимость "переключения" с одной темы на другую, с одного вида мыслительной деятельности на другой вызывает кратковременное снижение эффективности мыслительной деятельности индивида. Это обстоятельство используют следователи, притупляющие внимание допрашиваемого и затем неожиданно задающие нужный вопрос. Стремление вызвать растерянность лежит и в основе таких известных криминалистических тактических приемов, как предъявление доказательств по нарастающей. У обвиняемого усиливается тревожность: понижается способность к трезвому анализу ситуации и он открывает истину 15.

С помощью воспрепятствования, как и с помощью психического давления, обычно удается достаточно эффективно и быстро раскрыть преступление, однако лишь в том случае, если имеется подозреваемый и он действительно виновен. Но если подо-

15 Котов Д.П., Шиханцев Г.Г. Психология следователя. Воронеж, 1977. С.45

зрение падало на человека невинного, допущение, что правду отстаивать легче, чем ложь, не срабатывает. В этих условиях обвиняемому жизненно нужна способность отстаивать свою правоту. Приемы же, дезорганизующие мыслительную деятельность, ослабляют эту способность.

Методы "обхода воли" (обмана) обвиняемого сводятся прежде всего к так называемым хитростям: у обвиняемого создают ошибочное представление, что следствие уже располагает необходимыми уликами, и в надежде на смягчение ответственности, обусловленно чистосердечным признанием, обвиняемый тут же дает признательные показания¹⁶. В специальной и популярной литературе имеется великое множество приемов успешного использования следственных хитростей для раскрытия различных преступлений. При этом, однако, совершенно не рассматриваются опасные последствия применения указанных приемов в отношении невинных. Между тем, здесь налицо реальная возможность самооговора со стороны обвиняемого, уверившегося в том, что следствие тенденциозно и доказать свою невинность ему не удастся. Эта возможность особенно легко превращается в действительность в случае наиболее грубого обмана ("ваши сообщники уже признались и все валят на вас").

Совлечение как тип ограничения свободы воли приобретает форму обещаний улучшить положение обвиняемого при условии, что он даст правдивые показания (изменить меру пресечения на более мягкую, предоставить свидание с близкими, разрешить передачу и т.п.). Такие обещания могут оказаться столь сильным соблазном, что действительно побудят обвиняемого признать себя виновным; приходится вместе с тем считаться с возможностью того, что "удобные" для следствия признательные показания окажутся на самом деле ложными.

Особый случай совлечения - указание на смягчение ответственности, которое должно последовать за чистосердечным признанием. Такой прием воздействия полностью соответствует букве закона. Общеизвестно, к сожалению, что судебная практика в данном случае сильно расходится с законом. Вероятность получить строгое наказание у чистосердечно признавшегося

¹⁶ Дербенев А.П. О психологических приемах допроса на предварительном следствии // Правоведение, 1981, №1. С.86; Соловьев А.Б. О психологических приемах допроса // Проблемы предварительного следствия. М., 1982. С.79

выше, чем у упорно защищающегося¹⁷.

Итак, имеется определенная группа методов, ограничивающих свободу воли обвиняемого и одновременно снижавших его способность к использованию права на защиту. Данные методы играют немаловажную роль в практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Важными их свойствами являются относительная экономность и легкость применения. Они не ставят высоких требований к квалификации и техническому оснащению лиц, ответственных за раскрытие и расследование преступлений. Им противостоят методы, в достаточной мере обеспечивающие и даже стимулирующие способность к защите, однако являющиеся трудоемкими, требующие порой немалых затрат времени и высокой квалификации сотрудника.

Законодатель и законоприменитель оказывается таким образом перед необходимостью определить соотношение данных групп методов. С одной стороны, укрепление права на защиту неизбежно усложнит расследование. С другой стороны, нарастание удельного веса методов, в той или иной мере ослабляющих способность к использованию права на защиту, удешевляя расследование, ведет к судебным ошибкам.

Каковы же факторы, от которых зависит в реальных условиях указанное соотношение?

Во-первых, степень расхождения между существующими в данных исторических условиях возможностями раскрытия преступлений и социальными требованиями в данном отношении.

Естественным путем сокращения этого расхождения было бы расширение возможностей раскрытия преступлений за счет улучшения подготовки сотрудников правоохранительных органов и создания им более благоприятных условий труда. Путь этот достаточно длительный, трудоемкий и ресурсоемкий.

Другой путь - это усиление административного нажима на лиц, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений. Наиболее распространенным способом оказания такого нажима является провозглашение постулата, согласно которому любое преступление может быть раскрыто имеющимися в данный момент средствами. Соответственно предполагается, что единственная причина, в силу которой преступление осталось нераскрытым - это недостатки деловых и этических качеств работника (низкая квалификация, нехватка трудолюбия, преданности делу и т.д.).

¹⁷ Чубарев В.Л. Общественная опасность преступления и наказание. М., 1982. С. 79

Административный нажим на сотрудников правоохранительных органов, в свою очередь, стимулирует применение описанных выше методов ограничения свободы воли подозреваемого. При этом масштаб таких ограничений оказывается прямо пропорциональным интенсивности нажима.

На отмеченное обстоятельство накладывается другое, еще более усугубляющее тенденцию к всемерному подавлению воли подозреваемого, обвиняемого. Политические директивы последних лет интерпретируют любой случай необоснованного привлечения лица к уголовной ответственности как чрезвычайное происшествие, по которому должна проводиться тщательная проверка с принципиальными и строгими выводами¹⁸. Казалось бы, что такую постановку вопроса можно только приветствовать, как ориентированную на всемерную охрану прав граждан. Выясняется однако, что у каждой медали есть оборотная сторона: будучи фактически лишены права на добросовестное заблуждение, суды всячески избегают осуждения лиц, не признавших себя виновными. Это побуждает аппараты, ответственные за раскрытие преступлений, всемерно форсировать ограничения свободы воли обвиняемого, чтобы добиться признания и тем самым обеспечить

Таким образом, фактическое сужение права обвиняемого на защиту - цена, которую общество платит за то, что пытается подменить ресурсное обеспечение деятельности по раскрытию преступлений силовым административным нажимом на работников желаемый исход дела в суде.

Правоохранительных органов. Отчетливо просматривается закономерность: чем ниже уровень реальных возможностей раскрытия преступлений, тем выше роль признания обвиняемого. Отсюда обвинительный уклон системы уголовной юстиции и его неизбежное следствие в виде нарушений законности.

¹⁸ О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан // Партийная жизнь, 1986, nr. 24. С. 10

ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС И МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ
ЛАТЕНТНОСТИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
С. БОСКОЛОВ

Развитие криминологической науки в настоящее время достигло такой ступени, когда обращение исследователей к вопросу о причинах преступности уже не может ограничиваться выявлением и констатацией отдельных причин даже в рамках тех или иных классификаций, например, институциональной, в которой причины преступности исследуются на двух уровнях: общесоциальном и социально-уголовном или, например, функциональной, дифференцирующей причины преступности применительно к основным сферам общественной жизни, в которых происходит социально-нравственное формирование человека и складываются ситуации, под воздействием которых совершается конкретное преступление.

Конечно же, подходы относятся к числу основных в познании причин преступности, ее природы, закономерностей функционирования и развития, взаимосвязи с теми или иными социальными процессами и явлениями. Вместе с тем целостная природа преступности со всей своей очевидностью предполагает необходимость целостного анализа причин, ее порождающих.

Переходя к непосредственному рассмотрению круга вопросов, охватываемых в данной статье, необходимо сделать ряд предварительных замечаний, имеющих, с точки зрения автора, важное значение.

Первое из этих замечаний касается отношения автора к понятию латентная преступность. В криминологической литературе утвердилась точка зрения, согласно которой под латентной преступностью понимается совокупность преступлений, невыявленных правоохранительными органами и не нашедших отражения в уголовной статистике*. Не трудно заметить, что это определение, по сути базируется на определении преступности в так называемом традиционном ее понимании, которое в последнее время подвергается довольно строгой и аргументированной критике главным образом из-за его ограниченности и невозможности дать импульс к новому знанию, новому пониманию и

* Справедливости ради следует признать, что автор ранее и сам разделял эту точку зрения.

объяснению феномена преступность¹.

Аналогичным недостатком, как нам представляется, обладает существующий подход к пониманию и объяснению феномена латентная преступность. Более того, возникает вопрос о правомерности этого подхода, ибо понятие латентной преступности, как и само понятие преступности, представляет собой, строго говоря, некую научную абстракцию, причем весьма бедную по содержанию и отнюдь не выражающую каких-то особенных свойств, отличных от преступности. В связи с этим автор невольно приходит к выводу отказаться от дальнейших и, по его мнению, бесплодных попыток уяснить и объяснить как сам факт существования латентной преступности, так и ее каких-то особенных свойств, признаков и характеристик, а перейти к изучению л а т е н т н о с т и как особого и специфического явления, в силу действия которого определенная часть преступности действительно остается невыявленной и неучтенной, к выяснению ее социальной обусловленности, к определению значения различных социальных факторов для ее формирования и осуществить это на базе изучения латентности насильственных преступлений.

Второе замечание вытекает из первого. Оно уже касается причинного понимания и объяснения феномена латентность. И суть его состоит в том, что надо изучать не причины латентной преступности, наличие которой поставлено нами под сомнение, а изучать п р и ч и н ы л а т е н т н о с т и , что вовсе не одно и то же. "Нет никаких оснований полагать, что причины не зарегистрированных преступлений иные, чем те, которые попали в статистику"².

Наконец, третье замечание относится к тому, что различного рода явления, обстоятельства, факты, выявленные эмпирическим путем, нельзя напрямую связывать, как это нередко делается в криминологических исследованиях, с причинами латентности. Латентность, скрытность преступности и преступлений как сложный социальный феномен есть следствие взаимо-

¹ См.: Блужштейн Ю.Д., Добрынин А.В. Криминология как метатеория уголовного права // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Ученые записки Тартуского госуниверситета. 1988. С.92-106; Денисов Ю.А., Спиридонов Л.И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л., Наука, 1987. С.173-178.

² Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 54

действия многих элементов: явлений, факторов, обстоятельств и т.п., действие каждого из которых, как это будет показано ниже, определено всеми другими и в свою очередь само оно определяет все остальные. Поэтому нельзя ограничиваться изучением отдельных элементов, а охватывать весь их наличный состав или, другими словами, изучать причинный комплекс латентной насильственных преступлений.

Латентность, скрытность преступности присуща, свойственна ей, как и стремление скрыть совершенное преступление свойственно отдельному преступнику. Если бы преступность не обладала этим свойством, то общество и его граждане, очевидно, были бы намного меньше озабочены решением проблемы реального обеспечения безопасности правоохраняемых ценностей, в том числе жизни, здоровья, чести и достоинства граждан. Поэтому от успехов в борьбе с латентностью в немалой степени зависит позитивное влияние как на результаты воздействия на преступность, так и на отношение граждан к закону, престиж закона и правоприменительных органов. Это связано с тем, что к числу "конечных результатов" латентности, наряду с другими, относится безнаказанность лиц, совершивших преступления.* Отсюда, чем выше уровень латентности, тем, соответственно, выше уровень эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению и учету преступлений и иных правонарушений.

Криминологи, занимающиеся рассматриваемой проблемой, в своих работах обычно приводят различные специфические, по их мнению, причины и условия, обуславливающие возникновение и существование латентности. Так, в частности, А.А.Конев считает, что таковыми являются: а) недостаточно высокая активность системы правоохранительных органов по борьбе с преступностью; б) недостаточная активность товарищеских судов, органов народного контроля по выявлению и рассмотрению различных видов правонарушений; в) факторы, влияющие на проявление активности некоторых социальных групп по борьбе с латентной преступностью³.

* Вопрос о негативных последствиях латентности преступлений достаточно полно и подробно изложен в криминологической литературе, поэтому в статье мы их не касаемся.

³ См.: Конев А.А. Криминологическая характеристика и предупреждение латентной преступности. Автореферат канд.дисс., М., 1980

При этом в качестве методического инструментария выявления причин латентности (их он отождествляет с причинами самой латентной преступности) им использовался феноменологический прием отыскания причин путем сравнения "нормальной" и "аномальной" ситуаций. Так, в качестве "нормальной" понимается такая ситуация, при которой активность социальной системы в своем проявлении совпадала бы с началом или окончанием преступного деяния, в качестве "ненормальной" - не адекватное реагирование системы на совершаемые правонарушения, что позволяет определенной части преступности оставаться скрытной и не переходить в число известной (зарегистрированной).

Действительно, в ряде случаев такой прием может помочь в выявлении причин того или иного явления. Однако ограничение причинного исследования латентности поисками лишь аномальных факторов является не совсем правильным и отнюдь не всегда приводит к объективным результатам, ибо границы между "нормальной" и "аномальной" ситуациями бывают подчас весьма расплывчаты и трудно уловимы. К тому же далеко не ко всем явлениям целесообразно и возможно его применение. Это, в частности, относится к деятельности правоохранительных органов и других социальных систем вписать в рамки "нормы" и "аномалии" крайне затруднительно в силу их многопрофильности и многофункциональности.

Обращаясь к непосредственному анализу элементов причинного комплекса латентности, следует прежде всего выделить группу предпосылок, действие которых в совокупности с другими элементами этого комплекса приводит к формированию латентности насильственных преступлений. К ним можно отнести следующие предпосылки: а) ухищренность, замаскированность, тайность некоторой части насильственных преступлений (инсценировка убийства под самоубийство, несчастный случай или естественную смерть, убийство с последующим тщательным сокрытием трупа и других следов преступления и др.), в силу чего компетентным органам либо не становится известно о факте преступления, либо они вводятся в заблуждение относительно реальной картины происшедшего события; б) пассивность некоторой части пострадавших от преступлений в защите их законных прав и интересов (жизни, здоровья, чести, достоинства и т.д.), по причине чего они не обращаются за помощью к компетентным органам; в) индифферентное (безразличное) отношение части должностных лиц и граждан к их моральной и

гражданской обязанности активного реагирования на факты преступных посягательств на личность, вследствие чего они не сообщают о такого рода фактах компетентным органам; г) ненадлежащее реагирование адресата "сигнала" (информации) о преступности или ином правонарушении, т.е. невыполнение компетентными органами действий, предусмотренных законом и иными нормативными актами, по приему, регистрации, учету и разрешению заявлений и сообщений о преступлениях (происшествиях); д) наличие других нарушений законности в работе компетентных органов, в том числе связанные со стремлением к благополучной отчетности, например, квалификация убийства как умышленное нанесение телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего и т.п.; е) иные причины обнаружение которых на эмпирическом уровне связано с большими трудностями в силу малочисленности такого рода фактов и их, поэтому нельзя выделить в самостоятельную группу. К ним, в частности, можно отнести случаи латентности насильственных преступлений, связанные с нежеланием пострадавшего лица обращаться за помощью к компетентным органам в связи с его противоправным и аморальным поведением, т.е. его виктимным поведением, случаи, связанные с отсутствием возможности сообщения о совершенном преступлении (происшествии), например, средства связи, гибель заинтересованных лиц и др.

Следует отметить, что латентность как явление, а не как единичный случай, образуется в результате взаимосвязи и взаимодействия указанных выше предпосылок латентности между собой, так и взаимосвязи с иными факторами различного характера. Взятые в отдельном, изолированном виде они представляют собой предпосылки возникновения латентности, но приведут ли они в конечном итоге к тому, что совершенное преступление попадет в разряд латентных, зависит от целого ряда содействующих и противодействующих этому факторов. Поэтому правильнее говорить о наличии причинного комплекса и механизма образования латентности насильственных преступлений.

Проведенное нами социологическое исследование латентности насильственных преступлений показало, что действие этого комплекса происходит на трех уровнях: социальном, социально-психологическом и индивидуально-психологическом. На социальном уровне существуют предпосылки, создающие возможность возникновения и развития латентности некоторой части насильственных преступлений. Эти предпосылки лишь во взаимо-

связи с иными сопутствующими явлениями и процессами приобретают характер причин изучаемого феномена - латентности.

На социально-психологическом уровне происходит реализация этих и других сопутствующих факторов в состояние латентности части насильственных преступлений. Причем это не касается латентности отдельного, конкретного преступления. Механизм "превращения" отдельного преступления в латентное, скрытое состояние действует уже на индивидуально-психологическом уровне.

Дальнейший социологический анализ позволил выделить в относительно самостоятельную группу факторы, оказывающие влияние на действие причинного комплекса и механизма образования латентности насильственных преступлений. В первую очередь к ним относится характер отношения к совершенному преступлению со стороны виновного и пострадавшего лиц, а также и характер отношений между ними. В связи с этим интерес представляет то обстоятельство, что почти 1/3 из 178 проинтервьюированных нами осужденных за различные преступления против личности рассчитывала на то, что факт совершенного ими преступления не станет достоянием органов милиции. Из этого числа почти каждый пятый рассчитывал на то, что пострадавшие не обратятся за помощью в эти органы. Во многих случаях они предпринимали определенные меры психологического воздействия на пострадавших лиц, их родных и близких, в частности, высказывали угрозы расправы в случае их обращения в милицию, предлагали деньги и др.

Подтверждением этого являются результаты интервьюирования 120 потерпевших от насильственных преступлений, из которых видно, что к 11 из них виновные обращались с просьбами не заявлять на них в милицию, к 14 - с угрозами расправы в случае такого заявления, к 14 - дать такие показания, которые позволили бы им уйти от ответственности или получить значительно меньшее наказание, чем они заслуживают на самом деле.

Таким образом, расчет на безнаказанность существует не только у тех, кто совершает корыстные преступления, но и насильственные преступления.

Немаловажное значение в причинном комплексе и механизме формирования латентности насильственных преступлений имеет ситуация совершения преступления (место, время, наличие или отсутствие очевидцев, состояние пострадавшего и т.д.). В частности, отсутствие очевидцев может породить у пострадав-

шего мнение в бесперспективности обращения в органы милиции.

Следует отметить, что решение пострадавшего, очевидцев преступления или правонарушителя и иных граждан, осведомленных о факте их совершения, передать информацию о нем соответствующим органам, представляет собой результат многих переменных. Из опыта повседневной жизни хорошо известно, что далеко не каждый сделает такой шаг. В этой связи результаты нашего исследования позволили выделить следующие основные факторы, влияющие на принятие решения о сообщении (или несообщении) об известном им преступлении (правонарушении) в компетентные органы.

1. Уровень правосознания лиц, располагающих информацией о факте совершения преступления (правонарушения).

Здесь казалось бы сам собой напрашивается вывод о том, что чем выше уровень правосознания, тем соответственно и выше активность граждан на факты преступлений и иных правонарушений, а отсюда ниже уровень латентности, который не подлежит какому-либо сомнению. Однако на деле такая однозначная интерпретация оказалась не совсем правильной, ибо сам по себе уровень правосознания еще ничего не решает. В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом, способом правовые знания, чувства, мнения, установки граждан, их ценностные ориентации в совокупности с другими факторами воздействуют на выбор того или иного поведения, в том числе связанного с решением о передаче имеющейся информации о факте преступления или правонарушения в компетентные органы, то есть механизм действия правосознания.

Анализ данного механизма применительно к генезису латентности показывает, что, во-первых, лицо, располагающее информацией об определенном событии, в известном смысле осуществляет его правовую оценку, то есть соотносит это событие по его качественным параметрам и признакам к какому-либо виду поведения (оценивает как противоправное, но не преступное; как безнравственное, но не противоправное; как противоправное, но нравственное; наконец, как правомерное и нравственное).⁴

⁴ См.: Михайловская И.Б. Социальнопсихологические предпосылки поступления и реализации информации, необходимой для применения уголовного закона // Уголовная политика советского государства в свете решений XXVI съезда КПСС. Труды Академии МВД СССР, М., 1982. С. 67-72

В свою очередь, эта оценка, как правило, зависит от следующих трех моментов: а) объективной определенности происшедшего события; б) уровня правовой информированности личности, в особенности в области уголовного права; в) правовой установки лица, осуществляющего ее.

Из юридической практики известно, насколько бывает трудно оценить те или иные посягательства на личность (жизнь, здоровье, честь, достоинство) как преступные. Так, далеко не каждый, восприняв информацию о причинении телесных повреждений, полученных, например, в ссоре, драке, решит, что это является результатом совершения противоправных действий. Даже обнаружение трупа со следами насильственной смерти еще не свидетельствует прямо о том, что здесь произошло убийство.

Что же касается следующего элемента - правовой информированности, - то выборочные исследования указывают на серьезные пробелы в этой сфере, на крайне низкий уровень правовых знаний наших граждан. Думается, что такое положение, наряду со многими другими причинами, сложились в силу долгого игнорирования теорией уголовного права и правоприменительной практикой социологического подхода в разработке проблем правовой информированности. До недавнего времени здесь преобладал чисто юридический, догматический подход, основывающийся, в частности, на презумпции знания уголовного закона - граждане обязаны знать уголовно-правовые нормы и предписания.

С точки зрения этой традиционной концепции, уходящей своими корнями к древнеримскому праву, адресат правовых норм, как правильно отмечается в литературе, не является объектом специального внимания - предполагается, что он обладает необходимой правовой информацией⁵. Между тем жизнь, как оказалось, свидетельствует об обратном: наши граждане все еще не обеспечены необходимым минимумом знаний об уголовном праве и практике его применения.

Таким образом, назрела острая необходимость во включении в деятельность законодательных и правоохранительных органов г л а с н о с т и , чтобы глубоко и объективно раз-

⁵ См.: Наумова С., Соколов Н.Я. Механизм правовой информированности: понятие и структура // СССР-Болгария: правовая информированность личности. М., 1984. С. 17.

обратиться в тех реальностях, которые здесь сложились и выработались, с участием общественности, принципиальные решения по коренной перестройке деятельности этих органов, по формированию, как было намечено в резолюциях XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, социалистического правового государства⁶.

Наконец, о правовой установке личности. Среди многих граждан и работников правоохранительных органов довольно широко распространено мнение о том, что лица, располагающие информацией о совершенном преступлении, обязаны сообщать об этом в компетентные органы. На таких позициях стоит и законодатель, который установил уголовную ответственность за недонесение (ст. 190 УК РСФСР и ст. 181 УК Эстонской ССР) о значительном круге преступлений.

В опубликованном для всенародного обсуждения Проекте Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик этот круг преступлений существенно ограничен. И это, безусловно, следует расценивать как серьезный позитивный шаг по сравнению с ныне действующим законодательством. Тем не менее думается, что в условиях формирования правового государства назрела необходимость вообще отказаться от уголовной ответственности за недонесение о преступлении. Существование данной нормы представляется нам глубоко аморальным, ибо требует от граждан осуществления доноса, который в цивилизованном обществе не должно поощряться. Поэтому ответственность за несообщение (этот термин нам представляется более удачным) об известных субъекту преступлениях (условно говоря, преступлениях, ибо в начальной стадии еще не ясно, было ли на самом деле совершено преступление) должна носить, на наш взгляд, только моральный характер. Иными словами, решение сообщать или не сообщать должно являться делом совести и гражданской обязанности, но не правовой.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что на характер итоговой оценки значительное влияние оказывает не только суждение о правомерности или противоправности тех или иных действий (поступков), но и суждение о их нравственной стороне ("допустимо" — "недопустимо"). Результат этой совокупной оценки схематично может быть выражен в виде суждения "правильно" — "неправильно". Базой итоговой оценки может слу-

⁶ См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988.

жить либо совпадающая позитивная (негативная) правовая и нравственная оценки, либо, в случае их несовпадения, та, которая соответствует высшему уровню в иерархии принятых индивидом ценностей (см. рис.1).

Рисунок 1

I Правовая оценка		I Нравственная оценка		I Итоговая оценка I	
I правомерно	I	I допустимо	I	I правильно	I
I правомерно	I	I недопустимо	I	I правильно	I
I правомерно	I	I недопустимо	I	I неправильно	I
I неправомерно	I	I недопустимо	I	I неправильно	I
I неправомерно	I	I допустимо	I	I неправильно	I
I неправомерно	I	I допустимо	I	I правильно	I

Безусловно, это схематическое изображение субъективной оценки события является весьма упрощенным. В реальной действительности все обстоит гораздо сложнее, ибо каждое из указанных в схеме суждений может носить различный эмоциональный заряд, отличаться различной степенью убежденности. Немаловажное значение здесь имеет как личность преступника (правонарушителя), так и личность потерпевшего (пострадавшего), отношение к ним со стороны лица, располагающего информацией о происшедшем событии. Наряду с этим на характер итоговой оценки, а значит в определенной мере и на уровень латентности насильственных преступлений, оказывает существенное влияние и другой фактор, к рассмотрению которого мы сейчас переходим.

2. Степень общественной опасности совершенного преступления. Применительно к насильственным преступлениям тезис о том, что чем выше степень общественной опасности совершенного преступления, тем, соответственно, ниже уровень его латентности практически является правильным. Это правило, однако, не всегда действует применительно к некоторым другим видам преступлений. Так, никто не оспаривает того, насколько опасны для нашего общества и государства хищения в крупных и особо крупных размерах, взяточничество, коррупция, проявления организованной преступности. Но это вовсе не значит, что они низколатентны. Наоборот, есть полные основания считать, что латентность этих опасных преступлений довольно высока.

Судебные процессы над крупными взяточниками и раскитителями, объединенными в глубоко замаскированные преступные

сообщества (кланы, мафии и т.д.), прошедшие в 1983-1985 гг. в Узбекистане, Казахстане, Молдавии, Москве и других регионах, буквально потрясли наше общество, как оказывается сейчас, затронули тогда лишь вершину айсберга. Недавно в Москве закончился процесс по "делу" Чурбанова и на очереди еще целый ряд других крупных процессов. А сколько еще предстоит выявить таких крупных и опасных преступлений правоохранительным органам, которые останутся им неизвестными, т.е. латентными?..

Вышеназванное правило о "зеркальной" латентности насильственных преступлений было установлено нами в результате проведения специального исследования, в процессе которого применялись различные методы (изучение документов и статистических данных, наблюдение, экспертные оценки, опрос и др.). В частности, заслуживающие внимания данные были получены в результате проведения опроса граждан, перед которыми в анкете был поставлен вопрос о том, о каких из перечисленных ниже преступлениях, если бы опрошенному стало о них достоверно известно, он считал бы своим гражданским долгом сообщить в органы милиции* (см. таблицу 1).

Таблица 1

I	Виды преступлений	I "X"	I "+"	I "-"	I
I	Умышленное убийство	I 85,5	I 13,2	I -	I
I	Угроза убийством	I 29,4	I 50,2	I 16,8	I
I	Умышленное нанесение телесных	I	I	I	I
I	повреждений	I 64	I 44	I -	I
I	Хулиганство с применением насилия	I 36,3	I 56,1	I 17,6	I
I	Истязание (систематическое нане-	I	I	I	I
I	сение побоев)	I 28	I 44	I 28	I
I	Изнасилование	I 82,7	I 19,8	I 17,5	I
I	Клевета и оскорбление	I 12,2	I 29,7	I 58,1	I
I	Незаконное производство аборта	I 2,2	I 19,8	I 88,0	I

* Такие деяния отмечены законом "X" в столбце; деяния, о которых опрошенный не стал бы сообщать по собственной инициативе, но охотно дал бы показания, будучи вызванным, отмечены знаком "+". Наконец, деяния, о которых опрошенный предпочел бы не рассказывать и не сообщать, считая их малозначительными, из-за которых не стоит тратить время и т. п., отмечены знаком "-". Результаты опроса даны в процентах.

Данные первого столбца таблицы достаточно четко показывают наличие прямой связи между степенью общественной опасности насильственных преступлений и характером реакции граждан на их совершение. Следует, однако, учесть, что это не данные об их действительной реакции, а данные об их намерениях, взглядах, позиции по заданному им вопросу. Как бы на самом деле поступили опрошенные лица, столкнувшись с фактом преступления, остается только гадать. Возможно они действительно проявили бы активную реакцию и сообщили об этом органам милиции, а возможно решили бы и промолчать. Ведь существуют серьезные расхождения между должным и сущим, словом и делом и в изучаемой нами области социальных отношений.

Особенно внимательного прочтения требуют к себе данные второго и третьего столбцов таблицы. О чем они говорят? Прежде всего о негативном отношении значительной части опрошенных к доносительству. "Сам не стану сообщать, но если меня вызовут в милицию, то охотно дам показания об известных мне фактах преступлений" - вот основная позиция большинства людей. Она еще раз подтверждает целесообразность отказа от института недонесения о преступлении в советском уголовном законе.

А как же быть с латентностью, которая возникает по причине того, что среда функционирования правоохранительных органов зачастую остается индифферентной к подготовляемым и совершаемым преступлениям и правонарушениям? Ведь это в свою очередь порождает безнаказанность со всеми вытекающими из нее негативными последствиями. Чтож, следует, видимо, считаться с этим обстоятельством и рассматривать его как своего рода плату за сохранение более весомых и существенных ценностей, здоровых и нравственных отношений в нашем обществе. К тому же, как правильно отмечают специалисты, господствующее мнение, что недонесение нарушает нормальную деятельность правоохранительных органов по изобличению преступников, не отражает реальной жизни⁷.

В связи с этим выскажем одну мысль, которая, на первый взгляд, может показаться парадоксальной. В существовании латентности есть и позитивный смысл! Обратимся еще раз к данным третьего столбца таблицы. Они показывают, что значитель-

⁷ См.: Мнение неравнодушных. Обсуждаем проект Основ уголовного законодательства // Известия. 3 января 1989 г.

ная часть опрошенных отдадут предпочтение пассивному варианту реагирования вследствие того, что считают некоторые виды деяний, приведенных в анкете (таблице), малозначительными, а поэтому не стоящими того, чтобы о них следовало сообщать. Между тем речь в анкете шла о преступлениях, а не об административных правонарушениях. Думается, что выбор ими такого варианта реагирования был обусловлен также и тем, что граждане все-таки отдадут себе отчет в том, что их собственная оценка известного им события может на деле оказаться ошибочной и повлечь за собой ложный донос, вследствие которого в отношении лица, указанного в нем, могут быть необоснованно и незаконно применены репрессивные меры. Во всяком случае при выборочном интервьюировании некоторых опрошенных ими высказывалась такая точка зрения.

Нельзя также сбрасывать со счетов опасения граждан за ложный донос, а также и их опасения мести со стороны преступника и его окружения.

Позитивное значение латентности преступлений нам видится еще в том, что в определенной степени осуществляется экономия уголовной репрессии. Происходит, если так можно выразиться, саморегуляция уголовной репрессии. Многовековым существованием человечества убедительно доказано, что излишняя репрессия не имеет сколько-нибудь существенного предупредительного эффекта, а если он и достигается, то, как правило, лишь на начальном этапе ее применения. Впоследствии же обычно происходит затухание предупредительного эффекта. Более того, в целом ряде случаев избыточная уголовная репрессия сама становится источником преступлений, в особенности повторных, т.е. рецидивной преступности.

Достаточно представить себе такую ситуацию, что латентность такого весьма распространенного вида хозяйственных преступлений, как обман граждан, сведена к нулю. Тогда, видимо, придется чуть ли не подавляющую часть продавцов привлечь к уголовной или иной юридической ответственности, ибо обманом покупателей, как установлено многочисленными исследованиями и проверками, занимается немалая часть из них. Представляется, что в профилактической работе в сфере торговли приоритеты должны иметь все же экономические методы, а не уголовно-правовые, основывающиеся преимущественно на страхе перед возможным разоблачением и наказанием. Между тем известно, что предупредительные возможности наказания весьма ограничены.

Если бы все подготавливаемые и совершенные преступления или во всяком случае подавляющее большинство из них выявлялось и виновные лица привлекались к уголовной ответственности, то вероятно, немалая часть нашего населения была бы пропущена через машину уголовной юстиции и число судимых лиц приблизилось к угрожающей для нормального и здорового общества черте.

Определенное позитивное значение имеет и латентность некоторых насильственных преступлений, в частности, изнасилований. Их латентность, причем весьма высокая*, во многом связана не только с тем, что в генезисе изнасилований серьезное значение имеет виктимное (провоцирующее, свободное, легкомысленное и т.п.) поведение потерпевшей по причине чего они зачастую предпочитают не обращаться с заявлением об ее изнасиловании в органы милиции, но и боязнь со стороны вполне добропорядочных потерпевших огласки и позора в случае их обращения за помощью в эти органы.

Не случайно поэтому законодатель установил частнопубличный порядок возбуждения уголовных дел об изнасиловании, обосновав это морально-этическими соображениями, стремлением избежать вторжения в интимную жизнь и причинения нравственно-психологической травмы потерпевшей и дополнительного вреда ее чести и достоинству.

Следует отметить, что наряду с этим вредом могут наступить и другие негативные последствия, в том числе распад семьи, невозможность дальнейшего проживания в данной местности, необходимость смены работы и др. Иными словами, может быть нарушен весь прежний нормальный уклад жизни потерпевшей.

Здесь мы практически перешли к рассмотрению следующего фактора.

3. Позитивная или негативная оценка последствий, кото-

* По данным нашего исследования, соотношение между известными и зарегистрированными изнасилованиями и латентными составляет приблизительно 1:10. Представляется, однако, что оно существенно выше, ибо специально организованные Всесоюзным Институтом Прокуратуры СССР исследования показали, что значительная часть (более половины) опрошенных девушек и молодых женщин подверглись посягательствам на их половую неприкосновенность, но лишь единицы из них обращались за помощью в соответствующие органы.

рые может вызвать передача информации об известном преступлении компетентным органам. При этом лицо, располагающее такой информацией, обычно дифференцирует последствия как по отношению к себе, так и по отношению к виновному лицу.

Характер рассматриваемой оценки, в свою очередь, определяется рядом моментов: а) уровнем престижа правоохранительных органов, куда осуществляется обращение; б) степенью вероятности наступления негативных последствий и их характером; в) объективной доступностью такого обращения.

В проведенном нами опросе граждан с целью выяснения их мнения об уровне работы органов милиции перед ними был поставлен в анкете следующий вопрос: "В выявлении и раскрытии преступлений принимают участие работники милиции. Нас интересует Ваше мнение относительно того, выполняют ли они свои функции сознательно, беспристрастно и на должном уровне".

Набор возможных ответов предусматривал следующие варианты (см. таблицу 2).

Таблица 2.

I	Варианты ответов	I	Результаты в %	I
I	I	I	I	I
I	1. Все выполняют свои функции созна-	I		I
I	тельно, беспристрастно и на долж-	I	16,5	I
I	ном уровне	I		I
I	2. Почти все работают так	I	17,5	I
I	3. Так работает большинство из них	I	46,2	I
I	4. Среди них не так уж много таких,	I		I
I	которые бы так работали	I	19,8	I

Тот факт, что всего 20% опрошенных неодобрительно отзывались об уровне работы органов милиции не должен вызывать оптимизма и удовлетворения. Следует учесть, что опрос был нами проведен в 1982 г., в самом конце застойного периода.

В условиях происходящей в нашей стране революционной перестройки к работе милиции и других правоохранительных органов предъявляются повышенные требования, население высказывает серьезные и обоснованные претензии к уровню их работы. Не исключена, как нам кажется, такая ситуация, когда результаты опроса, если бы он был проведен сейчас, оказались диаметрально противоположными и только 20% дали бы работе милиции положительную оценку, а остальные 80% отрицательную.

Следует в этой связи особо отметить, что доминирующими

мотивами пассивного реагирования на известные им факты подготавливаемых и совершенных преступлений среди опрошенных граждан заняли нежелание связываться с милицией и прокуратурой, давать показания на следствии и в суде, а также неверие в возможность милиции найти и изобличить преступника, возместить причиненный потерпевшему ущерб.

Таким образом, правоохранительная практика государственных органов имеет одно из решающих значений в формировании правосознания личности. К.Маркс неоднократно подчеркивал, что "люди суть продукты обстоятельств воспитания, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства".⁸

В данном случае под обстоятельствами понимается правовая практика во всех ее проявлениях. Личные наблюдения ежедневно реализующихся правоотношений граждан с милицией и другими правоохранительными органами - наиболее универсальный способ формирования правосознания и отношения к деятельности этих органов.

Отношение должностных лиц правоохранительных органов, куда обращаются за помощью граждане, как к исполнению своих непосредственных обязанностей, так и к самим заявителям, формирует у граждан и населения мнение об органе в целом. Факты волокиты и формализма, черствости и бездушия по отношению к гражданам крайне отрицательно влияют на их отношение к этим органам, серьезно подрывают их престиж. Встретившись хотя бы однажды с такими фактами, граждане уже не желают иметь с ними какое-либо дело, в том числе обращаться за помощью или просто информировать их об известных им преступлениях и правонарушениях.

В связи с этим специального рассмотрения требует вопрос о причинах "искусственной" латентности насильственных преступлений, создаваемой в результате нерегистрации отдельных уголовно-наказуемых деяний и необоснованного "снятия" их с учета в уголовной статистике, т.е. фактически их укрывания от регистрации и учета.

Основную нагрузку по "переработке" всей осведомительной информации, поступающей в систему уголовной юстиции, выполняют, как известно, органы внутренних дел. При этом основная ее часть ложится на органы дознания, которые разрешают

⁸ Маркс К. Тезисы о Фейербахе. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.2,37

примерно до четырех пятых всех заявлений и сообщений о преступлениях (правонарушениях).

Анализ деятельности органов внутренних дел по приему, регуляции, учету и разрешению заявлений и сообщений о преступлениях (проншествиях) показывает, что на ее результаты влияет целый ряд факторов. В частности, на эмпирическом (операциональном) уровне выделяются следующие:

1) степень информационной определенности деяния, о котором идет речь в заявлении или сообщении;

2) степень общественной опасности деяния, указанного в заявлении или сообщении;

3) состояние показателей, характеризующих деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступностью и охране общественного порядка (состояние, уровень, динамика и структура преступности);

4) принятая система оценок работы службы (подразделения), в которую поступило для разрешения заявление или сообщение;

5) реальная загруженность данной службы (подразделения) и наличие должного ресурсного обеспечения выполняемых ею функций;

6) реальная загруженность работника, которому поручено разрешение заявления или сообщения;

7) сложившиеся в данном органе внутренних дел стандарты профессионального поведения, в том числе связанные с регистрацией, учетом и разрешением заявлений и сообщений;

8) уровень и качество прокурорского надзора и ведомственного контроля за состоянием законности в работе по приему и регистрации, учету и разрешению заявлений и сообщений;

9) иные факторы, в том числе уровень квалификации и профессиональной подготовки работников органов внутренних дел, их добросовестности и честности, время поступления заявления или сообщения (например, начало или конец отчетного периода), характеристика личности правонарушителя, о котором идет речь в заявлении или сообщении, наличие судебной перспективы или перспективы раскрытия преступления, в том случае, если оно носит неочевидный характер и др.

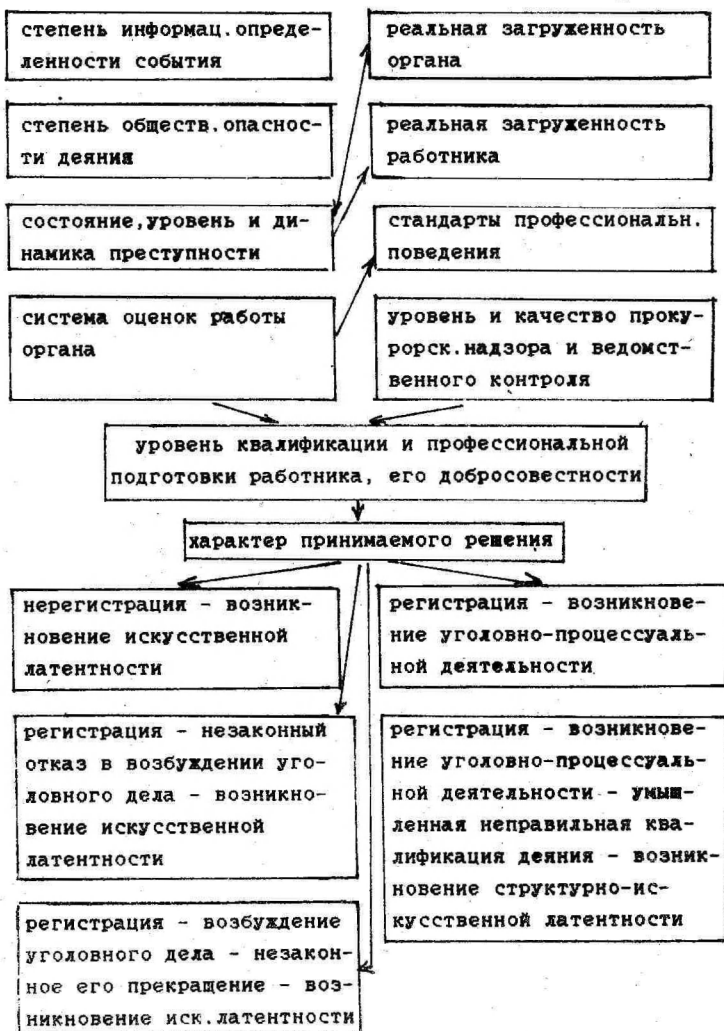
В реальной действительности указанные факторы действуют также достаточно слитно и причиной латентности редко является влияние (действие) какого-либо одного отдельно взятого фактора.

В достаточно упрощенном виде, без выделения всех обрат-

ных связей, это взаимодействие или, иными словами, механизм образования искусственной латентности насильственных преступлений изображен на нижеследующей схеме (см. схема 1).

Схема 1

М Е Х А Н И З М
взаимодействия факторов, влияющих на уровень
искусственной латентности насильственных преступлений

Следует подчеркнуть, что отмеченные в схеме факторы могут как способствовать латентности, так и противодействовать ей. В частности, способствуют они лишь при тех условиях, когда носят негативный характер, например, повышенная степень информационной определенности события, негативные стандарты профессионального поведения (практика укрыва преступлений от учета) и т.д.

ПРЕСТУПНОСТЬ В ЭСТОНИИ И ЕЕ СРАВНЕНИЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ДРУГИХ ГОСУДАРСТВАХ (СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ)

А. Лепс

Преступность как определенное суммативное количество представляет собой некоторое множество преступлений и хотя такое суммативное единство - преступность - приобретает некоторые "кооперативные" свойства, его части остаются самостоятельными, они не становятся функциональными частями этого единства. Так, отдельное преступление, будучи частью подобного суммативного единства, само по себе не выражает "преступности". Сама преступность, как суммативное единство имеет очень подвижные границы величины, в рамках которых сохраняется его качество. Она имеет нефиксированную структуру внутренней взаимосвязи (хотя преступность, конечно, не бесструктурна) и строго определенный состав.

Итак, эмпирически преступность выражается в качестве суммы отдельных преступлений. Тем самым преступления соотносятся как равные величины, не имеющие своего названия, различной степени общественной опасности и т.д., идет ли речь об умышленном убийстве или же о клевете. Так оценивается состояние преступности во всем мире.

Состояние, уровень и динамику преступности мы наблюдаем начиная с 1961 г. (см. табл.1)*, то есть с того времени, когда на территории Эстонской ССР стал действовать Уголовный кодекс Эстонской ССР. До апреля 1961 г., в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 ноября 1940 года "О временном применении уголовного, гражданского и трудового законодательства РСФСР на территории Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик" Уголовный кодекс РСФСР 1962 г. действовал также в Эстонской, Латвийской и Литовской СССР.¹

Названный уголовный кодекс был по своей сути антигуманным, поскольку в нем был установлен принцип аналогии. Ст. 16 УК РСФСР 1926 г. устанавливала принцип аналогии следующим образом: "Если то или иное общественно-опасное действие прямо не предусмотрено настоящим Кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к

* Все таблицы даны в приложении в конце статьи.

1 "Eesti NSV Teataja", 1940. 65

тем статьям Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления". Наличие этой статьи позволяло признать виновным и осудить любого неугодного правящей верхушке. Принцип аналогии позволил развязаться огромной человеческой трагедии. Были отброшены развитие Ч.Беккариа в вышедшей в 1764 г. работе "О преступлениях и наказаниях" революционно-демократические требования стремившейся к власти буржуазии, направленные против феодальных отношений и феодального правосудия. В них провозглашалось равноправие всех граждан перед судом и содержался четкий принцип - нет преступления и наказания без соответствующего указания в законе; необходима соразмерность наказания тяжести совершенного преступления.

Во времена сталинизма и в период застоя в нашем государстве была невозможна публикация работ по статистике преступности. И хотя в работах описательного характера для иллюстрации общих рассуждений иногда и приводились некоторые характеризующие преступность цифры, они были тенденциозны: выстроены таким образом, что в какой-то период времени преступность должна была проявлять тенденцию к снижению. В определенном смысле в этом виновна и господствовавшая точка зрения, что преступность в социалистическом обществе постепенно снижается, хотя в действительности преступность возрастала.

В период с 1961 по 1988 гг. количество преступлений в нашей республике возросло, особенно во время X и XI пятилетки. И только в первые три года XII пятилетки преступность несколько снизилась (на 6%). Если же сравнить преступность 1988 г. с преступностью 1984 г., когда наблюдался пик преступности за весь послевоенный период, то можно сказать, что преступность снизилась даже на одну пятую. В этом, вероятно, сказывается влияние перестройки, внушившей людям изрядную дозу социального оптимизма, однако не стоит, очевидно, делать из этого далеко идущие выводы. К примеру, в 1988 г. количество зарегистрированных преступлений возросло по сравнению с 1987 г. на 6%. Однако остается фактом, что в течение длительного периода у нас наблюдался реальный рост преступности вопреки утверждениям бывшего руководства республики, объяснявшего возрастающие цифры совершенствованием регистрации преступлений в правоохранительных органах. Это мнение опровергается тем обстоятельством, что существенно увеличилось - опять-таки в X и XI пятилетках - количество умышленных

убийств и покушений на убийство с малой латентностью, а также умышленного применения тяжких телесных повреждений.

Частота встречаемости всех так называемых классических преступлений, рассмотренных в таблице 2, повысилась в X и XI пятилетках, причем в течение последних трех лет их число уменьшилось, за исключением краж личного имущества граждан. Частота встречаемости хулиганства отличается от динамики видов преступлений, поскольку согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. "Об усилении ответственности за хулиганство" правоохранительные органы нашей республики значительно активизировали борьбу с ним. Вероятно, правоохранительные органы все же "регулировали" количество преступлений в периоды с 1966 по 1970 гг. и с 1971 по 1975 гг. путем скрывания от регистрации именно краж государственного или общественного имущества, а также личного имущества граждан. По нашему мнению, динамика разбоя и грабежа государственного имущества, а также личного имущества граждан дает наиболее вероятную картину динамики преступности в республике в рассматриваемый период. В то же время постоянно снижалась раскрываемость преступлений, хотя раскрываемость тяжких преступлений против личности стабильно высока.

Сказанное следует объяснить. Количество зарегистрированных в правоохранительных органах преступлений вследствие различных обстоятельств далеко не равно фактически существующей в обществе преступности. К примеру, количество мелких хищений невозможно определить даже приблизительно, поскольку в статистику правоохранительных органов попадает лишь крайне незначительная часть мелких хищений. Руководители предприятий, учреждений и хозяйств также не всегда заинтересованы в обнаружении фактических данных, если они им и известны, потому что тогда их в свою очередь обвинят в плохой организации хранения материальных ценностей. Получается заколдованный круг.

В то же время работу правоохранительных органов продолжают оценивать по росту или снижению уровня преступности в регионе, несмотря на то, что преступность порождается обществом, а не правоохранительными органами! Такая система оценки, в свою очередь, обуславливает сокрытие от учета преступлений, особенно в органах министерства внутренних дел, и в результате - неправильную регистрацию преступлений. Сокрытие же преступлений от учета связано с другим оценочным критерием - раскрываемостью преступлений. Одним из больших

обманов недавнего прошлого была подделка социально-экономических показателей, или самообман. Не осмелюсь утверждать, что теперь это явление исчезло полностью. Период социально-экономического застоя характеризовался высоким процентом раскрываемости преступлений. Если же исходить из реальных возможностей раскрытия преступлений, прежде всего из возможностей органов министерства внутренних дел, основной функцией которых является борьба с преступностью, то при имеющемся численном составе кадров, профессиональных способностях личного состава и применяемых технических средствах просто невозможно раскрытие преступлений на том уровне, как это в недавнем прошлом представлялось в отчетах (см. табл. 3).

Далее нас интересует следующий вопрос: можно ли сравнивать уровень преступности разных государств (а также союзных республик)? Ответ таков: и да, и нет.

Проблема сравнительного изучения преступности существует уже более ста лет, и долгое время считалось, что сравнение уровня преступности различных государств невозможно. Совершенно ясно, какие факторы затрудняют сравнение уголовной статистики разных государств. Это, во-первых, их принадлежность к разным общественно-политическим формациям; во-вторых, круг моделей поведения, признанный уголовным законодательством преступлениями, и, в-третьих, различия в системе учета преступлений. Эти три момента не идут в учет при сравнении уровня преступности в союзных республиках, зато здесь, в свою очередь, серьезным препятствием оказывается правильность взятия на учет преступлений в органах милиции и прокуратуры. Однако, на этой проблеме мы должны остановиться подробнее.

Вопрос сравнения преступности в различных государствах был поднят А.Кетле уже в 1853 г. на первом международном конгрессе по статистике. С тех пор этот вопрос неоднократно обсуждался на международных конгрессах по статистике, а также на сессиях международного института статистики ².

Для того, чтобы подробнее остановиться на вопросе научной возможности сравнения уголовной статистики различных стран, необходимо прежде всего помнить, что в уголовном законодательстве разных государств существуют различия. Во-первых, в одних странах преступные деяния подразделяются на

² См.: Сборник статистических данных о преступности в капиталистических странах. - М., 1967. С. 12-14

преступления, проступки и правонарушения, в других - на преступления и проступки, а в третьих - на преступные деяния, преследуемые по обвиняемому акту или без такового. Во-вторых, имеются различия в круге деяний, признанных преступлениями: различия в формулировке понятий соучастия, покушения, рецидива и других юридических институтов и различия в отдельных составах преступлений. В-третьих, различия в организации уголовной статистики в различных государствах: различия в системе показателей, характеризующих преступность и преступников и различия в учете преступлений (какие составы преступлений публикуются в статистике той или иной страны). В-четвертых, поскольку в учете преступности существует несколько основных показателей - преступления, зарегистрированные милицией (полицией) или прокуратурой, лица, совершившие преступления, и лица, осужденные судами, - то эти данные между собой не сопоставимы.

Статистика преступлений, зарегистрированных милицией (полицией) на протяжении отчетного периода, первоначально и несовершенна. Несовершенна, во-первых, потому, что часть первоначально зарегистрированных преступлений позже как преступления отпадают (невменяемость лица, совершившего преступление и т.д.). Во-вторых, изменение квалификации преступления в ходе предварительного или судебного следствия. В-третьих, следственные органы МВД или прокуратуры не учитывают лиц, совершивших преступления, дела по которым возбуждены судом по жалобам потерпевших, то есть дела частного обвинения, так как по этим делам предварительное следствие (дознание) не проводится.

С другой стороны, и статистика, составленная по осужденным судами лицам (и совершенным ими преступлениям) за отчетный период несовершенна. Во-первых, потому, что суды осуждают и преступников, совершивших преступления, в предыдущем отчетном периоде, но еще не осужденных за них. Во-вторых, часть уголовных дел остается в данный отчетный период нерассмотренным (остаток). В-третьих, не все уголовные дела, возбужденные по преступлениям, совершенным в данный отчетный период, доходят до суда в этот же период. В-четвертых, за пределами отчетности судов остаются лица, совершившие малозначительные преступления, освобожденные от уголовной ответственности, дела которых переданы в рассмотрение общественности, в товарищеские суды, на поруки, в комиссии по делам несовершеннолетних. Не учитываются судами и лица, признанные

виновными в совершении преступления, но освобожденные от уголовной ответственности по иным нереабилитирующим основаниям (например, по амнистии). В-пятых, в уголовном законодательстве происходят изменения, которые вносят существенные коррективы в статистику преступности. В-шестых, происходят изменения в работе милиции (полиции), прокуратуры и суда, в интенсивности и объективности их работы.

Все изложенные выше моменты невозможно было учесть при сравнении статистики преступности в различных государствах.

Ученые полагают, что малоэффективно сравнивать уровень преступности в разных странах (а также в союзных республиках) по цифровым показателям зарегистрированных преступлений, поскольку различие в уголовном законодательстве государств такое сравнение делает невозможным. Во-вторых, по их мнению, возможно сравнение уровня преступности в разных государствах по некоторым отдельным видам преступлений. Таким видом преступления стало умышленное убийство, поскольку частота его встречаемости лучше всего указывает на остроту кроющихся в обществе неразрешенных социально-экономических противоречий. По нашему мнению, и это сравнение имеет слабые стороны, так как такое глобальное явление, как преступность, вряд ли можно описывать на фоне только одного показателя, то есть частоты встречаемости одного вида преступлений. Третьим основанием оценки уровня преступности могло бы быть сравнение разных видов (групп) преступлений. Но и эта возможность имеет свои недостатки. Всегда будет спорным то, почему для получения общей картины преступности рассматриваются именно одни, а не другие виды (группы) преступлений.

Каков же уровень преступности в Советской Эстонии по сравнению с другими союзными республиками? Он высок (см. табл. 4). Эстония, РСФСР и Латвийская ССР постоянно являются тремя союзными республиками с самым высоким уровнем преступности. К числу союзных республик с относительно высокой преступностью относятся Казахская ССР, Литовская ССР, Белорусская ССР, Молдавская ССР и Украинская ССР. Республиками со средним уровнем преступности являются Узбекская ССР, Туркменская ССР, Грузинская ССР и Киргизская ССР. Ниже уровень преступности в Таджикской ССР, Азербайджанской ССР и в Армянской ССР. Но это вовсе не означает, что мы в своей республике не можем выйти вечером на улицу. Зато такая прогулка является проблематичной в некоторых других республиках, где уровень преступности ниже, чем в Эстонии. Следовательно, ко-

личество зарегистрированных преступлений (коэффициенты на количество жителей) не всегда отражает реальное положение.

Если сравнить уровень преступности в государствах, расположенных на берегу Балтийского моря, то окажется, что уровень преступности в нашей республике ниже, чем в Швеции, Дании, ФРГ, Финляндии и Норвегии, но выше, чем в ГДР. Соответствует ли это действительности? Трудно сказать.

Если при оценке преступности в разных союзных республиках исходить из частоты встречаемости умышленных убийств, то в этом отношении Прибалтийские союзные республики будут занимать довольно хорошие позиции среди других союзных республик.

Если же сравнивать уровень преступности в Эстонской ССР с другими зарубежными государствами как по частоте встречаемости умышленных убийств, так и по другим видам (группам) преступлений, то тогда придется совершить краткий экскурс в банк данных международной уголовной статистики Интерпола.

В настоящее время Интерпол (Internatsional Criminal Police Organisation) является единственной международной организацией, которая занимается сбором, систематизацией и публикацией статистических материалов об уголовной преступности во входящих в нее странах. В составе Интерпола в 1985 г. насчитывалось 136 государств, в том числе Китай, Югославия, Куба, Румыния и Венгрия.

Главной задачей Интерпола является согласование в международном масштабе борьбы с преступностью полицейских ведомств различных государств. Он имеет свой код, картотеку преступников, радиостанцию и журналы, наиболее важным из которых можно назвать основанный в 1946 г. "Criminal Police Review". К сожалению, Советский Союз до сих пор не принимает участия в работе Интерпола. Стремящаяся к региональному козрасчету Эстония в ближайшем будущем начнет расширять свои связи и с зарубежными государствами, поэтому самое время серьезно подумать об участии в работе Интерпола, сначала хотя бы в качестве наблюдателя.

В связи с наличием серьезных расхождений в законодательствах разных стран мира, ведения общей статистики в указанной области долгое время считалось невозможным. В 1950 г. к решению этой проблемы подключился Интерпол. Странам-членам организации было предложено прислать точные определения всех составов преступлений, принятых в их уголовных кодексах. В результате были выявлены значительные различия в дефинициях

составов преступлений даже в законодательствах тех стран, правовые системы которых имеют общие черты (например, ФРГ, Австрия, Швейцария).

Эксперты Интерпола сумели выделить в национальных отчетах несколько категорий (кругов) правонарушений, которые по их мнению определяют общую картину преступности в каждом государстве. Была подготовлена единая форма составления отчетов странами-членами этой организации, включавшая сведения об общем количестве зарегистрированных в них преступлений и данные по следующим их группам: а) умышленные убийства; б) преступления против нравственности; в) кражи, совершенные при отягчающих обстоятельствах; г) простые кражи; е) фальшивомонетничество, подделка банковских чеков и ценных бумаг; д) преступления, связанные с наркотическими средствами.

На 45-ой сессии Генеральной ассамблеи Интерпола в 1976 году было принято решение модифицировать ведение международной статистики, чтобы сделать ее данные по разным странам более сопоставимыми. В новой форме к названным выше группам преступлений были добавлены дополнительные. Это было сделано за счет того, что из некоторых прежних групп, объединяющих родственные правонарушения, были выделены изнасилования. В статистику Интерпола была введена ранее отсутствовавшая группа - опасные и тяжелые телесные повреждения. Большие изменения претерпела группа под названием "кражи, совершаемые при отягчающих обстоятельствах". Она была разделена на три самостоятельные группы: а) кражи со взломом; б) ограбления; в) кражи и угоны транспортных средств, в том числе велосипедов.

В отличие от всех предыдущих публикаций Интерпола отчеты, подготовленные после принятия решения о модификации ведения международной статистики в 1976 г., стали содержать сводные таблицы, в которых для удобства сравнения приводятся не абсолютные данные о количестве преступлений по указанным группам, которые нельзя сравнивать, а так называемые коэффициенты преступности, то есть показатель числа преступлений на 100 тыс. жителей конкретного государства. Эти коэффициенты представляют собой уже вполне сопоставимые показатели, хотя при их выведении мы должны делать множество оговорок (см. табл. 5,6).

К сожалению, не все являющиеся членами Интерпола государства представляют свои данные о преступности в соответствии с предъявляемыми требованиями. По этой причине мы можем

сравнивать Эстонскую ССР лишь с 23 странами-членами Интерпола в разрезе шести видов (групп) преступлений. К рассматриваемым государствам присовокупим лишь не входящую в Интерпол ГДР.

Прежде чем приступить к сравнению Эстонской ССР с рассматриваемыми 24 различными государствами мира, мы должны вкратце остановиться на шести видах (группах) преступлений, которые являются основой для сравнения.

1. Международная уголовная статистика включает категории "убийство", "умышленное убийство", а также "детоубийство". При этом, например, уголовное законодательство США считает убийством только случаи законченного преступления. Покушение на убийство квалифицируется как тяжкое телесное повреждение либо насилие. С 1977 г. большинство западных стран по просьбе Интерпола выделяют в своих отчетах сведения о количестве покушений на убийство. Таким образом, стало возможным отделить в отчетах законченные преступления от покушений.

Интерпол также ставит на первое место по сравнению с другими видами (группами) преступлений умышленное убийство, подчеркивая тем самым особую тяжесть и значение этого преступления. Наиболее высок уровень убийств в Северной Ирландии, США и Голландии, причем Северная Ирландия вдвое превосходит США по этому показателю.

Наша республика находится на восьмом месте. Таблицу завершают ГДР, Норвегия, Испания, Япония и Греция. Следовательно, если за основу оценки уровня преступности брать умышленные убийства, то уровень преступности в Эстонской ССР следует оценить как относительно высокий.

В таблице отсутствуют сведения о развивающихся странах, поскольку там еще практически не налажена общегосударственная статистика. Но, по мнению экспертов Интерпола, в ряде латиноамериканских, африканских и азиатских стран коэффициент умышленных убийств значительно выше, чем, например, в США.

Доля раскрытых убийств в большинстве стран мира довольно высока, только в некоторых из них она не достигает 80%. В Северной Ирландии - 23%, в Италии - 59%, в Израиле - 64%, в Швеции - 68%, в США - 72%.

2. В международной уголовной статистике Интерпола изнасилования выделены в самостоятельную группу только с 1977 г. В их определении в разных странах имеются значительные различия. Разумеется, полиция не располагает достаточными све-

дениями об этих преступлениях, так как потерпевшие часто не делают соответствующих заявлений.

Очень высока частотность изнасилований в США, она в семь раз выше соответствующего уровня в нашей республике. Высокий уровень этого вида преступности также в Греции, Италии, Японии, Англии и Уэльсе, Испании. Эстонская ССР по частотности изнасилований находится в середине ряда рассматриваемых государств, разделяя с Израилем и Северной Ирландией 13-15 место.

Раскрываемость изнасилований довольно высока. Ниже 50 процентов она составляет лишь в Норвегии (33%), Северной Ирландии (34%) и США (49%).

3. Международная уголовная статистика Интерпола только с 1977 г. стала включать сведения об опасных и тяжких телесных повреждениях. В документах организации это преступление определяется так: "умышленное повреждение, которое может закончиться смертью, а также тяжкие ранения, причиненные с использованием опасных средств (за исключением тех случаев, когда эти средства использовались только для угрозы)". Эта формулировка очень близка к определению аналогичного правонарушения, содержащегося в уголовном законодательстве ФРГ. Что касается других стран, то здесь имеются различия. Так, в Австрии под это определение попадает только тяжкое телесное повреждение, а в ряде других государств - также легкие телесные повреждения, причиненные опасным способом.

Причинение (особо) тяжких телесных повреждений чаще наблюдается в США, Англии и Уэльсе и Канаде. Относительно низка частотность их в Австрии, Греции, Израиле, Турции, Норвегии и Эстонской ССР. Раскрываемость этого вида преступлений высока, достигает 59 - 99,6%, за исключением Северной Ирландии, где раскрывается лишь одна треть таких преступлений.

4. Кражи включались в статистику Интерпола с самого начала его деятельности. Под кражей в Интерполе понимают умышленное и противоправное завладение чужим имуществом. К кражам не относятся грабеж и разбой. Эксперты Интерпола считают, что цифровые показатели по этому виду преступлений в развивающихся странах гораздо меньше, чем в промышленно развитых государствах. Это относится и к социалистическим государствам. Эксперты отмечают, что низкий уровень жизни в этих странах предоставляет меньше возможностей и объектов для совершения краж. Может быть, в этих странах очень много крадут

государственное имущество, может быть, полиция (милиция) в этих странах регистрирует не все известные ей кражи, а возможно, что в этих странах и совершается значительно меньше краж. Хотя, например, в Японии, где уровень жизни высок, краж совершается довольно мало по сравнению с другими ведущими капиталистическими странами. Как видим, на эти вопросы трудно найти ответ. Очевидно, латентность краж в развивающихся и социалистических странах все-таки выше.

Относительно много краж совершается в Новой Зеландии, Дании, Швеции, США и Канаде. Кражи обычно раскрываются плохо. В экономически высоко развитых странах раскрываемость краж колеблется в пределах от 6% (Италия) до 55% (Япония).

5. С 1977 г. кражи (угоны) транспортных средств выделены в самостоятельную группу. При анализе рассматриваемого вида преступлений эксперты Интерпола исходят из посылки, что в большинстве государств уголовная статистика не делает разграничений действительных краж транспортных средств (автомашин) от их самовольного захвата с целью временного использования, то есть угона (УК Эстонской ССР различает эти два вида преступлений).

По поводу слишком высокого коэффициента краж автотранспортных средств в Великобритании эксперты Интерпола указывают, что в Великобритании кража велосипеда также рассматривается как угон транспортного средства. Они обращают внимание и на большие различия коэффициента рассматриваемого преступления в некоторых странах, например, между США и Австрией, Японией и Францией. Существенные расхождения имеются также и в области раскрываемости краж транспортных средств, например, между Северной Ирландией (3%), Италией (5%) и Испанией (67%), Эстонской ССР (89%).

6. Грабеж и разбой. Данная группа преступлений имеет разные трактовки в зависимости от конкретного законодательства. Так, в ФРГ случаи, когда на улице вырывают у прохожих ручную кладь (сумки) квалифицируются как разбой, а в США — как кража.

Названные преступления наиболее часто совершаются в США, Северной Ирландии и Канаде, реже — в Греции, Японии, ГДР и Венгрии. В Эстонской ССР их уровень можно назвать средним (15-е место в таблице). Раскрываемость преступлений этого вида отличается по странам. Низший показатель принадлежит Северной Ирландии (15 процентов), высший — Эстонской ССР (96 процентов).

Мошеничество и сходные с ним преступления и преступления, связанные с производством, распространением и потреблением наркотиков - мы не можем рассмотреть, потому что, к сожалению, мало таких стран, которые публикуют свои данные. Например, количество противозаконных деяний, связанных с торговлей и употреблением наркотических веществ, в каждом государстве в первую очередь зависит от активности полиции (милиции), а также от поведения наркоманов, страдающих от своей привычки, свидетелей, часто не проявляющих желания сообщить о преступлении, очевидцами которого они были.

Если Интерпол не ставит целью сравнение уровня преступности в различных государствах, то мы как раз попытаемся это сделать. Несмотря на разного рода трудности, международная статистика преступности, проводимая Интерполом, в настоящее время является единственным источником информации, позволяющим в глобальном масштабе сравнить преступность в различных странах.

В целях получения определенной картины уровня преступности в различных государствах мы выстроили шесть рассматриваемых видов преступлений таким образом, что государство, в котором уровень преступности наивысший, получает порядковый номер 1, страна со следующим уровнем преступности - порядковый номер 2, и т.д. Позднее баллы, соответствующие порядковому номеру места, складываются. Полученные числовые значения должны с большой долей вероятности отражать уровень преступности в том или ином государстве.

На основании полученных результатов рассматриваемые государства можно условно разделить на четыре группы. К первой группе относятся страны с высоким уровнем преступности - США и Канада. Вторую группу составляют государства с относительно высокой степенью преступности - Северная Ирландия, Дания, Швеция, Голландия, ФРГ, Франция, Англия и Уэльс, Новая Зеландия, Финляндия, Австралия и Бельгия. В третью группу входят государства со средним уровнем преступности - Италия, Испания, Эстонская ССР, Израиль, Австрия, Норвегия, Венгрия, ГДР и Турция. В группу государств с низкой преступностью входят Япония и Греция. Эстонская ССР разделяет с Израилем 17-18 места.

Большую ценность при сравнительно-статистическом изучении преступности в международном масштабе и в разрезе союзных республик представляет выяснение основных тенденций динамики преступности как в целом, так и по наиболее важным ее

видам. При изучении динамических показателей мы отвлекаемся от перечисленных выше особенностей законодательства и системы статистического учета и определяем интенсивность роста и колебания преступности во времени, сопоставляя эти данные в различных государствах, стремясь вместе с тем уловить общие, основные тенденции в динамике преступности. Весьма показательным является и изучение динамики отдельных видов преступлений. Но и здесь нельзя отвлекаться от важнейших изменений в законодательстве и практике его применения полицией (милицией) и судом.

Если проанализировать динамику преступности в разных союзных республиках (см. табл.7), то увидим, что в последние два десятилетия коэффициенты преступности на 100 тыс. жителей больше всего выросли в Молдавской ССР и в РСФСР. Темп роста преступности в нашей республике был ниже общесоюзного среднего. В рассматриваемый период преступности почти совсем не возросла в Грузинской ССР, Киргизской ССР и Азербайджанской ССР. В Армянской ССР преступность даже снизилась на два процента.

При сравнении динамики преступности в государствах Балтийского моря в период с 1960 по 1983 гг. на 100 тыс. жителей (см. табл.8) выясняется, что наибольший рост преступности наблюдается в Норвегии - в 3,5 раза, в Финляндии - в 3 раза, в Дании - в 2,9 раза, в Швеции - 2,6 раза, в Эстонской ССР - в 2,4 раза и в ФРГ - в 2,0 раза. Однако в ГДР преступность даже снизилась на 10 %.

Если при сравнении исходить из динамики умышленных убийств в период с 1960 по 1982 гг. на 100 тыс. жителей (см. табл.9), то выясняется, что темп роста рассматриваемого вида преступлений был наивысшим в Дании - 8,3 раза, в Норвегии - 5,5 раза и в Швеции - 3,6 раза. В эстонской ССР относительное число умышленных убийств возросло в 2,1 раза, в ГДР уровень остался прежним.

Вопрос изучения структуры преступности является одним из важнейших, но в то же время и сложнейших вопросов. По указывавшимся выше причинам довольно сложен анализ структуры преступности в различных государствах. Возникает вопрос об основах, из которых следует исходить при изучении структуры преступности. Существуют разные возможности.

Обычно под структурой преступности понимается соотношение отдельных видов (групп) преступлений, то есть отношение частей к целому - преступности.

В рассмотренных здесь данных (см. табл. 10) находит подтверждение высказывание Маркса, что нарушение закона обычно является следствием экономических явлений⁵. Так как кражи составляют в Дании 81%, в Норвегии - 78%, в Швеции - 68% и в ФРГ - 63%. В социалистических странах - в ГДР и Эстонской ССР удельный вес краж равен 41-42%. Удельный вес тяжких преступлений против личности в структуре преступности рассматриваемых государств сравнительно большой, особенно в Скандинавских странах.

Если приведенные в таблице семь видов (групп) преступлений описывают преступность в Норвегии и Дании на 90-91 %, преступность в Швеции - на 85%, то преступность в ГДР - на 62% и преступность в Эстонской ССР лишь на 58%. Следовательно, структура преступности в социалистических странах отличается от структуры преступности в рассматриваемых странах.

Исходя из эмпирических данных о преступности и из марксистской теории общества, структуру преступности следовало бы рассматривать иначе, а именно: а) преступления против отношений собственности или преступления против имущества. При этом следует иметь ввиду понятие марксизма о том, что отношения собственности - это всегда отношения между людьми. По Марксу, капитал, деньги - не вещь, а отношения между людьми⁶; б) преступления против носителей отношений собственности, или преступления против личности; в) преступления против отношений, защищающих существующие в конкретном обществе производственные отношения - государственные преступления; преступления против политических и трудовых прав граждан; преступления против правосудия; преступления против порядка и общественной безопасности.

Каковы же должны быть степени тяжести частей этой структуры преступности по марксистской теории общества? Самую низкую ступень составляют преступления против отношений собственности. Их численность, бесспорно, самая высокая и поэтому они, образно выражаясь, образуют основные пирамиды преступности. Среднюю часть пирамиды образуют преступления против носителей отношений собственности. Сюда относятся преступления против личности. Их численность по сравнению с преступлениями, направленными против имущества, значительно меньше. На вершине пирамиды расположены преступления, на-

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 516.

⁶ См.: там же. Т. 25. Ч. II. С. 380.

правленные на отношения, защищающие существующие в конкретном обществе производственные отношения. Численность этих преступлений самая низкая.

Таким образом, марксизм располагает преступления, направленные против зашаемых уголовным законодательством общественных отношений, следующим по степени тяжести образом: а) преступления против отношений, защищающих производственные отношения; б) преступления против личности; в) преступления против имущества.

Так, например, в 1982 г. в нашей республике было совершено преступлений: против отношений, защищающих производственные отношения - 12%, против личности - 15% и против имущества - 73%. Естественно, что каждое относящееся к структуре преступности подразделение в свою очередь еще подразделяется на виды (группы) преступлений по степени общественной опасности. Следует сразу сказать, что в социалистическом обществе отношения собственности не могут иметь разное значение. Собственность есть собственность, принадлежит ли она формально обществу (государству), то есть всем членам общества, кооперативам, то есть группе людей или же конкретному лицу. Так же, как все люди равны перед законом, так и принадлежащее тем же самым людям имущество, собственность должна быть равна перед законом. Этот принцип должен быть четко отражен в новом уголовном кодексе Эстонской ССР.

Но отношения собственности не могут существовать без носителей этих отношений - человека, и поэтому уголовный закон должен защищать прежде всего человека, без которого не существует ни один вид отношений собственности (вещи вне человека не являются вещами, собственностью). Следовательно, первую главу Особенной части нового Уголовного кодекса Эстонской ССР должны составлять государственные преступления, вторую главу - преступления против личности, третью главу - преступления против имущества и т.д.

Касаясь преступности в Эстонской республике, следует отметить такой заслуживающий признания факт, что в журнале "Ээсти статистика" регулярно публиковались таблицы состояния, уровня, динамики и структуры преступности, а также посвященные этим вопросам статьи. В статьях, рассматривающих зарегистрированную полицией и судами преступность, как правило, подробно не рассматривались обуславливающие преступность явления и не высказывались трактующие преступность теоретические воззрения. Указанные статьи строились по опреде-

денному типу. В них указывались абсолютные и относительные цифры преступлений на 10 или 100 тыс. жителей по пяти-шести основным группам преступлений. Кроме того, в виде таблицы представлялись числовые показатели преступлений или правонарушений, обычно по 92-95 видам. Последние рассматривались отдельно по городам и уездам, а также по месяцам. Настало время и нам делать нечто подобное⁷.

Прежде чем приступить к рассмотрению преступности в Эстонской республике, дадим краткий обзор состояния преступности на территории Эстонии в последний период ее вхождения в состав Российской империи и в первые годы Эстонской Республики. Приведенные данные о преступности относятся к входящей в состав царской России Эстляндской губернии, куда с территории Эстонской Республики входили, как известно, только Таллинн, уезды Харью, Виру, Ярва и Ляэне, а также половина города Нарвы. Относительно других уездов, которые в царское время входили в состав Лифляндской и другие губернии России, данные, к сожалению, отсутствуют. Поэтому данные царского времени для сравнения почти непригодны. Однако, поскольку количество жителей Эстонской Республики на территории, которая в царское время входила в состав Лифляндской и другие губернии России, было лишь немногим больше, чем в уездах Эстляндской губернии того времени, и преступность в северных уездах республики была гораздо более интенсивной, то достаточно приблизительные данные для сравнения можно получить путем простого удвоения данных царского времени.

Применение этой методики позволяет констатировать, что в части рассматриваемых преступлений в Эстонской Республике числовые данные 1922 года об умышленных убийствах, разбое и конокраде несколько выше, чем в царское время, количество краж со взломом и простых краж меньше. Более точные выводы делать трудно. Таким образом, вопрос о том, была ли преступность на эстонских землях в царское время выше, чем в первые

⁷ См., например, : Susi, A. Kuritegevus Eestis 1919- 1924. a. // "Eesti Statistika", 1926, nr. 58(8) C.1-7; Reiman, H. Kuri ja Süüteod ning seaduste ja määruste rikkumised 1924-1926. a. // "Eesti Statistika", 1927. C.555-573; Raid, K. Politseiliselt registreeritud süütegevus 1938. a. // "Eesti Statistika", 1939, nr. 212(7)-213(8). C.402-411; Reiman, H. Politsei poolt registreeritud süüteod 1936. a. // "Eesti Statistika", 1937, nr. 192(11). C.597-602

годы Эстонской республики, остается открытым.

До второй мировой войны в Эстонии действовали три уголовных уложения: уголовные уложения царской России от 1845 и 1864 гг. (Уложение о наказаниях и Уложение о наказаниях в мировом суде) и часть уголовного уложения царской России от 1903 г. (так называемое Новое уложение о наказаниях). Уголовное уложение Эстонской Республики было принято Государственной думой в 1929 г.⁸ В его основу было положено Уложение о наказаниях от 1903 года, действовавшее в Российской империи, оно было переработано в соответствии с местными условиями. Наибольшие, по сравнению с Новым уложением о наказаниях, изменения имели место в нормах общей части, особенно в законоположениях, касавшихся наказания. Уголовное уложение подразделялось на общую и особенную части и содержало 647 параграфов⁹.

Изменение общего числа преступлений в период с 1919 по 1926 гг. зависело, по мнению Х. Реймана, от трех основных факторов: а) от реального роста или снижения преступности; б) от законодательства и вносимых в него изменений, по которым объем уголовно наказуемых деяний расширяется, сужается или остается прежним; в) от активности наблюдающих за преступностью властей, в особенности от активности полиции.

Все эти факторы влияли и на изменение общего числа преступлений в Эстонской Республике. Несомненно, что на быстрый рост количества зарегистрированных преступлений в первые годы существования республики повлияло формирование деятельности полицейского аппарата и все усиливающийся надзор за соблюдением законов и в особенности постановлений. Позднее же речь могла идти уже о прямом росте преступности. Влияние законодательства в условиях малочисленности новых законов можно считать незначительным; оно скорее снизило количество преступлений, поскольку уменьшилось количество постановлений, касавшихся общественного порядка и снабжения населения продовольствием, которые были обусловлены военным временем. Обращает на себя внимание скачкообразный рост количества преступлений в период с 1919 по 1923 гг. Начиная с 1924 г. данные о преступности собирало и обрабатывало Бюро государственной статистики (ранее этим занимался полицейский аппарат). Данные о преступности за 1924 1926 гг. показывают

⁸ См.: "Riigi Teataja", nr. 56

⁹ См.: Eesti Entsüklopeedia, IV köide. Tartu. 1934. C. 1174

небольшой рост. Из этого можно заключить, что помимо вышеуказанных факторов на число преступлений могло частично повлиять также упорядочение их учета. Учитывая подобную возможность и предполагая, что деятельность регистрирующей преступность организации - полиции - лишь с годами приобрела четкость и точность, мы можем считать наиболее твердыми и объективно отражающими преступность цифрами лишь данные начиная с 1924-1926 гг.¹⁰

В десятилетие, предшествовавшее вступлению в силу нового закона уголовного законодательства (1925-1934 гг.), число зарегистрированных преступлений достигло большой стабильности, как писал К.Райд, указывая на более быструю тенденцию роста преступности лишь в трудный год экономического спада - 1932 год и на последовавший за преодолением кризисной точки в начале нового периода подъема - в 1934 году.

Изменениям, произведенным в материальном праве, особенно касательно строгости наказаний и вследствие этого временной "выжидательной позиции" рецидивистов за введением в 1935 году нового уголовного законодательства последовало чрезвычайно обширное снижение преступности. В зависимости от снижения приостанавливающего действия новых нормативных актов, а отчасти, вероятно, от новой процедуры регистрации преступлений, число преступлений в 1936 г. вновь повысилось до 57,4 тысячи по сравнению с округленной цифрой прошлого года, составляющей 50 тысяч. Число преступлений росло, но рост был не особенно велик - 2%. Рост продолжался и в следующем 1937 г. Однако, в 1938 г. вновь было отмечено снижение преступности.¹¹

Вкратце можно сказать, что уровень преступности в Эстонской Республике в 1934-1938 гг. снизился по сравнению с периодом 1929-1933 гг., что прежде всего было обусловлено выходом из экономического кризиса и отчасти также введением в действие в 1935 г. нового уголовного законодательства Эстонской Республики.

В период с 1919 по 1938 гг. преступления раскрывались в среднем на 55-70%. Реально частота раскрываемости отдельных

¹⁰ См.: Reiman, H. Kuri- ja süüteod ning seaduste ja määruste rikkumised 1924-1926.a. // "Eesti Statistika" 1927. C.555-573

¹¹ См.: Raid, R. Politseiliselt registreeritud süütegevus 1938.a. // "Eesti Statistika" 1939, nr.212(8). C.402

видов преступлений весьма различна. Так, в последние годы существования Эстонской Республики убийства раскрывались на 98-99%, кражи - на 50-55%.¹²

Возникает вопрос, был ли уровень преступности в Эстонской Республике выше или ниже современного уровня преступности в Эстонской ССР? Если исходить из цифровых данных о преступности и правонарушениях, то уровень преступности в Эстонской Республике был в несколько раз выше. Однако, на этот вопрос ответить однозначно нельзя, поскольку возможность сравнения преступности в государствах с различными общественно-экономическими формациями вообще сомнительна, так как основы производства материальных ценностей (то есть вопрос о принадлежности собственности) решается у них по-разному. Вследствие этого в государствах, существующих в разных общественно-экономических формациях, устанавливаемых в них уголовным законодательством круг вариантов преступного поведения весьма различен. Поэтому в социалистическом обществе, например, скупка и перепродажа товаров с целью получения наживы - спекуляция - рассматривается как преступление, а в капиталистическом обществе такое поведение расценивается как способность пробить себе дорогу в мире бизнеса. Исходя из этого, по нашему мнению, не совсем правильно вообще сравнивать уровень преступности в государствах с различной общественно-экономической формацией. Зато возможно сравнить структуру и динамику преступности.

Если сравнивать числовые значения умышленных убийств в расчете на население в Эстонской Республике и в Советской Эстонии, то можно убедиться, что уровень умышленных убийств в последний период существования Эстонской Республики был выше современного уровня и поэтому следовало бы считать, что и уровень преступности в последние годы Эстонской Республики был выше нынешнего уровня преступности в Эстонской ССР. Однако, в то же время известно, что до войны в наших деревнях двери не запирались...

По сравнению с другими государствами в Эстонской Республике уровень преступности был одним из самых высоких. Среди государств Балтийского региона относительное число умышленных убийств было самым высоким в Финляндии. Далее шли Эстония, Латвия, Дания, Швеция и Германия. Изнасилований

¹²См.: Kaup, T.V. Kriminaalkuritegevus Eestis 1936.a.// "Politseileht" 1937, nr. 5. С. 98-100.

было больше всего в Эстонии, за которой следовали Финляндия, Дания и Швеция. Уровень грабежей в Эстонии был ниже, чем в Финляндии и Германии, но намного выше, чем в Швеции. По относительному числу краж Германия превосходила все остальные государства. За ней следовали Эстония, Латвия, Дания и Швеция. По нанесению телесных повреждений впереди были Германия, Финляндия и Швеция, меньше было таких преступлений в Латвии, Эстонии и Дании.¹³

Нельзя не упомянуть примененного Х. Рейманом корреляционного анализа при изучении преступности. Он вычислил коэффициенты корреляции и дисперсию поступавших в суды первой инстанции уголовных дел и некоторых социально-экономических явлений в период с 1920 по 1929 гг.:

с общим индексом уровня жизни	$r = + 0,94 \pm 0,028$
с индексом питания уровня жизни	$r = + 0,92 \pm 0,035$
с числом опротестованных	
векселей	$r = + 0,96 \pm 0,022$
с самоубийствами	$r = + 0,89 \pm 0,052$
с количеством рождений	$r = - 0,76 \pm 0,109$
с количеством зарегистрированных полицией преступлений	$r = + 0,87 \pm 0,647$

По мнению Х. Реймана, в качестве наиважнейшей причины преступности обычно выступает материальное положение. Он пишет, что поскольку индексы уровня жизни и количество опротестованных векселей можно считать очень чувствительными показателями экономической конъюнктуры, то почти функциональная связь с числом переданных для разрешения в суд уголовных дел позволяет предположить, что представленные данные выражают истинный рост преступности, хотя она стала носить менее общественно опасный характер.

Одновременно это можно заключить из обусловленных в большой мере общими причинами увеличения числа самоубийств и снижения рождаемости. Зависимость числа уголовных дел, находящихся на разрешении в судах, от числа преступлений, зарегистрированных полицией, представляется, однако, сомнительной, судя по слишком большой возможности ошибки. Это обстоятельство также проясняет, почему зависимость преступлений, зарегистрированных полицией, от общего индекса уровня жизни

¹³ См.: Reiman, H. Süüdimõistetute koosseis 1924-26.a. (osalized andmed 2 aasta kohta) // "Eesti Statistika" 1928, nr. 74 (1). C. 28.

$r = + 0,17 \pm 0,30$ и индекса питания уровня жизни $r = + 0,51 \pm 0,23$ сравнительно слаба. Х. Рейман делает из этого вывод, что количество зарегистрированных полицией преступлений зависит от каких-то нерегулярных явлений.

В указанной статье Х. Рейман рассматривал также территориальные различия в преступности по округам мировых судов первой инстанции. Объединенные в округа мировых судов регионы были более-менее одинаковы по своей территории, но по сравнению друг с другом весьма своеобразны в аспекте как экономики, так и культуры. В судах первой инстанции наибольшее число уголовных дел на 10000 жителей приходилось на округ мировых судов - Таллинн - Хаапсалу. Но представляется, что на это влияло то, что Таллинн относился к Северо-Западному округу Эстонии (Харьуский, Ляэнеский, Сааремааский уезды), поскольку Таллинн, как столица и важнейший промышленный и торговый город, по своей сущности отличался от названных уездов и их маленьких городов. За ним следовали округа мировых судов Раквере - Пайде, Тарту - Выру и, наконец, Вильянди - Пярну. Особенно малое количество уголовных дел на 10000 жителей приходилось на островах Хийумаа и Сааремаа¹⁴.

В итоге следует отметить, что преступление или преступность как сумма преступлений выступает перед нами как простой эмпирический факт, то есть такой уровень познания объективной действительности, на котором мы исходим только из бытия отдельного явления, взятого самого по себе. На этом уровне познания мы пока абстрагируемся от системы, включающей данное явление - преступность, а также от условий, которые его порождают. Познание преступности как бы констатирует, что предмет такой, и по возможности дает его количественные характеристики, то есть состояние, уровень, динамику и структуру. А почему они таковы, какой процесс и какие закономерности развития привели к этому результату, место данного явления в системе других, тенденции развития системы в целом и т.д. - все эти проблемы здесь еще не исследуются и не раскрываются.

В целом это та форма познания явлений, которая наиболее известна обыденному сознанию и которая этим последним часто применяется за единственное знание о предмете вообще. С

¹⁴ См.: Reiman, H. Kohtute tegevus 1920-29. a. // "Eesti Statistika" 1930, nr. 103(6). C. 313-328.

точки зрения диалектики, мы находимся еще на ступени эмпири-
ческого, внеисторического анализа. Однако, эта ступень,
несомненно, необходима в динамическом процессе познания.

Таблица 1

Состояние, уровень и динамика преступности в республике
в 1961 - 1988 г.г. (в процентах)

	1961/65	1966/70	1971/75	1976/80	1981/85	1986/88
Среднее число зарегистрированных преступлений (ЗП)	5601	5871	6286	8049	12827	12044
Темпы роста или уменьшения ЗП	100	105	112	144	229	215
Темпы роста или уменьшения ЗП по сравнению с пред- шествующим периодом	-	+5	+7	+28	+59	-6
Темпы роста населения	100	106	112	116	120	124
Темпы роста населения по сравнению с пред- шествующим периодом	-	+6	+6	+4	+4	+3
Количество ЗП на 100 тыс. жителей	447	444	448	553	851	773
Темпы роста или уменьшения ЗП на 100 тыс. жителей	100	99	100	124	190	173
Темпы роста или уменьшения ЗП на 100 тыс. жителей по сравнению с предше- ствующим периодом	-	-1	+1	+23	+54	-9

Таблица 2

Частота встречаемости и динамика присущих всем классовым
обществам так называемых классических преступлений в республике
в 1961 - 1988 г.г.

	1961/65	1966/70	1971/75	1976/80	1981/85	1986/88
Умышленное убийство вместе с покушением	44	53	49	82	92	74
(Динамика в процентах)	100	120	111	186	209	168
Умышленное нанесение особо тяжкого телесного повреж- дения	47	53	65	110	128	97
(Динамика в процентах)	100	113	138	234	272	206
Изнасилование вместе с по- кушением	69	66	58	72	71	63
(Динамика в процентах)	100	96	84	104	103	91
Хулиганство	914	1164	678	612	814	556
(Динамика в процентах)	100	127	74	67	89	61
Завладение государственным или общественным, а также личным имуществом граждан путем грабежа и разбоя	151	212	264	449	642	421
(Динамика в процентах)	100	140	175	297	425	279
Кража государственного или общественного имущества (без мелких хищений)	723	438	418	809	1588	1485
(Динамика в процентах)	100	61	58	112	220	205
Кража личного имущества граждан	1508	1254	1333	1754	3718	4439
(Динамика в процентах)	100	83	88	116	247	294
Угон автомобиля или иного механического транспортно- го средства*	303	288	373	596	734	697
(Динамика в процентах)	100	95	123	197	242	230

*1963 - 1965 г.г.

Таблица 3

Раскрываемость преступлений в республике в 1961 - 1988 г.г. (в процентах)

	1961/65	1966/70	1971/75	1976/80	1981/85	1986/88
Преступления, зарегистрированные по линии уголовного розыска*	93,3	94,1	90,4	85,3	72,6	62,3
Умышленное убийство вместе с покушением	95,5	96,6	94,7	95,8	97,0	85,2
Умышленное нанесение особо тяжкого телесного повреждения	94,5	93,9	95,4	93,6	92,8	82,7
Изнасилование вместе с покушением	98,0	93,9	94,9	94,7	94,1	87,8
Хулиганство	99,5	82,3	98,5	96,0	91,2	91,2
Завладение государственным или общественным, а также личным имуществом граждан путем грабежа и разбоя	90,9	91,7	90,8	83,3	80,0	73,5
Кража государственного или общественного имущества (без мелких хищений)	85,0	82,5	75,4	67,8	54,6	47,7
Кража личного имущества граждан	90,5	90,9	84,5	80,0	62,4	51,7
Угон автомобиля или иного механического транспортного средства	88,9	94,9	95,3	88,8	76,5	73,2

*Понятие "преступления, зарегистрированные по линии уголовного розыска" не вытекает из советского уголовного законодательства, но используется в министерстве внутренних дел.

Таблица 4
Уровень преступности на 100 тыс. жителей
в различных союзных республиках¹⁵

	1965 г.	1986 г.
1. Р С Ф С Р	328	929
2. Латвийская ССР	389	850
3. Эстонская ССР	399	811
4. Казахская ССР	321	620
5. Литовская ССР	274	573
6. Белорусская ССР	254	543
7. Молдавская ССР	172	503
8. Украинская ССР	242	488
9. Узбекская ССР	194	393
10. Туркменская ССР	197	380
11. Грузинская ССР	351	351
12. Киргизская ССР	324	341
13. Таджикская ССР	208	299
14. Азербайджанская ССР	215	228
15. Армянская ССР	230	225
С С С Р	324	713

¹⁵См., также: Иллеш А. Эта статистика открыта впервые /"Известия" 15 февраля 1989 г..

Таблица 5

Коэффициенты на 100 тыс. жителей некоторых видов (групп)
преступлений в различных государствах мира за 1982 год¹⁶

N N п/п	Государство	Умышленное убийство	Изнасило- вание	Умышленное нанесение (особо) тяжкого те- лесного повреждения
1.	Северная Ирландия	24,0	5,0	143
2.	США	12,2	36,4	291
3.	Голландия	10,6	7,4	104
4.	Финляндия	6,4	7,6	36
5.	Канада	6,0*	14,1	153
6.	Швеция	5,8	11,3	27
7.	Дания	5,8	7,1	113
8.	Эстонская ССР	5,6	5,0	20
9.	Турция	5,0*	1,8	17
10.	ФРГ	4,9	10,9	110
11.	Италия	4,4	1,0	51
12.	Франция	4,2	4,5	71
13.	Австралия	3,7	9,0	45
14.	Венгрия	3,5*	+	45
15.	Бельгия	3,3	6,4	71
16.	Новая Зеландия	2,5	11,3	97
17.	Швейцария	2,2	6,7	+
18.	Австрия	2,1	5,4	2
19.	Англия и Уэльс	2,0	3,0	214
20.	Израиль	1,8	5,0	17
21.	Греция	1,7	0,9	3
22.	Япония	1,5	2,0	21
23.	Испания	1,3	2,6	24
24.	Норвегия	1,1	3,3	18
25.	ГДР	0,9	3,9	65

*Данные 1980 года

+Данные отсутствуют

¹⁶См.: Kriminalistik, 1984, 8-9.SS.414-420; Yearbook of statistics 1984 Stockholm 1985. P.306; Statistisches Jahrbuch 1985 der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin 1985.SS.388-389.

Таблица 6

Коэффициенты на 100 тыс. жителей некоторых видов (групп)
преступлений в различных государствах мира за 1982 год

№ п/п	Государство	Все виды краж	Кража (угон) транспортного средства	Грабеж и разбой
1.	Северная Ирландия	х	86	127
2.	США	5563*	495	244
3.	Голландия	4623	135	46
4.	Финляндия	2022	168	40
5.	Канада	5373*	437	104
6.	Швеция	6540	429	42
7.	Дания	6593	395	28
8.	Эстонская ССР	253	39	32
9.	Турция	х	х	5
10.	ФРГ	4553	127	49
11.	Италия	1376	210	23
12.	Франция	3803	478	85
13.	Австралия	2929	383	37
14.	Венгрия	149	11	6
15.	Бельгия	х	128	44
16.	Новая Зеландия	6911	х	11
17.	Швейцария	4754	х	55
18.	Австрия	2452	20	35
19.	Англия и Уэльс	5220	708	46
20.	Израиль	4435	376	14
21.	Греция	х	х	1
22.	Япония	1109	28	2
23.	Испания	х	188	62
24.	Норвегия	2746	249	11
25.	ГДР	303	32	5

*Данные 1980 года

хДанные отсутствуют

Таблица 7

Динамика преступности на 100 тыс. жителей в различных
союзных республиках в период с 1965 по 1986 г.
(1965 год = 100%)

Молдавская ССР	292	Туркменская ССР	193
РСФСР	243	Казахская ССР	193
Латвийская ССР	219	Таджикская ССР	144
Белорусская ССР	214	Азербайджанская ССР	106
Литовская ССР	209	Киргизская ССР	105
Узбекская ССР	203	Грузинская ССР	100
Эстонская ССР	203	Армянская ССР	98
Украинская ССР	202	СССР	220

Таблица 8

Уровень и динамика преступности на 100 тыс. жителей
государствах Балтийского моря в период с 1960 по 1983 г.

Государство		1960	1970	1983
Норвегия	уровень	1599	2489	5524
	динамика в процентах	100	156	346
Финляндия	уровень	2254	3882	6694
	динамика в процентах	100	172	297
Дания	уровень	4106	7812	11821
	динамика в процентах	100	190	288
Швеция	уровень	5365	10177	14155
	динамика в процентах	100	190	264
Эстонская ССР	уровень	413	444	1004
	динамика в процентах	100	108	243
ФРГ	уровень	3681	3588	7213
	динамика в процентах	100	98	196
ГДР	уровень	814	639	735
	динамика в процентах	100	79	90

Таблица 9

Уровень и динамика умышленных убийств (без покушений)
на 100 тыс. жителей в государствах Балтийского моря в период
с 1960 по 1982 г.

Государство		1960	1970	1982
Дания	уровень	0,7	0,9	5,8
	динамика в процентах	100	129	829
Норвегия	уровень	x	0,2	1,1
	динамика в процентах	-	100	550
Швеция	уровень	1,6	2,6	6,4
	динамика в процентах	100	163	363
Финляндия	уровень	2,8	2,2	6,4
	динамика в процентах	100	79	229
ФРГ	уровень	2,2	4,0	4,9
	динамика в процентах	100	182	223
Эстонская ССР	уровень	2,7	3,0	5,6
	динамика в процентах	100	111	207
ГДР	уровень	0,9	0,8	0,9
	динамика в процентах	100	89	100

*данные отсутствуют

Таблица 10

Структура некоторых важнейших видов (групп) преступлений в
государствах Балтийского моря в 1982 году (в процентах)

Государство	Виды (группы) преступлений*							Сколько % преступ- ности описано
	I	II	III	IV	V	VI	VII	
1. Дания	0,07	1,4	0,1	0,3	81	3	5	91
2. Норвегия	0,03	0,5	0,1	0,3	78	4	7	90
3. Швеция	0,06	0,3	0,1	0,4	68	12	4	85
4. ФРГ	0,06	1,5	0,2	0,7	63	7	2	74
5. ГДР	0,12	9,0	0,5	0,7	42	5	5	62
6. Финляндия	0,13	0,8	0,2	0,8	42	12	4	60
7. Эстонская ССР	0,90	3,0	0,8	5,2	41	1	6	58

*I - Умышленное убийство

II - Умышленное нанесение (особо) тяжких или опасных для жизни телесных повреждений

III - Изнасилование

IV - Грабеж или разбой

V - Все виды крах

VI - Мошенничество

VII - Кража (угон) транспортного средства

Таблица 11

Сравнительная таблица некоторых видов преступлений,
совершенных на территории Эстонии в период с 1904 по 1922 гг.
(по данным полиции)¹⁷

Вид преступления	1904	1908	1912	1922
Умышленное убийство	82	26	60	182
Разбой	58	66	88	306
Конокрадство	x	28	68	310
Кража со взломом	712	696	644	1236
Простая кража	5918	7314	7566	10500

*данные отсутствуют

¹⁷ См.: Kriminaalpolitsei aruandest (2)//"Eesti Politseileht"
1922. nr.28.C.480.

САМОУБИЙСТВО В ЭСТОНИИ. ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА.

А. Кельник

Аннотация

В статье излагается статистический анализ суицида на территории современной Эстонской ССР начиная с конца XIX века. Приведены также некоторые данные о рассматриваемом явлении как по союзу ССР, так и в отношении Литовской ССР, Венгрии и т.д.

В связи с тем, что основной интерес в предлагаемой статье представляют таблицы, редколлегия считает возможным напечатать статью на языке оригинала. Таблицы на русском языке даны в приложении к статье.

Редколлегия

ENESETAPUD EESTIS. TENDENTSID JA DUNAAMIKA.

A. Kelnik

Venemaa Euroopa-osas oli 19. sajandil kõige kõrgema suitsiidi tasemega läänepoolne piirkond, seejärel Kesk-Venemaa alad. Dr. I. O. Zubovi järgi tuli aastail 1877-1879 Liivimaa kubermangus 59, Tuula kubermangus 29 ja Tveri kubermangus 26 enesetappu 1000000 (miljoni) elaniku kohta.¹

Arvestades asjaolu, et Liivimaa kubermang haaras eelmise sajandi lõpul oma alla suure osa praegusest Eesti NSV territooriumist (s.h. Tartu /Jurjevi/ linna ning Saaremaa) ning et aastal 1900 oli kubermangu elanikkonnast 42% lätlased ja 40% eestlased,² siis võimaldavad andmed tolleaegse Liivimaa kohta teha mõningaid järeldusi ka olukorrast Eesti (praegustes piirides) osas.

Järgnev tabel 1 annab ülevaate suitsiitide dünaamikast Liivimaal 19. sajandi viimasel veerandil.

¹ Зубов И.О. Самоубийство в Лифляндской губернии. Медико-статистический очерк. Юрьев. 1903 г. С. 43.

² Sama lk. 58.

Tabel 1

Suitsiidid Liivimaal aastail 1875-1900

Aasta	Mehi	Naisi	Kokku
1875	35	5	40
1876	47	11	58
1877	41	11	52
1878	41	8	49
1879	64	14	78
1880	57	13	70
1881	58	8	66
1882	61	25	86
1883	67	19	86
1884	81	18	99
1885	63	20	83
1886	63	14	77
1887	72	18	90
1888	x	x	87
1889	x	x	76
1890	90	17	107
1891	90	25	115
1892	80	23	103
1893	88	19	107
1894	97	31	128
1895	82	29	111
1896	46	17	63
1897	80	18	98
1898	92	21	113
1899	73	23	96
1900	70	15	85

x - andmed puuduvad

XIX sajandi teisel poolel täheldati suitsiitide järsku tõusu pea kõigis Euroopa riikides, sealhulgas Venemaal, kus ajavahemikul 1875-1889 tase kahekordistus ³. Moskvast kasvas enesetappude suhtarv 1 mil.elaniku kohta 51-lt 1870. aastal

³ Зубов И.О. Самоубийство в Лифляндской губернии. Медикостатистический очерк. Юрьев. 1903 г. С.43

128-le 1885.a., Odessas aga 28-lt 1880.a. 50-le 1889.a. ⁴

Enesetappude hulga langus Liivimaa kubermangus 1895. aastast alates seostab dr. Zubov majandusliku olukorra mõningase paranemisega selles piirkonnas, samuti eestlaste ja lätlaste rahvusliku iseteadvuse tõusuga ⁵.

20. sajandi kahe esimese aastakümne ning ajaperioodi 1938-1946 (incl.) kohta statistilised andmed puuduvad. Samuti pole teada ka artikleid ja monograafiaid, kus käsitletavat teemat oleks puudutatud. Tõsi, mainitud perioodil on enamike Euroopa maade statistikaaruanded puudulikud. Sõjad ei andnud selleks aega.

Tabelist 2 saame ülevaate enesetappudest Eestis käesoleva sajandi 60 aasta kohta. Mõne aasta (näit. 1933, 1936, 1959-1951) osas on erinevates allikates toodud andmed kull erinevad, kuid vahe ei ulatu üle 10 ühiku ning seega suurusjärk oluliselt ei muutu.

Tabel 2

Suitsiidid Eestis (absoluutarvudes)

Aasta	Enesetappe	Aasta	Enesetappe	Aasta	Enesetappe
1	2	1	2	1	2
1920	58	1935	233	1958	221
1921	114	1936	275	1959	230
1922	184	1937	260	1960	261
1923	186	1961	280
1924	247	1947	167	1962	271
1925	258	1948	233	1963	309
1926	320	1949	310	1964	296
1927	304	1950	280	1965	379
1928	318	1951	271	1966	395
1929	326	1952	259	1967	378
1930	337	1953	260	1968	423
1931	326	1954	231	1969	431
1932	308	1955	166	1970	429
1933	292	1956	196	1971	450
1934	269	1957	196	1972	462

⁴ Zubov И.О. Самоубийство в Лифляндской губернии. Медикостатистический очерк. Юрьев. 1903 г. С.36

⁵ Sama lk. 39.

Tabel 2 (järg)

1	2	1	2	1	2
1973	432	1979	501	1984	499
1974	467	1980	498	1985	470
1975	532	1981	544	1986	425
1976	492	1982	481	1987	396
1977	507	1983	484	1988	381*
1978	495				

* - Eesti NSV Tervishoiuministeeriumi Kohtumeditšiinilise Peaekspertiisi Büroo andmeil.

Ajakiri "Ogonjok" nr.3 1989.a. kirjutab, et Nõukogude Liidus tappis end 1965.aastal 39550, 1984.a. 81417, 1985.a. 68073, 1986.a. 52830, 1987.a. 54105 inimest ⁶. Eestis sooritatud suitsiitide osakaal NSV Liidu omast mainitud aastail oleks siis järgmine: 1965.a. 0,96%, 1984.a. 0,61%, 1985.a. 0,69%, 1986.a. 0,80%, 1987.a. 0,73%. Eesti NSV elanikkond moodustab NSV Liidu omast ümmarguselt 0,6%.

Enesetappude taseme hindamisel ühes või teises piirkonnas on võetud aluseks nende esinemissagedus 100000 elaniku kohta. Aastal 1971 oli kogu nõukogudemaa kohta see arv 23,9, Eesti NSV-s 32,8, Vene NFSV-s 30,7, Läti NSV-s 29,0, Leedu NSV-s 24,7, Aserbaidžani NSV-s 4,1 ning Armeenia NSV-s 2,4.⁷ Erinevates piirkondades ja erinevatel ajaperioodidel on ka näitajate osas olnud erinevusi. Näiteks Nõukogude Liidu põhjapiirkondades elunevatel väikerahvastel pandi 1970-80-ndatel aastatel 100000 elaniku kohta toime 70-90 enesemõrva, mis ületab kogu maa keskmise 3-4 korda ⁸. Ülemaailmselt loetakse madala enesetapu tasemega (suitsiidiriskiga) piirkondadeks neid, kus 0,1 miljoni kohta tapab end alla kümne inimese, keskmise tasemega, kui suhtarv on 10-20, kõrge tasemega kui näit ületab 20-ne ⁹. Paljud uurijad toovad

⁶ Веднеева И. Шар последний. Огонек, nr.3.1989.С.16

⁷ Амбрумова А., Бородин С. Клинико-психологические, социальные и правовые проблемы суицидального поведения. М.1974 С.20

⁸ Пика А., Прохоров Б.-Большие проблемы малых народов.

Коммунист nr.16, 1988. С.80.

⁹ Värnik A.Surma põhjus-enesetapp.Aja pulss nr.9.1987

eraldi välja nn. äärmiselt kõrge taseme, s.o. üle 30 enesetapu 100000 elaniku kohta.

Tabel 3 annab ülevaate suitsiidi taseme dünaamikast Eestis ajaperioodil 1922-1988 (v.a. 1938-1946.a.).

Tabel 3

Enesetapud Eestis 100000 elaniku kohta aastail 1922-1988

Aasta	Arv	Aasta	Arv	Aasta	Arv
1922	16,7	1950	25,5	1970	31,6
1923	16,7	1951	24,6	1971	32,8
1924	22,2	1952	22,9	1972	33,3
1925	23,1	1953	22,8	1973	30,8
1926	28,6	1954	20,1	1974	33,0
1927	27,2	1955	14,4	1975	37,3
1928	28,5	1956	16,9	1976	34,3
1929	29,2	1957	16,7	1977	35,1
1930	30,2	1958	18,7	1978	34,0
1931	29,1	1959	19,2	1979	34,2
1932	27,5	1960	21,6	1980	33,8
1933	26,0	1961	22,9	1981	36,7
1934	23,9	1962	21,9	1982	32,2
1935	20,6	1963	24,7	1983	32,1
1936	24,3	1964	23,4	1984	32,9
1937	23,0	1965	29,5	1985	30,7
1938	1966	30,9	1986	27,6
1947	17,5	1967	28,9	1987	25,5
1948	23,2	1968	32,1	1988	24,3
1949	29,5	1969	32,3		

Märkus: Aastate 1948-1949 kohta on tulem saadud ekstra-poleerimise teel, sest autoril puuduvad andmed nende aastate elanikkonda kohta.

Seega on kõrge suitsiidi tase (üle 20 juhtumi 100000 elaniku kohta) Eestit iseloomustanud pikka aega (aastatel 1924-1937; 1949-1955; 1960-1988), kuid üle 30 inimese 0,1 miljonist lahkus meie aladel elust vabatahtlikult 1930.a., hilisemal ajal aga aastatel 1966 ning ajavahemikul 1968-1985. 1930.aasta langeb ülemaailmse majanduskriisi perioodi ja pea igas riigis täheldati enesetapumiste tõusu. Näiteks

Ungarit iseloomustavad järgmised arvud¹⁰.

Tabel 4

Enesetapud Ungaris (100000 elaniku kohta)

Aasta	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934
Suitsiide	30,6	29,2	31,0	34,4	35,1	31,7	32,3

Eestit on aga koos Ungari, Soome, Taani ja Lääne-Berliiniga peetud üheks kõrgema enesetapu tasemega maaks käesoleval sajandil¹¹.

Ungaris on aga olukord äärmiselt tõsine - ajaperioodil 1950-1983 (hilisema aja kohta andmed puuduvad) oli neil enesetappude suhtarv meiega võrreldes väiksem vaid 6 aastal (1950-1951, 1953-1954, 1965-1966). Ungarlastel tõusis suitsiidi tase viimase saja aasta jooksul 0,1 miljoni elaniku kohta üle 40 enesetapu esmakordselt 1974.aastal.

Aastail 1974-1983 on Ungaris suhtarvud järgmised :

Tabel 4a

Enesetapud Ungaris (100000 elaniku kohta)

Aasta	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983
Suitsiide	41,1	38,1	40,6	40,3	43,1	44,5	44,9	45,6	43,5	45,9

Andmed suitsiididest enamiku NSV Liidu piirkondade kohta veel puuduvad, kuid üllatab enesetapumiste järsk tõus Leedus. Viiniuse Ülikooli teadurite andmeil on Leedumaal enesetappude tase 1980-ndadeks aastateks kujunenud järgmisteks:

Tabel 5

Enesetapud Leedu NSV-s (100000 elaniku kohta)

Aasta	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987
Suitsiide	35,1	33,4	33,6	33,5	35,8	33,7	25,1	28,7

Nagu meidki, nii iseloomustab ka Leedut suhteliselt

¹⁰ Нарушение социальной адаптации в Венгрии.-Программа исследований на 1985-1990 гг.Будапешт.1984.г. С.30.

¹¹ Värnik A.Surma põhjus-enesetapp.Aja pulss nr.9 1989.

suur enesetappude sagedus just maaelanike hulgas. 1987.a. oli neil 100000 maainimese kohta 41,5 ning sama arvu linlaste hulgas 22,5 suitsiidijuhtu.

Viimase 90 aasta jooksul on Eestimaa maaelanike osakaal vabariigi rahvastikust pidevalt vähenenud. Tendentsidest linna- ja maaelanikkonna düamikast annab ülevaate järgnev tabel.

Tabel 6

Rahvaarv Eestis aastail 1897-1986

Aasta	Kogu rah- vastik	Linnarah- vastik	Maarah- vastik	Linna rahvas- tik %	Maarah- vastik %	Tihedus (in.1km ² peale)
1	2	3	4	5	6	7
1897	975	154	818	16,1	83,9	21,6
...						
1913	954	177	777	18,6	81,4	21,2
1922 ^x	1044,1	297,2	746,9	28,4	71,6	23,1
1934 ^x	1061,3	242,4	718,9	32,2	67,8	23,5
...						
1940	1054,4	354,1	700,3	33,6	66,4	23,4
...						
1950	1096,7	516,1	580,6	47,1	52,9	24,3
1951	1104,0	548,4	555,6	49,7	50,3	24,5
1952	1129,8	579,5	550,3	51,3	48,7	25,1
1953	1141,3	599,1	542,2	52,5	47,5	25,3
1954	1150,2	622,0	528,2	54,1	45,9	25,5
1955	1157,3	634,1	523,2	54,8	45,2	25,7
1956	1162,5	640,3	522,2	55,1	44,9	25,8
1957	1174,4	653,1	521,3	55,6	44,4	26,0
1958	1184,7	662,7	522,0	55,9	44,1	26,3
1959 ^x	1196,8	675,5	521,3	56,4	43,6	26,5
1960	1209,1	690,7	518,4	57,1	42,9	26,8
1961	1222,2	709,5	512,7	58,1	41,9	27,1
1962	1236,3	736,6	499,7	59,6	40,4	27,4
1963	1249,8	757,4	492,4	60,6	39,4	27,7
1964	1267,1	776,7	490,4	61,3	38,7	28,1
1965	1284,8	798,0	486,8	62,1	37,9	28,5
1966	1297,3	814,6	482,7	62,8	37,2	28,8
1967	1308,7	828,6	480,1	63,3	36,7	29,0

1	2	3	4	5	6	7
1968	1319,4	843,3	476,1	63,9	36,1	29,3
1969	1334,3	859,7	474,6	64,4	35,6	29,6
1970 ^x	1356,1	881,2	474,9	65,0	35,0	30,1
1971	1373,9	900,6	473,3	65,6	34,4	30,4
1972	1371,2	920,7	470,5	66,2	33,8	30,8
1973	1405,2	973,5	467,7	66,7	33,3	31,1
1974	1418,0	954,3	463,7	67,3	32,7	31,4
1975	1438,7	968,1	460,6	67,8	32,2	31,6
...						
1979 ^x	1465,8	1022,3	443,5	69,7	30,3	32,5
1980	1473,8	1033,1	440,7	70,1	29,9	32,7
1981	1484,6	1046,6	438,0	70,5	29,5	32,9
1982	1496,2	1059,9	436,3	70,8	29,2	33,2
1983	1507,0	1072,2	434,8	71,1	28,9	33,4
1984	1581,1	1082,3	435,8	71,3	28,7	33,7
1985	1529,5	1082,7	436,8	71,4	28,6	33,9
1986	1942,0	1104,2	437,8	71,6	28,4	34,2

^x rahvaloenduse andmeil

1940-ndate aastate lõpus ja 1950-ndail aastail kasvas linnarahvastik Eestis uute linnade ja alevite moodustamise, kohaliku maarahvastiku linna siirdumise ning teistest liiduvabariikidest saabunud tööliste ja spetsialistide arvel. Sel ajavahemikul muutus loomulik iive linnades positiivseks. 1960-ndate aastatel mõjutasid linnarahvastiku suurenemist võrdsest kolm komponenti: loomulik iive, sisseränd teistest liiduvabariikidest ja maaelanike linna siirdumine. Sõjajärgseil aastail eriti 1950-ndail aastail vähenes elanikkond maal kiiresti, sest tööstus vajas tööjõudu ja maal toimus üleminek suurtootmisele põllumajanduses. Oma osa oli siin ka 1940. aasta märtsis läbiviidud deporteerimisaktsioonidel, mille all kannatas põhiliselt maarahvas.

1960-ndatel aastatel oli üheks maarahvastiku vähenemise põhjusteks ka loomuliku iive vähenemine. Kuna naised lahkusid maalt intentsiivsemalt kui mehed, vähenes maal naiste arv nii absoluutselt kui ka suhteliselt. Maarahvastiku tihedus vähenes 15,9-lt inimeselt 1 km² kohta 1940-ndal aastal 10,8-le inimesele 1 km² kohta 1975. aastal.

Vabariigi läänepiirkonnas oli see veelgi väiksem.

Et meie vabariigi maaelanikkond alates 1963.aastast linnarahvast suitsidogeensemaks on muutunud (vt.tabel 7), seab probleemi uurijate ette rida küsimusi. Maaailmas tapab end sagedamini just suurlinna elanik, mitte maainimene.

Tabel 7

Suitsiide Eestis 100000 linna- ja maaelaniku kohta

Aasta	Suitsiide		Aasta	Suitsiide	
	linnas	maal		linnas	maal
1	2	3	1	2	3
1922	26,4	12,6	1962	22,9	20,4
1923	31,4	11,6	1963	23,9	26,0
1924	42,7	14,9	1964	23,0	23,9
1925	45,1	15,6	1965	27,3	33,1
1926	51,8	20,6	1966	28,5	35,0
1927	46,8	18,8	1967	27,3	31,7
1928	38,1	23,7	1968	29,3	37,0
1929	48,9	20,8	1969	29,8	36,8
1930	44,3	23,5	1970	29,3	36,0
1931	44,4	22,2	1971	30,3	36,9
1932	33,2	24,0	1972	28,4	38,0
1933	40,1	19,7	1973	27,8	36,3
1934	28,1	21,9	1974	29,9	39,0
1935	30,2	16,7	1975	30,1	52,2
...			1976	29,0	45,2
1950	25,8	25,3	1977	30,0	45,8
1951	25,0	24,1	1978	29,3	44,4
1952	21,9	24,0	1979	29,5	44,7
1953	25,9	19,4	1980	29,9	42,6
1954	19,6	20,6	1981	32,8	45,5
1955	15,0	13,6	1982	29,7	37,6
1956	17,2	16,5	1983	28,0	41,7
1957	17,5	15,7	1984	29,0	42,2
1958	18,3	19,2	1985	25,8	42,8
1959	20,1	18,0	1986	24,5	34,9
1960	21,1	22,2	1987	22,6	32,2
1961	23,1	22,6			

Vastavalt eelpool toodud andmetele näeme, et alates 1985.a. teisest poolest enesetappude arv vabariigis langes järsku. Langes ka liiklusavariide ja neis hukkunute arv. Uldse on aga Eestis viimase 40 aasta kestel saanud igal aastal enesetappude läbi surma keskmiselt kaks korda rohkem inimesi kui liiklusõnnetustes ¹².

Siiani oleme aga pidanud transpordiavariidel hukkunute arvu väga suureks (nii ta ka on!), rakendanud selle profülaktikale hulga jõudu ja vahendeid, kuid suitsiidiprobleemist on vaikides mõnda mindud. Vene NFSV Autoteede Ministeeriumi Teadusliku Uurimise Instituudis on aastaid tagasi välja töötatud metoodika inimese hukkimisega kaasneva rahvamajandusliku kahju maaramiseks. Selle alusel on ühe inimese hukkimisest (surmast) põhjustatud majanduslik kahju Eesti NSV-s 1,27 korda kõrgem üleliidulisest ning moodustab käesoleval viisaastakul 36500 rubla ¹³. Kuid kas on aga võimalik inimese kaotusega seotut mõõta rahaliselt?

Liivimaal oli eelmise sajandi lõpukümnendil mees- ja naissuitsidentide suhe 3,70/1 ¹⁴. Aastail 1925-1929 oli Eestis vastav suhe keskmiselt 3,13/1 (ehk 1000 mehe kohta 320 naist) ning aastail 1930-1934 3,08/1 (ehk 1000 mehe kohta 325 naist) ¹⁵. Aastail 1947-1949 oli mees- ja naisenesetapjate suhe vabariigis tervikuna 2,73; maal 2,74; linnas 2,78; aastail 1950-1954 keskmiselt vastavalt 3,27, 3,66 ning 2,97 ja aastail 1955-1959 3,10, 2,97, 3,35. Aastatest 1975-1987 annab olukorrast ülevaate tabel 8.

¹² Liiklusõnnetustest Eesti NSV-s (Kus? Millal? Kellega? Miks?). Tallinn. 1974.

¹³ Kelnik A. Kas hinge või ühiskonna kriis? Horisont. nr.2.1989. lk.21.

¹⁴ Зубов И.О. Самоубийство в Лифляндской губернии. Медикостатистический очерк. Юрьев.1903.г.С.46,59.

¹⁵ Eesti arvudes 1920-1935. Tallinn.1937. lk.320.

Tabel 8

Mees- ja naisuitsidentide suhe Eesti NSV-s
aastail 1975-1987

Aasta	Vabariigis kokku		Maal		Linnas	
	M/N suhe	1000 me- he kohta naisi	M/N suhe	1000 me- he kohta naisi	M/N suhe	1000 me- he kohta naisi
1	2	3	4	5	6	7
1975	4,17	240	6,71	149	3,07	326
1976	3,24	309	3,88	258	2,88	347
1977	3,69	271	3,48	287	3,85	260
1978	3,34	299	4,50	222	2,89	256
1979	3,14	318	3,95	253	274	365
1975-79						
keskm.	3,52	284	4,50	222	3,07	326
1980	3,15	317	3,88	272	2,89	346
1981	2,83	353	4,24	236	2,32	431
1982	3,01	332	4,13	242	2,60	385
1983	3,14	318	4,69	213	2,55	372
1984	3,23	310	4,58	218	2,71	369
1980-84						
keskm.	3,07	326	4,26	235	2,61	383
1985	3,75	267	4,50	222	3,35	299
1986	2,76	362	3,94	254	2,32	431
1987	3,30	303	4,46	224	2,85	351

Olukord on vastupidine enesetapukatsete osas - siin domineerivad naised. 1970-datel ja 1980-date aastate algul oli vabariigis ühe lõpule viidud suitsiidi kohta keskmiselt kümme vabaturma katset¹⁶. 1985-st aastast on tunduvalt vähenenud ka enesetapukatsete hulk vabariigis. Vastupidine praegusele oli olukord aga käesoleva sajandi 3. ja 4-ndal

¹⁶ Värnik A. Surma põhjus-enesetapp. Aja pulss nr 8. 1987.

aastakumnel. Nii tuli aastail 1925-1929 iga aasta kohta keskmiselt 75, aastail 1930-1934 69 suitsiidikatset (enesetappe vastavalt 305 ja 306). Erinevates vanusegruppides on aga meeste ja naiste suitsiidide (samuti enesetapukatsete) suhe erinev.

Dr. Zubovi arvutuste kohaselt läks XIX sajandi lõpukümendil vabasurma Liivimaal iga ühe miljoni järgnevast rahvusest inimese kohta: sakslasi - 125, venelasi - 90, lätlasi - 83, poolakaid - 80,8, eestlasi - 59 ja juute - 24. Samadele järeldustele jõudis ka professor G. Rooks 1920-ndate aastate kohta Lõuna-Eesti piirkonnas ¹⁷. Minu poolt on analüüsitud aastail 1980-1987 Tallinna linnas, Harju ja Rapla rajoonis toime pandud 889 enesepoomise juhtu. Selles regioonis on eestlaste ja teiste rahvuste suhe 1,6/1. Asfüktsiooni sooritanud eestlaste ja teiste rahvuste suhe kujunes järgmiseks: 1980.a. - 1,33/1; 1981.a. - 1,49/1; 1982.a. - 1,52/1; 1983.a. - 1,04/1; 1984.a. - 1,28/1; 1985.a. - 1,15/1; 1986.a. - 1,24/1; 1987.a. - 1,06/1.

Eesti NSV-s jagunesid vabasurma läinud perekonnaseisu järgi (1970-ndatel ja 1980-ndate aastate esimesel poolel) järgmiselt: registreeritud abielus - 45,8%, registreerimata abielus - 7,6%, vallalisi - 23,7%, leski - 16% ja lahutuid - 6,9%. 1920.a.-1930.a.-l oli aga olukord teine (vt. tabel 9) ¹⁸.

Tabel 9

Enesetapjate perekonnaseis Eestis 1925-1934 (%)

Aasta	Alla 15.a	Vallalised	Abielus	Lesed	Lahutatud	Fakt. lahus elavad	Teadmata
		15.a ja van.					
1	2	3	4	5	6	7	8
1927-							
1929	0,9	49,8	36,0	8,5	1,1	3,7	2,3
1930-							
1934	0,9	49,1	37,1	8,0	1,2	3,7	1,7

¹⁷ Rooks G. Ulevaade enesetappe-juhtudest Tartu Ülikooli kohtuliku arstideaduse instituudi lahangu materjalis. Eesti Arst nr.9.1928.a.lk.357-365,nr.11.1928.lk.417-422.

¹⁸ Värnik A. Surma põhjus-enesetapp. Aja pulss.nr.9.1987.

1	2	3	4	5	6	7	8
		M	E	H	E	D	
1925-							
1929	0,9	51,0	36,8	6,6	1,0	3,7	1,9
1930-							
1934	0,9	48,3	39,4	6,2	0,9	4,3	1,7
		N	A	I	S	E	D
1925-							
1929	0,9	46,3	33,5	14,5	1,3	3,5	3,5
1930-							
1934	0,5	51,6	30,1	13,7	2,2	1,9	1,6

Poole sajandi jooksul on seega abielus olijate, samuti leskede osa tõusnud, vallaliste osa aga langenud. Tendents on üldine. Kui XIX sajandil oli abieluinimestel arenenud maades risk surra vabaturma 2-3 korda väiksem kui vallalistel, siis praegu erinevusi enam ei ole. Paljudes maades, nagu Prantsusmaa, Itaalia ja USA, on abieluliste hulgas suitsiide enamgi kui vallaliste seas. Lahutus on aga tänapäeval sageli suitsiidi põhjuseks. Prantsusmaal tapavad lehestunud mehed end 5 korda sagedamini kui abielus olevad, lehestunud naised aga vastavalt 2,7 korda; Saksamaal LV-s on need arvud vastavalt 3 ja 1,7; Sveitsis 4 ja 1,8. Vene NFSV-s on aga olukord vastupidine: lehestunud naised sooritavad poole sagedamini enesetapu kui lehestunud mehed. Ungaris on aga abiellunute hulgas vähem enesetappe kui vallaliste, lahutunute ja leskede seas ¹⁹.

Enamikes maailma maades sagenevad enesetapud vanemas eas. Kas rahvastiku keskmise eluea tõus käesoleva sajandi teisel poolel ei ole ka üks suitsiitide sagenemise põhjustest? 1920-1930-ndatel aastatel jaotusid suitsiidendid Eestis vanuse järgi järgmiselt: (vt. tabel 10).

¹⁹ Нарушение социальной адаптации в Венгрии. - Программа исследований на 1985-1990 гг. Будапешт. 1984 г. С. 32.

Tabel 10

Enesetapja vanus Eestis aastail 1923-1935
(vanusrühmade osakaal protsendides)

Aasta	Kuni 20.a.	20-24	25-49	50 ja enam
1923	13,3	22,1	38,1	26,5
1924	9,5	16,9	45,2	22,4
1925	13,3	23,9	42,4	20,4
1926	11,2	20,8	39,1	28,9
1927	10,4	20,5	40,1	29,0
1928	8,6	16,9	45,1	29,4
1929	4,6	14,5	50,0	30,9
1930	8,4	23,8	44,0	23,8
1931	7,4	19,7	43,4	29,5
1932	5,2	18,1	46,4	30,3
1933	7,2	16,1	47,1	29,6
1934	7,1	16,1	47,6	29,2
1935	4,3	15,0	48,9	31,8

1925-1929

keskmiselt	9,5	19,1	43,4	28,0
------------	-----	------	------	------

1930-1934

keskmiselt	7,1	19,0	45,5	28,4
------------	-----	------	------	------

M e h e d

1923	7,8	21,3	41,8	29,1
1924	6,1	19,6	48,0	26,3
1925	10,8	25,1	44,6	19,5
1926	8,4	20,4	40,8	30,4
1927	10,4	20,5	38,6	30,5
1928	8,6	17,2	45,1	29,1
1929	3,7	14,1	49,0	33,2
1930	7,5	24,6	42,1	25,8
1931	7,1	20,5	44,5	27,9
1932	4,4	16,5	47,8	31,3
1933	6,0	13,5	49,8	30,7
1934	7,3	14,6	46,3	31,8
1935	2,9	14,4	47,7	35,0

Tabel 10 (järg)

1	2	3	4	5
<hr/>				
1925-1929				
keskmiselt	8,2	19,2	43,7	28,9
<hr/>				
1930-1924				
keskmiselt	6,5	18,3	45,9	29,3
<hr/>				
N a i s e d				
1923	32,5	25,0	25,0	17,5
1924	18,7	9,4	37,5	34,4
1925	21,7	20,0	35,0	23,3
1926	20,8	22,2	33,4	23,6
1927	10,4	20,8	44,1	24,7
1928	8,7	15,9	44,9	30,5
1929	7,2	15,7	53,0	24,1
1930	11,2	21,3	50,0	17,5
1931	8,5	16,9	39,4	35,2
1932	8,1	23,0	41,9	27,0
1933	10,5	23,7	39,5	26,3
1934	6,7	20,0	50,6	22,7
1935	8,5	16,9	52,6	22,0
<hr/>				
1925-1929				
keskmiselt	13,3	18,8	42,7	25,2
<hr/>				
1930-1924				
keskmiselt	9,1	21,0	44,4	25,5
<hr/>				

Enesetapjate vanuselise jaotuse kohta 1980-ndatel aastatel vabariigis annab ülevaate tabel 11.

Tabel 11
 Suitsidentide vanuseline ja sooline analüüs
 aastail 1980-1986 ENSV-s (absoluutarvudes).

Vanuse- grupp	Sugu	Suitsiidide hulk vabariigis(absoluutarvudes)							
		1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1980-86 keskm.
10-14	M	-	1	-	2	-	3	2	1,14
	N	-	-	-	-	-	1	-	0,14
15-19	M	12	14	23	14	11	7	6	12,40
	N	2	3	2	3	5	2	3	2,86
20-24	M	32	23	23	19	22	22	16	22,43
	N	4	5	2	4	6	5	3	4,14
25-29	M	52	56	35	34	42	31	29	39,86
	N	4	14	8	7	6	4	6	7,00
30-34	M	36	51	34	42	42	40	35	40,00
	N	3	10	6	4	5	5	8	5,82
35-39	M	34	39	30	35	38	40	42	35,43
	N	10	9	1	6	3	6	7	6,00
40-44	M	41	43	40	48	53	49	38	44,29
	N	11	7	10	12	8	6	7	8,71
45-49	M	40	32	33	33	47	48	40	39,00
	N	20	14	12	16	15	10	10	13,86
50-54	M	40	51	55	54	45	47	29	45,86
	N	15	12	23	12	11	13	9	13,37
55-59	M	20	28	26	28	34	34	26	28,00
	N	12	10	11	5	9	10	11	9,71
60-64	M	12	15	16	13	11	15	20	14,57
	N	4	7	11	4	6	9	6	6,71
65-69	M	24	17	12	16	12	9	13	14,71
	N	5	14	9	12	7	3	7	8,14
70-74	M	14	12	10	11	12	9	11	11,29
	N	13	8	6	8	15	6	11	9,57
75-79	M	9	12	15	14	8	7	7	10,29
	N	7	11	6	9	10	9	10	8,86
80-84	M	9	5	4	4	2	6	5	5,00
	N	5	11	9	10	6	6	7	7,71
üle 85	M	3	3	5	2	2	4	1	2,86
	N	5	7	4	5	6	3	8	5,43
Kokku	M	378	402	361	367	381	371	312	
	N	120	142	120	114	118	99	113	

Võrreldes vanusegruppide osakaale enesetappudes, on meestel kriitilised 30-ndad ja 50-ndad eluaastad. Naisi läheb aga suhteliselt palju vabasurma 45-50-ndates eluaastates, s.o. reproduktsiooniea lõpust alates (klimakteeriumist).

Tabel 12

Eesti NSV maaelanike enesetappude keskmine osakaal vabariigis protsentides (vanuseline ja sooline analüüs aastatel 1980-1986

Vanuse- grupp	Sugu	Maaelanike osa (%)							Aastata 1980-1986 keskmine
		1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	
10-14		-	-	-	100	-	50	50	28,6
15-19		7,1	29,4	24,0	29,4	37,5	44,4	33,3	29,3
20-24		44,4	57,1	24,0	34,8	39,3	44,4	47,4	41,6
25-29		28,6	34,3	41,9	43,9	37,5	28,6	48,6	37,6
30-34		33,3	37,7	35,0	34,8	36,2	37,8	44,2	37,0
35-39		29,5	37,5	25,8	36,6	26,8	45,7	30,8	33,2
40-44		38,5	40,0	32,0	36,2	37,7	34,5	33,3	36,0
45-49		38,3	39,1	33,3	28,6	38,7	36,2	40,0	36,3
50-54		27,3	20,6	25,6	37,9	39,3	35,0	42,9	32,6
55-59		43,8	39,5	35,1	48,5	27,9	43,2	29,7	38,2
60-64		50,0	40,9	37,0	35,3	47,1	33,3	23,1	38,1
65-69		51,7	35,5	57,1	35,7	31,6	83,3	35,0	47,1
70-74		51,9	45,0	43,8	26,3	55,6	53,3	36,4	44,6
75-79		43,8	56,5	47,6	56,5	38,9	43,8	29,4	45,2
80-84		50,0	25,0	53,8	28,6	37,5	33,3	33,3	37,4
üle 85		62,5	10,0	18,0	57,1	12,5	42,9	11,1	30,6
Kokku	M	38,9	40,0	36,6	40,9	39,6	41,2	39,1	39,5
	N	33,3	26,8	26,7	27,4	27,9	31,3	27,4	28,7
Üldse		37,6	36,6	34,1	37,6	36,9	39,8	36,0	36,9

I.O.Zubovi järgi pandi XIX sajandil Prantsusmaal, Itaalias, Austrias ja Venemaal kõige enam enesetapmisi toime suvel, seejärel kevadel, sügisel ja talvel ²⁰. 1920-ndail

²⁰ Зубов И.О. Самоубийство в Лифляндской губернии. Медикостатистический очерк. Юрьев. 1903 г. С.68.

aastail oli riskikuudeks juuni ja oktoober 21.

Aastail 1980-1987 pandi Tallinna piirkonnas poomise teel kõige sagedamini enesetapmisi toime mais-novembris ja märtsis (kokku 29,3% kõigist juhumeist vt. tabel 13). Analoogiline on olukord kogu vabariigis.

Tabel 13

Suitsiidide (poomise teel) jaotus Tallinna linnas, Harju ja Rapla rajoonis kuude viisil aastail 1980-1986

Kuu	Absol.arvudes	Kuu osakaal(%)	Kuu	Absol.arvudes	Kuu osakaal(%)
jaanuar	59	6,6	juuli	78	8,8
veebruar	64	7,2	august	79	8,9
märts	80	9,0	september	68	7,6
aprill	70	7,9	oktoober	69	7,7
mai	92	10,3	november	89	10,0
juuni	78	8,8	detsember	63	7,1

Enesetapuviiisidest on vabariigis levinuim poomine (näiteks 1980.a. 74%, 1983.a. 77% ning 1984.a. 77% kõigist juhtumitest). Teisel kohal on enesemürgitused (1980.a. 9%, 1983.a. 7%, 1984.a. 7%). Seejärel tulirelva kasutamisega (1980.a. 6%, 1983.a. 6%, 1984.a. 5%) ning kõrgusest allahüpamine (1980.a. 5%, 1983.a. 4%, 1984.a. 5%). 1920-ndatel aastatel reastasid enesetapuviiisid järgmiselt: poomine, tulirelva kasutamine, mürgitamine ja uputamine 22.

Vaidlusi on aegade jooksul tekitanud suitsiidi põhjused. Dr. Zubov väidab, et tsivilisatsioon areneb masside kannatuste arvel. Rahvahulkade kannatuste suurus ei ole püsiv ja on raskesti mõõdetav. Püsiv pole ka suitsiiditase aastate lõikes. Täheledatakse enesetappude arvukuse tõusu enne sõda jt. "segastel perioodidel". Pärast sõda on suitsiiditase suhteliselt madal, kuna massidel on lootust tuleviku peale.

Suitsiidi põhjuseks on sageli toodud elutüdimust, seda eriti eelmisel sajandil ja XX sajandi esimesel poolel. See on aga väga lai ja mittekonkreetne mõiste ning ei määratle

21 Rooks G. Ulevaade enesetappe-juhtudest Tartu Ülikooli kohtuliku arstiteaduse instituudi lahangu materjalis Eesti Arst. nr.9.1928.a. lk.361

22 Sama lk.362

täpselt nähtuse olemust. Et suitsiidi põhjusi analüüsida, oleks vaja luua ühtne, konkreetne põhjuste määratluse süsteem.

Nõukogude professor A.G. Ambrumova on visalt väitnud, et enesetapu peapõhjuseks on üksindus. Uhinen tema arvamusega täielikult, sest analüüs kinnitab, et eriti vanemaealine suitsident on enamasti olnud üksik inimene, kellel puudu perekond ja sugulased.

Eks tunne end üksikuna ka lesed, lahutatud jne. inimesed. Sageli on tõrjutud seisundis ka alkohoolikud, kelle osakaal on vabasurma minejate hulgas märkimisväärtne. Eestis tuleks ühe sotsiaalse põhjusena kindlasti kõne alla naiste suur tööhõivatus. See on üks suurimaid NSV Liidus ning selle tagajärjel kannatab perekonnaelu (lapsed on lasteaeades närvilisemad kui kodudes jne.). Alates 1989.a. aprillikuust hakkame vabariigis läbi viima ankeetküsitlusi suitsidentide omaste ja tuttavate hulgas. Huvitavaid andmeid sotsiaalsete pingete kohta vabariigis on saadud Tallinna usaldustelefoni (töötas alates 1. jaan. 1988.a.) tööaruannetest. Praegu töötab usaldustelefon vabariigi viies linnas.

1985-1987.a. Tallinna linnas ja Harju rajoonis poomise teel suitsiidi toime pannud 236 inimesest oli 13 dispanseerisel arvel Psühhoneuroloogiahaiglas (s.o. 5,5% suitsidentidest). Kriminaalkorras oli neid karistatud 31 (28 meest ja 3 naist) s.o. 13,3%. Samade aastate analüüs Harju rajooni, Tallinna linna ja Rapla rajooni suitsidentide kohta (315 inimest) näitas, et kõige suitsidogeensemad olid aprilli-, jaanuari- ja novembrikuul sündinud kodanikud. Aprilli- kuul sündinud enesetapjad moodustasid 12,1%, septembri- ja detsembrikuul sündinud aga 6,3% kogu aasta enesetapjatest (sünnikuude järgi erinevus seega 1,9 kordne). Väiksem kalduvus enesetappudele on veebruaris, septembris, oktoobris ja detsembris sündinud meestel ja augustis sündinud naistel. Tõsi küll - andmepank oli absoluutsete järelduste tegemiseks liialt väike, kuid mõningad tendentsid siiski ilmsid. Suitsiidide preventsiiooni seisukohalt on aga selle tähtsus suur.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Суициды в Лифляндии в 1875-1900 годы

Год	Мужчин	Женщин	Всего
1875	35	5	40
1876	47	11	58
1877	41	11	52
1878	41	8	49
1879	64	14	78
1880	57	13	70
1881	58	8	66
1882	61	25	86
1883	67	19	86
1884	81	18	99
1885	63	20	83
1886	63	14	77
1887	72	18	90
1888	x	x	87
1889	x	x	76
1890	90	17	107
1891	90	25	115
1892	80	23	103
1893	88	19	107
1894	97	31	128
1895	82	29	111
1896	46	17	63
1897	80	18	98
1898	92	21	113
1899	73	23	96
1900	70	15	85

x - данные отсутствуют

Таблица 2
Суициды в Эстонии (в абсолютных числах)

Год	Самоубийств	Год	Самоубийств	Год	Самоубийств
1920	58	1948	233	1968	423
1921	114	1949	310	1969	431
1922	184	1950	280	1970	429
1923	186	1951	271	1971	450
1924	247	1952	259	1972	462
1925	258	1953	260	1973	432
1926	320	1954	231	1974	467
1927	304	1955	166	1975	532
1928	318	1956	196	1976	492
1929	326	1957	196	1977	507
1930	337	1958	221	1978	495
1931	326	1959	230	1979	501
1932	308	1960	261	1980	498
1933	292	1961	280	1981	544
1934	269	1962	271	1982	481
1935	233	1963	309	1983	484
1936	275	1964	296	1984	499
1937	260	1965	379	1985	470
...	1966	395	1986	425
1947	167	1967	378	1987	396
				1988	381*

* - По данным главного экспертного Бюро по судебной медицине Министерства Здравоохранения ЭССР.

Таблица 3
Самоубийства в Эстонии на 100000 жителей в 1922-1988 гг.

Год	Число	Год	Число	Год	Число
1922	16,7	1950	25,5	1970	31,6
1923	16,7	1951	24,6	1971	32,8
1924	22,2	1952	22,9	1972	33,3
1925	23,1	1953	22,8	1973	30,8
1926	28,6	1954	20,1	1974	33,0
1927	27,2	1955	14,4	1975	37,3
1928	28,5	1956	16,9	1976	34,3

Таблица 3 (продолжение)

Год	Число	Год	Число	Год	Число
1929	29,2	1957	16,7	1977	35,1
1930	30,2	1958	18,7	1978	34,0
1931	29,1	1959	19,2	1979	34,2
1932	27,5	1960	21,6	1980	33,8
1933	26,0	1961	22,9	1981	36,7
1934	23,9	1962	21,9	1982	32,2
1935	20,6	1963	24,7	1983	32,1
1936	24,3	1964	23,4	1984	32,9
1937	23,0	1965	29,5	1985	30,7
1938	1966	30,9	1986	27,6
1947	17,5	1967	28,9	1987	25,5
1948	23,2	1968	32,1	1988	24,3
1949	29,5	1969	32,3		

Примечание: Данные по 1948-1949 годам получены путем экстраполяции, поскольку у автора отсутствуют данные о населении.

Таблица 4

Самоубийства в Венгрии (на 100000 жителей)

Год	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934
Суицидов	30,6	29,2	31,0	34,4	35,1	31,7	32,3

Таблица 4а

Самоубийства в Венгрии (на 100000 жителей)

Год	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983
Суицидов	41,1	38,1	40,6	40,3	43,1	44,5	44,9	45,6	43,5	45,9

Таблица 5
Самоубийства в Литовской ССР (на 100000 жителей)

Год	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987
Суицидов	35,1	33,4	33,6	33,5	35,8	33,7	25,1	28,7

Таблица 6
Численность населения в Эстонии в 1897-1986 годы

Год	Все насе- ление (тыс. чел.)	Городское население (тыс. чел.)	Сельское насел. (тыс. чел.)	Городск. населен. %	Сельск. насел. %	Плотность (чел. на 1 км ²)
1	2	3	4	5	6	7
1897	975	154	818	16,1	83,9	21,6
...						
1913	954	177	777	18,6	81,4	21,2
1922 ^x	1044,1	297,2	746,9	28,4	71,6	23,1
1934 ^x	1061,3	242,4	718,9	32,2	67,8	23,5
...						
1940	1054,4	354,1	700,3	33,6	66,4	23,4
...						
1950	1096,7	516,1	580,6	47,1	52,9	24,3
1951	1104,0	548,4	555,6	49,7	50,3	24,5
1952	1129,8	579,5	550,3	51,3	48,7	25,1
1953	1141,3	599,1	542,2	52,5	47,5	25,3
1954	1150,2	622,0	528,2	54,1	45,9	25,5
1955	1157,3	634,1	523,2	54,8	45,2	25,7
1956	1162,5	640,3	522,2	55,1	44,9	25,8
1957	1174,4	653,1	521,3	55,6	44,4	26,0
1958	1184,7	662,7	522,0	55,9	44,1	26,3
1959 ^x	1196,8	675,5	521,3	56,4	43,6	26,5
1960	1209,1	690,7	518,4	57,1	42,9	26,8
1961	1222,2	709,5	512,7	58,1	41,9	27,1
1962	1236,3	736,6	499,7	59,6	40,4	27,4
1963	1249,8	757,4	492,4	60,6	39,4	27,7
1964	1267,1	776,7	490,4	61,3	38,7	28,1
1965	1284,8	798,0	486,8	62,1	37,9	28,5
1966	1297,3	814,6	482,7	62,8	37,2	28,8

Таблица 6 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
1967	1308,7	828,6	480,1	63,3	36,7	29,0
1968	1319,4	843,3	476,1	63,9	36,1	29,3
1969	1334,3	859,7	474,6	64,4	35,6	29,6
1970 ^x	1356,1	881,2	474,9	65,0	35,0	30,1
1971	1373,9	900,6	473,3	65,6	34,4	30,4
1972	1371,2	920,7	470,5	66,2	33,8	30,8
1973	1405,2	973,5	467,7	66,7	33,3	31,1
1974	1418,0	954,3	463,7	67,3	32,7	31,4
1975	1438,7	968,1	460,6	67,8	32,2	31,6
...						
1979 ^x	1465,8	1022,3	443,5	69,7	30,3	32,5
1980	1473,8	1033,1	440,7	70,1	29,9	32,7
1981	1484,6	1046,6	438,0	70,5	29,5	32,9
1982	1496,2	1059,9	436,3	70,8	29,2	33,2
1983	1507,0	1072,2	434,8	71,1	28,9	33,4
1984	1581,1	1082,3	435,8	71,3	28,7	33,7
1985	1529,5	1092,7	436,8	71,4	28,6	33,9
1986	1942,0	1104,2	437,8	71,6	28,4	34,2

Таблица 7

Суицидов в Эстонии на 100000 городского и сельского населения

Год	суицидов		Год	суицидов	
	в городе	в деревне		в городе	в деревне
1	2	3	1	2	3
1922	26,4	12,6	1962	22,9	20,4
1923	31,4	11,6	1963	23,9	26,0
1924	42,7	14,9	1964	23,0	23,9
1925	45,1	15,6	1965	27,3	33,1
1926	51,8	20,6	1966	28,5	35,0
1927	46,8	18,8	1967	27,3	31,7
1928	38,1	23,7	1968	29,3	37,0
1929	48,9	20,8	1969	29,8	36,8
1930	44,3	23,5	1970	29,3	36,0

Таблица 7 (продолжение)

1	2	3	1	2	3
1931	44,4	22,2	1971	30,3	36,9
1932	33,2	24,0	1972	28,4	38,0
1933	40,1	19,7	1973	27,8	36,3
1934	28,1	21,9	1974	29,9	39,0
1935	30,2	16,7	1975	30,1	52,2
...			1976	29,0	45,2
1950	25,8	25,3	1977	30,0	45,8
1951	25,0	24,1	1978	29,3	44,4
1952	21,9	24,0	1979	29,5	44,7
1953	25,9	19,4	1980	29,9	42,6
1954	19,6	20,6	1981	32,8	45,5
1955	15,0	13,6	1982	29,7	37,6
1956	17,2	16,5	1983	28,0	41,7
1957	17,5	15,7	1984	29,0	42,2
1958	18,3	19,2	1985	25,8	42,8
1959	20,1	18,0	1986	24,5	34,9
1960	21,1	22,2	1987	22,6	32,2
1961	23,1	22,6			

Таблица 8

Соотношение мужских и женских суицидов в Эстонии
в 1975-1987 годы

Год	По респ. в целом		В деревне		В городе	
	М/Ж	женщин на	М/Ж	женщин на	М/Ж	женщин на
	соотн.	1000 муж- чин	соотн.	1000 муж- чин	соотн.	1000 муж- чин
1	2	3	4	5	6	7
1975	4,17	240	6,71	149	3,07	326
1976	3,24	309	3,88	258	2,88	347
1977	3,69	271	3,48	287	3,85	260
1978	3,34	299	4,50	222	2,89	256
1979	3,14	318	3,95	253	274	365

Таблица 8 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7
1980	3,15	317	3,68	272	2,89	346
1981	2,83	353	4,24	236	2,32	431
1982	3,01	332	4,13	242	2,60	385
1983	3,14	318	4,69	213	2,55	372
1984	3,23	310	4,58	218	2,71	369
1980-84						
средн.	3,07	326	4,26	235	2,61	383
1985	3,75	267	4,50	222	3,35	299
1986	2,76	362	3,94	254	2,32	431
1987	3,30	303	4,46	224	2,85	351

Таблица 9

Семейное положение самоубийц в Эстонии в 1925-1934 г. (%)

Год	Моложе 15 лет	Не в браке 15 и старше	В браке	Вдовы	Развед.	Факт.развед.	Неиз- вестно
1927-							
1929	0,9	49,8	36,0	8,5	1,1	3,7	2,3
1930-							
1934	0,9	49,1	37,1	8,0	1,2	3,7	1,7
		М У	Ж Ч	И	Н	Ы	
1925-							
1929	0,9	51,0	36,8	6,6	1,0	3,7	1,9
1930-							
1934	0,9	48,3	39,4	6,2	0,9	4,3	1,7
		Ж Е	Н Щ	И	Н	Ы	
1925-							
1929	0,9	46,3	33,5	14,5	1,3	3,5	3,5
1930-							
1934	0,5	51,6	30,1	13,7	2,2	1,9	1,6

Таблица 10

Возраст самоубийц в Эстонии в 1923-1935 годах
(удельный вес возрастных групп в процентах)

Год	До 20 лет	20-24	25-49	50 и старше
1	2	3	4	5
1923	13,3	22,1	38,1	26,5
1924	9,5	16,9	45,2	22,4
1925	13,3	23,9	42,4	20,4
1926	11,2	20,8	39,1	28,9
1927	10,4	20,5	40,1	29,0
1928	8,6	16,9	45,1	29,4
1929	4,6	14,5	50,0	30,9
1930	8,4	23,8	44,0	23,8
1931	7,4	19,7	43,4	29,5
1932	5,2	18,1	46,4	30,3
1933	7,2	16,1	47,1	29,6
1934	7,1	16,1	47,6	29,2
1935	4,3	15,0	48,9	31,8
1925-1929				
в среднем	9,5	19,1	43,4	28,0
1930-1934				
в среднем	7,1	19,0	45,5	28,4
М У Ж Ч И Н Ы				
1923	7,8	21,3	41,8	29,1
1924	6,1	19,6	48,0	26,3
1925	10,8	25,1	44,6	19,5
1926	8,4	20,4	40,8	30,4
1927	10,4	20,5	38,6	30,5
1928	8,6	17,2	45,1	29,1
1929	3,7	14,1	49,0	33,2
1930	7,5	24,6	42,1	25,8
1931	7,1	20,5	44,5	27,9
1932	4,4	16,5	47,8	31,3
1933	6,0	13,5	49,8	30,7
1934	7,3	14,6	46,3	31,8
1935	2,9	14,4	47,7	35,0

Таблица 10 (продолжение)

1	2	3	4	5
1925-1929				
в среднем	8,2	19,2	43,7	28,9
1930-1924				
в среднем	6,5	18,3	45,9	29,3
Ж е н щ и н ы				
1923	32,5	25,0	25,0	17,5
1924	18,7	9,4	37,5	34,4
1925	21,7	20,0	35,0	23,3
1926	20,8	22,2	33,4	23,6
1927	10,4	20,8	44,1	24,7
1928	8,7	15,9	44,9	30,5
1929	7,2	15,7	53,0	24,1
1930	11,2	21,3	50,0	17,5
1931	8,5	16,9	39,4	35,2
1932	8,1	23,0	41,9	27,0
1933	10,5	23,7	39,5	26,3
1934	6,7	20,0	50,6	22,7
1935	8,5	16,9	52,6	22,0
1925-1929				
в среднем	13,3	18,8	42,7	25,2
1930-1924				
в среднем	9,1	21,0	44,4	25,5

Таблица 11
Анализ суицидов по возрасту и полу в ЭССР
в период 1980-1986 (в абсолютных цифрах)

Возр. группа	Пол	число суицидов в республике (в абс. цифрах)								1980-86 средн.
		1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986		
10-14	М	-	1	-	2	-	3	2	1,14	
	Ж	-	-	-	-	-	1	-	0,14	
15-19	М	12	14	23	14	11	7	6	12,40	
	Ж	2	3	2	3	5	2	3	2,86	
20-24	М	32	23	23	19	22	22	16	22,43	
	Ж	4	5	2	4	6	5	3	4,14	
25-29	М	52	56	35	34	42	31	29	39,86	
	Ж	4	14	8	7	6	4	6	7,00	
30-34	М	36	51	34	42	42	40	35	40,00	
	Ж	3	10	6	4	5	5	8	5,82	
35-39	М	34	39	30	35	38	40	42	35,43	
	Ж	10	9	1	6	3	6	7	6,00	
40-44	М	41	43	40	48	53	49	38	44,29	
	Ж	11	7	10	12	8	6	7	8,71	
45-49	М	40	32	33	33	47	48	40	39,00	
	Ж	20	14	12	16	15	10	10	13,86	
50-54	М	40	51	55	54	45	47	29	45,86	
	Ж	15	12	23	12	11	13	9	13,37	
55-59	М	20	28	26	28	34	34	26	28,00	
	Ж	12	10	11	5	9	10	11	9,71	
60-64	М	12	15	16	13	11	15	20	14,57	
	Ж	4	7	11	4	6	9	6	6,71	
65-69	М	24	17	12	16	12	9	13	14,71	
	Ж	5	14	9	12	7	3	7	8,14	
70-74	М	14	12	10	11	12	9	11	11,29	
	Ж	13	8	6	8	15	6	11	9,57	
75-79	М	9	12	15	14	8	7	7	10,29	
	Ж	7	11	6	9	10	9	10	8,86	
80-84	М	9	5	4	4	2	6	5	5,00	
	Ж	5	11	9	10	6	6	7	7,71	
старше 85	М	3	3	5	2	2	4	1	2,86	
	Ж	5	7	4	5	6	3	8	5,43	
Всего	М	378	402	361	367	381	371	312		
	Ж	120	142	120	114	118	99	113		

Таблица 12

Средний удельный вес самоубийц из числа сельских жителей
Эстонской ССР по республике в процентах
(анализ по возрасту и полу в период 1980-1986)

Возр. группа	Часть сельских жителей (%)								Среднее за 1980-1986 годы
	Sugu	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	
10-14	-	-	-	100	-	50	50		28,6
15-19		7,1	29,4	24,0	29,4	37,5	44,4	33,3	29,3
20-24		44,4	57,1	24,0	34,8	39,3	44,4	47,4	41,6
25-29		28,6	34,3	41,9	43,9	37,5	28,6	48,6	37,6
30-34		33,3	37,7	35,0	34,8	36,2	37,8	44,2	37,0
35-39		29,5	37,5	25,8	36,6	26,8	45,7	30,8	33,2
40-44		38,5	40,0	32,0	36,2	37,7	34,5	33,3	36,0
45-49		38,3	39,1	33,3	28,6	38,7	36,2	40,0	36,3
50-54		27,3	20,6	25,6	37,9	39,3	35,0	42,9	32,6
55-59		43,8	39,5	35,1	48,5	27,9	43,2	29,7	38,2
60-64		50,0	40,9	37,0	35,3	47,1	33,3	23,1	38,1
65-69		51,7	35,5	57,1	35,7	31,6	83,3	35,0	47,1
70-74		51,9	45,0	43,8	26,3	55,6	53,3	36,4	44,6
75-79		43,8	56,5	47,6	56,5	38,9	43,8	29,4	45,2
80-84		50,0	25,0	53,8	28,6	37,5	33,3	33,3	37,4
Старше 85		62,5	10,0	18,0	57,1	12,5	42,9	11,1	30,6
Всего	М	38,9	40,0	36,6	40,9	39,6	41,2	39,1	39,5
	Ж	33,3	26,8	26,7	27,4	27,9	31,3	27,4	28,7
Итого		37,6	36,6	34,1	37,6	36,9	39,8	36,0	36,9

Таблица 13

Распределение суицидов (путем повешения) в городе Таллинне, Карьуском и Рапласком районах по месяцам в 1980-1986 гг.

Месяц	В абс. числах	Уд. вес месяца(%)	Месяц	В абс. числах	Уд. вес месяца(%)
январь	59	6,6	июль	78	8,8
февраль	64	7,2	август	79	8,9
март	80	9,0	сентябрь	68	7,6
апрель	70	7,9	октябрь	69	7,7
май	92	10,3	ноябрь	89	10,0
июнь	78	8,8	декабрь	63	7,1

Данные об авторах

- Аувяэрт Л.И., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории искусственного интеллекта Тартуского госуниверситета;
- Блувштейн Ю.Д., доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры спецдисциплины Вильнюсского факультета Минской ВШ МВД СССР;
- Босхолов С.С., кандидат юридических наук, доцент Вильнюсского факультета Минской ВШ МВД СССР;
- Гилинский Я.И., доктор юридических наук, председатель секции социологии отклоняющегося поведения Северо-Западного отделения ССА;
- Кельник А.И., Заместитель начальника Харьковского РОВД;
- Лепс А.А., кандидат юридических наук, следователь СУ МВД ЭССР;
- Раска Э.Э., доктор юридических наук, заведующий лабораторией отклоняющегося поведения Тартуского госуниверситета;
- Черненидов В.И., кандидат психологических наук, начальник кафедры психологии управления и педагогики Академии МВД СССР;
- Юстицкий В.В., кандидат философских наук, доцент кафедры спецдисциплины Вильнюсского факультета Минской ВШ МВД СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Э.Раска.	Социальные источники насилия.....	3
Я.Гилинский.	Социология насильственной преступности.....	20
Л.Аувяэрт.	Сталинизм: экономическая и политическая система обезличивания.....	34
Ю.Блувштейн, В.Черненилов, В.Юстицкий.	Ограничение свободы воли как правовой и психологический феномен.....	45
С.Босхолов.	Причинный комплекс и механизм образования латентности насильственных преступлений.....	59
А.Лепс.	Преступность в Эстонии и ее сравнение с преступностью в других государствах (союзных республиках).....	78
	Приложение.....	100
А.Келник.	Enezetapud Eestis. Tendentsid ja dünaamika..	110
А.Кельник.	Самоубийство в Эстонии. Тенденции и динамика. Приложение.....	129
Данные об авторах.....		141

Ученые записки Тартуского университета.
Выпуск 869.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
РАЗЛИЧИЙ В ПРЕСТУПНОСТИ.
Социальные и правовые аспекты насилия.
Труды по криминологии.
На русском и эстонском языках.
Тартуский университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Дликооли, 18.
Ответственный редактор Э. Раска.
Подписано к печати 1.06.1989.
МБ 01554.
Формат 60х90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 8,67. Печатных листов 9,0.
Тираж 400.
Заказ № 360.
Цена 1 руб. 70 коп.
Типография ТУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.